

СВ

3(44)

ВРАТА СИБИРИ

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года

учредитель
и издатель:

ОАО
«Тюменский издательский дом»

Редактор
Леонид ИВАНОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 3 (44)

С.В. БЕЛКИН
М.М. ГАРДУБЕЙ
А.Н. ДВИЗОВ
Н.И. КОНЯЕВ
В.Е. КОПЫЛОВ
В.Л. СТРОГАЛЬЩИКОВ
М.А. ФЕДОСЕЕНКОВ
А.П. ЯРКОВ

Тюмень
2015

Содержание

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Иван ЕРМАКОВ	Богиня в шинели. Сказ.....	3
--------------	----------------------------	---

ПРОЗА

Анатолий КОНДАУРОВ	Рассказы.....	19
Елена ШАМОВА	Рассказы.....	47
Игорь КАРНАУХОВ	За окном летали снежинки. Отрывок из повести.....	63

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Зот ТОБОЛКИН	Стихотворения.....	65
--------------	--------------------	----

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Алина ВАЛГЕ	Сказки.....	69
Светлана РАДАЕВА	Кот, идущий по радуге. Сказочная повесть (отдельные главы).....	77

ПОЭЗИЯ

Роман ПОПЛАВСКИЙ (96), Догалак ОСПАНОВ (100)

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЁВА	В.И. Суриков и тюменский ковёр.	103
----------------	--------------------------------------	-----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей СМЕТАНИН	О философии поэтики.....	108
Мария СИНЮКОВА	«Так было»: военный роман К.Я. Лагунова в перспективе его творческого пути.....	116

ПУБЛИЦИСТИКА

Мария СИЛЬНЯГИНА	Четыре лица Олега Печёрина.....	121
------------------	---------------------------------	-----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр ЯРКОВ	Козьма Прутков и другие сибиряки на Крымской войне.....	126
Аркадий ЗАХАРОВ	По следу бабы Яги. Эссе.....	128
Татьяна ГОРКУНОВА	Атаман Ермак. Былина.....	133
Татьяна СОЛОДОВА	Человек, устремлённый в будущее (Б.П. Грабовский, 1901–1966).....	143

У НАС В ГОСТЯХ

«БИЙСКИЙ ВЕСТНИК»

Анатолий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ (169), Павел ЯВЕЦКИЙ (189)

Дмитрий ШАРАБАРИН (191), Идалия ШЕВЦОВА (194)

Людмила КОЗЛОВА	Мга. Отрывок из романа.....	173
-----------------	-----------------------------	-----

Литературная хроника	196
----------------------	-------	-----

Коротко об авторах	197
--------------------	-------	-----

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Иван ЕРМАКОВ

БОГИНЯ В ШИНЕЛИ

Сказ

Дедушка Михайла – любитель книжку послушать. Сейчас, правда, глуховат стал, а всё равно приспособливается. Ладонкой ухо наростит, клок седины между пальцами пропустит и вникает. Слушатель – лучше бы не надо, кабы не слеза. Совсем ослабел он с этим делом. Внучата уж следят: как задрожал у деда наушник, ладошка, значит, которая ему помогает, так привал – жди, пока дед прочувствуется. «Тараса Бульбу» местах в четырёх обслежил, а от рассказа «Лев и собачка» зарыдал даже.

– Вот ведь, – говорит, – любовь какая была... невытерпно!

Дед от всей души слезу выдаёт, а внукикам то – в потешку. Нарочно пожалобней истории выбирают. Знают примерно, на котором месте дедушку затревожит, – дрожи в голос подпустят и разделявают:

– Ба-а-атько! Где ты? Слы-ы-шишь ли ты?

Ну, и сразят деда.

Валерка – тоже ему внучек будет, недавно из армии вернулся – поглядел, значит, на эти ихние проказы и разжаловал грамотеев. Сам стал читать. Про Васю Тёркина, про Швейка – бравого солдата... Это ещё куда ни шло. Терпимо деду. Всхлипнёт местами, а до большого рёву дело не доходит. Другой раз даже критику наведёт:

– У людей – всё как у людей... Кто этот Тёркин? Смоленский рожок! Миром блоху давили, а гляди, как восславлен! А Швейка? Щенятами торговал! Кузьма Крючков, опять же, одно время на славе гремел... А про наших, сибирских, и не слышно.

Валерка, в спор не в спор, а не согласился с дедом:

– Это знаешь почему, дедушка?

– Почему бы? Ну-ка...

– Слышно и про наших, да вот такое дело... Мы здесь как бы посреди державы живём. До нас любому мазурику далеко вытягиваться. Позвонки порвёт. Однако какой бы краешек русской земли ни пошевелил враг, где бы ни посунулся – с сибиряком встречи не миновать. И приветит и отпотчует! Там-то вот, на этих краешках земли, и оставляют сибирские воинские люди о себе памятки...

И вот какую историю рассказал.

Во время войны организовали фашисты на одной торфяной разработке лагерь наших военнопленных. Болото громадное было. Издавна там торф резали. Электростанция стояла тут же, да только перед отходом подпортили её наши. Котлы там, колосники понарушили, трубу уронили. А станция нужная была: верстах в двадцати от неё город стоял – она ему ток давала. Ну, немцы и стараются. Откуда-то новые котлы представили, инженеров – заработала станция. Теперь топливо надо, торф. По этой причине и построили они тут лагерь.

Поднимут пленных чуть свет, бурдичкой покормят и на болото на целый день. Кого около прессов поставят, кто торфяной кирпич перево-

рачивает, кто в скирды его складывает, вагонетки грузит – до вечера не разогнёшься.

Вернутся ребята в лагерь – спинушки гудят, стриженная голова до полена рада добаться. Да от весёлого бога, зная, ведёт своё племя русский солдат. Чего не отдаст он за добрую усмешку.

– Эй, дневальный! Немецкое веселье начнётся – разбуди.

А те подопьют, разнежуются, таково-то жалобно выпивать примутся, будто из турецкой неволи вызволения просят. Каждый божий вечер собак дразнят. Мотив у песен разный, а все «Лазарем» приправлен. Вот пленная братия и ублажает душеньку.

– Это они об сосисках затосковали.

– Спаси-и, го-с-споди, лю-ю-ю-ди твоя-а-а!

– Эй, убогие!.. С такими песнями Россию покорять?..

Немецкая та команда из Франции перебазировавшись. Там, сказывали, веселей им служилось. Вина много, да всё виноградное, сортовое. Сласть! Узюминка! До отъезда бы такая разлюли-малинушка цвела, кабы один француз не подгадил. Добрый человек, видно, погодился. Подсудобил он им в плетёночку отравленного – двоих в поминанье записали, а пятерым поводья приставили. Ослепли. После этого остерегаться стали, да и приказ вышел: сперва вино у докторов проверь, а потом уж употреби. А доктора «непьющие», видно... Как ни принесут к ним на проверку – всё негодное оказывается. То отравленным признают, то молодое, то старое, а то микроба какого-нибудь ядовитого уследят. Ну и сухомятка немцам не глянется. Зароптали. А один из них – Карлушкой его звали – вот чего обмозговал: «Заведу-ка я себе кота да приучу его выпивать – плевал я тогда на весь «красный крест!» Кот попробует – не сдохнет, стало быть, и я выдюжу».

Ну и завёл мурлыку. Тот первоначально и духу вина не терпел. Фыркнет – да ходу от блюдечка. Коту ли с его тонким нюхом вино пить? Только Карлушка тоже непрост оказался: раздобыл где-то резиновую клизмочку и исхитрился. Наберёт в неё вина, кота спеленает, чтоб когти не распускал, пробку между зубами ему вставит и вливает в глотку. Тот хочешь не хочешь, а проглотит несколько. Месяца через два такого винопивца из кота образовал – самому удивление. Чище его алкоголик получился.

Прознали об этом сослуживцы Карлушки – тоже от медицины откачнулись. Всю добычу к коту на анализ несут, а хозяин гарнцы собирает. С посудинки по стакашку – за день полведёрочка! Ай-люли, Франция!

Так они оба с котом и на Россию маршрут взяли, не прочитавшись. До Польши-то им старых запасов хватило, а с Польши начиная на самогонку перешли. Карлушка фирменной печатью обзавёлся: какой-то умелец из резины кошачью лапку вырезал. Принесут к ним хмельное, кот попробует – и спать. Час-полтора пройдёт – жив кот, значит, порядочек. Карлушка тогда и отобьёт на посудинке кошачью лапку. Фирменное ручательство: «Пейте смело».

Эдаким вот манером с французским котом под мышкой, с немецким автоматом на животе и припожаловал на нашу землю Карлушка.

С похмелья-то кот шибко нехороший был. Дикошарый делается, буйный, на стены лезет, посуду громит. В хозяина сколько раз когти впускал. Совсем свою природу забыл: возле него мышь на ниточке таскают, а он ни усом не дрогнет, ни лапой не шевельнёт. Опаршивел весь, худющий.

Раз как-то уехал Карлушка в город да чего-то там задержался. Кот ревел-ревел ночь-то, похмельки, видно, просил, а к утру окошел. Ох, и пожалковал владелец над упокойником! Шутка ли, такой барышной животинки

лишиться. А тут как раз слух прошёл нехороший: в городском лазарете будто бы двум чистокровным германцам железные горла вставить пришлось. Опрокинули они по стакашке где-то, а в напитке мыльный камень подмешан оказался. Ну и сожгли инструменты-то! В отечество приехал и «Хайль Гитлер» нечем скричать. Карлушка по этому соображению тут же моментом опять кота расстарался. Этот у него убежал. Котёночка принёс – бедняжка от первого причастия дух испустил. Что ты тут будешь делать? И выпить хочется, и питьё есть, и закусь всяка, а боязно – как бы потом каску на крест не напялили. Не раз французский Шарля – кота так звали – вспомнят был. При покойнике с утра раннего Карлушка всяким разнопьяньем нос свой холил.

Пьяненький-то немец добрый становится: закуривать даёт пленным, про семьи начинает расспрашивать. Со стороны поглядеть – дядя племянничков встретил. Оно и по годам подходяще. Лет пятьдесят ему, наверно, было. Роста коротенького, толстый, шею с головой не разметишь – сравняло жиром. Ушишки врастрёп, чахленькие, ушки, что два пельмешка свернулись, зато уж рот-государь – наприметку. Улыбнётся – меряй четвертью. Он у коменданта лагеря как бы две должности спаривал: сводня, значит, и виночерпий. От родителя, вильгельмовского генерала, по наследству перешёл. Тоже военная косточка. Да... Ну вот они и заскучали без Шарли-то. Одно развлечение осталось – картишки да губные гармошки. А Карл и этой утехи лишен. По его снасти ему не в губную, а в трёхрядку дуть надо. Злой сделался, железную трость завёл, направо-налево карцер отпускает.

Жил в лагере журавлёнок – пленные на болоте поймали. Славный журука, забава. Идут, бывало, ребята с работы – он уж ждёт стоит. Знает, что его сейчас лягушатинкой угостят, подкурлыкивает по возможности. Вот Карлушка с безделья промыслил:

– Вы не так кормите ваш шурафель...

– Почему не так?

– О... Я завтра покажу, как нушна кормить эта птичка. Несите свежи живой квакушка.

По-русски он знал мало-мало.

Ну, ребята на другой день и расстарались лягушками.

На болоте-то их тьма.

Карлушка прямо на подходе колонны спрашивает:

– Принесли квакушка?

– Так точно!

– Карош.

Поймал он журавлёнка, под крыльями его бечевкой обвязал, кончик сунул себе в зубы. За лягушку принялся. Этой хомутной иголкой губу проколол, дратвину протянул, узелочек завязал – и готово. Подаёт концы пленным.

– Игру, – говорит, – сейчас делаем.

Правило такое постановил: один должен лягушку за дратвину перед носом у журавля тянуть, а другой за бечёвку держаться и на кукорках за журавлиным ходом попевать. Скомандовал первый забег. Журавлёнок на весь галоп летит – до лягушки добраться бы, бечёвка внатяжку, а провожатый попевает-попевает за ним, да на каком-нибудь развороте – хлесть набок. Карлушке смешно, конечно... Ему в улыбку хоть конверты спускай. А пленным тошно. Жалко курлышку, а пришлось отвернуть ему головёнку.

На другой день снова является Карлушка бега устраивать.

– Кде шурафель? – спрашивает.

– Съели, – отвечают. – Сварили.

Сбрезгливил он рожицу:

– И-ых... И как у вас язык повернул! Такой весёли вольни птичка!

Через неделю другую забаву нашёл.

Переписал, стало быть, в тетрадку все русские имена и решил вывести, сколько процентов в нашей армии Иваны составляют, сколько Васильи, Федоры и прочие поименования. На вечерней проверке выкликает:

– Ифаны! Три шака перёт!

Сосчитал, отметил в тетрадке, в сторону Иванов отвёл.

– Крикорий! Три шака перёт.

Григорьев пересчитал.

– Николай! Три шака перёт!

Вечеров шесть прошло, пока обе смены обследовал. Тут и Калины нашлись, и Евстратии, а один Мамонтом назвался. Стоит этот Мамонт головы на полторы других повыше, в грудях этак шириной с царь-колокол дети-нушка, рыжий-прерыжий и конопатый, как тетерно яичко. Карлушка перед ним вовсе шкалик.

– Што есть имья такой – Мамонт?

Тот парень от всего добродушья объясняет:

– Зверь такой водился до нашей с вами эры. Мохнатый, с клыками, на слона похожий. У нас в Сибири и доселе ихние туши находят.

Голос у парня тугой, просторный такой басина. Говорит вроде спокойненько, а земля гул даёт. Сам глазами улыбается чуть. Голубые они, доброты в них не вычерпать.

– Кто тебя так ушасна называль?

– Батюшка так окрестил. Поп.

– Разве у батюшка – поп другой имья не был?

– Как не быть поди? Было. Да у моего дедушки на этот случай мало денег погодилось. Не сошлись они с попом ценой, вот он и говорит деду: «За твою скаредность нареку твоего внука звериным именем. Будет он Мамонт».

– Ай-я-яй! – Карлушка соболезнует. – Ведь карьера наизмарку... А как твой фамилий?

– Фамилия-то ничего. Котов – фамилия.

– Как, Котофф?

– Да так. По родителям уж.

– Карош фамилий. А зачем, Котофф, плен попадалься?

– Пушки жалко было. Такая уважительная «сорокопяточка» – хоть собою в глаз стреляй. Вот, значит, я её и нес. С ней ведь бегом не побежишь. Ну, ваши мне и сыграли «хэнде хох».

– Оха-ха-ха-ха... – закатился Карлушка. – Это наши репят ловки: «рука вверх» икрать.

А Мамонт всё про пушку:

– Она на прямой наводке в ножевой штык могла попасть, в самое лезвие. Жалко же бросать. Бывало, наведу её...

На этом месте кто-то его под ребро толкнул: «Нашел, мол, где вспоминать. Простота...».

Мамонту такой намёк не понравился. Давай обидчика разыскивать. А Карлушке с вахты какое-то приказание как раз передают. Подсеменил он к Мамонту, бац его кулачком в ребровину – ровно порожняя бочка сбухла.

– Пасмотрю, как ты пушка таскаль. Идъём за мной!

И повёл его на квартиру к коменданту лагеря. Тому в это время статую мраморную на грузовике привезли. Вёрст пять не доезжая города, какие-то хоромины разбомбленные стояли – пленные там кирпичи долбили из развалин. Пристройку к станции делать задумали инженеры.

До подвалов когда добрались, а там статуй этих захоронено – ряды стоят. Вот комендант и облюбовал себе. Богиня какая-то. Сидит она на камушке, одежонки на ней – ни ленточки. Только искупалась, видно. Волосы длинные, аж по камню струятся. С лица задумчивая, губы капельку улыбкой тронуты, голова набочок приклонена, и вся-то она красотой излучается. Мамонт даже чуток остолбенел. Такая теплынь, такая тревожная радость ему в грудь ударила – смотрит, глаз не оторвёт. Забылся парень. Карлушка поелозил губищами и говорит:

– Пушка таскаль? Ну-ка полюби эта девочка немношка. В комнату ставить надо. Пери!

Обхватил её Мамонт, приподнялся и... понёс! Карлушка поперёд его бежит, двери распахивает да охает:

– О-о-о! Здорови, черт Мамонт! Восемь человек силянасилию погрузали.

А Мамонт её так обнял – только каменной и выдюжить.

Пудов поди восемнадцать мрамор-то тянул. Тяжело. Сердце вострепыхнулось, во всю силу бухает. И слышит вдруг Мамонт, вот въяве слышит, как у богини тоже сердечно заударялось. Бывает такая обманка. Кто испытать хочет – возьми двухпудовку-гирию, а лучше четырех, прижми её к груди в обхват и поднимайся по лестнице. И в гире сердце объявится. Мамонту это, конечно, впервинку. Приостановился: бьётся сердечко, и мрамор под руками теплеет.

– Фот сута поставливай, – указывает Карлушка.

Опустил он тихонечко её, и в дрожь парня бросило. Ноги дрожат, руки дрожат – не с лагерного, видно, пайка таких девушек обнимать. Комендант платочком пробует, много ли пыли на мраморе, а Карлушка что-то гуркотит-куркотит ему по-немецки и всё на Мамонта указывает. Поцурил комендант на него реснички. Потом головой прикинул. «Гут», – говорит. Дотолковались они о чём-то. В лагерь идут, подпрыгнет Карлушка, стукнет Мамонта ладошкой пониже плеча и приговорит:

– Сильна Мамонт!

Десяток шагов погодя опять хлопнет и опять восхитится:

– Здорова Мамонт!

А тот про богинино сердечко размышляет, дивуется, и сама она из глаз нейдёт.

В лагерь зашли. Мамонт к своему барaku было направился, а Карлушка его за рукав:

– Ты другой места жить будешь...

И повёл его в пристроечку, где повара обитались.

Командует там:

– Запирай свой трапочка и марш-марш нова места.

Объяснил поварам, куда им переселяться, и с новосельем Мамонта поздравил.

– Тут тебе сама лютча бутет.

Тот по своей бесхитростности:

«Правильно, дескать, покойный политрук говорил, что немец силу уважает. Видал? Отдельную квартёрку дали!»

Перенёс он сюда свою шинельку серую, подушку на осочке взбитую, одеяло ремковатое – устраивается да припеваёт на весёлый мотив:

*Утро вечера мудреней,
Дедка бабушки хитрей,
Стар солдатик...*

Только «мудрей-то» на этот раз вечер оказался.

Через полчаса является Карлушка – две бутылки самогону на стол, корзину с закуской.

– Гулять, – говорит, – Мамонт, будем!

Ну и наливает ему в солдатскую кружку.

– Пей, Мамонт!

Тот, недолго удивляясь, со всей любезностью:

– А вы, господин ефрейтор?

– Я, каспадин Мамонт, сфой рюмочка потом выпивайт. Пробовай без церемония.

Баранью лопатку, зелёным лучком присыпанную, из корзинки достаёт, полголовы сыру, лещей копчёных, хлеб белый...

– Пей, Мамонт!

Окинул тот Карлу своими голубыми глазами, прицелился в жижку и по-весёленькому присловьице подкинул:

– Ну! За всех пленных и нас военных!..

– Так точно, – Карлушка подбодряет. – Кушай.

До плену-то Мамонту два пайка врачи выписывали. Приказ даже по Красной армии такой был, чтобы таких богатырей двойной нормой кормили, а в плену ему живот просветило. На кухне, верно, другой раз повара ему и пособлезнуют – плеснут лишний черпак, а всё равно он от голода больше других претерпевал. Такой комбайн... Ну и приналегает.

Карлушка ёрзает на чурбачке, ждёт. Минут только десять прошло, как Мамонт кружку опорожнил, а у него и страх, и терпенье израсходовались. Губу на губу не наложит – скользят. «Если его схватит, – про Мамонта думает, – я себе пясточку в глотку суну и опорожнюсь». Застраховался так-то и плеснул на каменку. Сырку нюхнул, лещево пёрышко пососал и растирает грудь. Растирает и таково усладительно поохивает:

– О-о-ох... О-о-ох! Сердца зарпоталь. Перви рас за тва недель... Ты, Мамонт, не звай меня больше каспадин ефрейтор – Карль Карлич кавари!..

– Храшо, Карь Карчь! Слушассь!

А Карл Карлыч совсем от удовольствия размяк.

– Мамонт! Ты будешь мой кот. Мой чудесни сипирски кот!

Опьянел Мамонт – много ли подтощало надо. Ничего не понимает. Только ест да ест. Так в новой должности и уснул.

Утром проснулся – голова трещит, во рту ровно козлятки ночевали и в душе какая-то погань копошится. Попил водицы – не проходит. Оно правильно сказано: с собакой ляжешь – с блохами встанешь. Стал он вчерашнее по возможности припоминать, а Карлушка – уже в двери.

Сует ему прямо с ходу бутылку в рот да поторапливает:

– Пробовай... Пей из горлышка... Серца не ропотает.

– Я, господин ефрейтор, не буду пить.

– Что ты кавариль?

– Не могу пить, говорю.

Тот сверкнул глазками, бутылку в шаровары спустил и командует:

– Идём на вахта.

На вахте сам «лагерфюрер», комендант, значит, присутствовал. Карлушка что-то буркнул ему, бутылку на столик выставил, снимает с крючка автомат и дырочкой ствола по Мамонтовой груди шарится.

– Я приказаль, пей, руська зволючь!

Комендант лагеря не препятствует ему, вахтенные тоже молчат, а у Карлушки глаза, ровно два скорпионьих брюшка, жальца вымётывают, ярятся.

– Ну?.. Я стреляйт!..

И затвором склацал.

Поднял Мамонт бутылку, и с той поры дня не проходило, чтобы он к ней ни приложился. Все понесли: и Карлушка, и утнера, и рядовые конвойники – на бессудье-то всяк генерал. Пей, сибирский кот. Пробуй! Карлушка ему и резиновую кошачью лапку отдал, печати чтоб ставил. По форме, видишь, всё соблюдается. Весёлый ходит Карл Карлыч!

– Ти, – говорит он Мамонту, – изнапрасна пугался тагта. Руськи шелюдок конски копыти ковани на мельки мука... ну, как это?..

А Мамонт, дело разнюхавши, остерегаться стал. Без масла пить не начинал. Несёшь выпивку – неси и маслица. Проглотит ложку, минут пять-десять переждёт, потом уж выпьет. Прослышал от кого-то, что масло как бы отраву ослабляет, ну и пользовался. И немцы ничего... Несли. Окромья даже масла несли. Задабривали.

Так вот Мамонт и хлебца насбирывал, и рыбки какой, а то, глядишь, и мяска, и шматок сала раздобьются преподнесут. Некоторые ребята в лагере от голода пухли. Ноги в проказе, по телу чирьи, проломы, язвы. Мамонт таких-то и поддерживал едой. Только не всегда ладно обходилось: один спасибо скажет, другой молчком съест, а случилось, что и обратно эти кушочки придётся унести.

Парнишка один валялся. Что колоду его разворотило. Вот Мамонт ему, этому парнишке, и поднёс один раз свёрточек еды. Тот его и отспасивал: губы затряслись, побелел весь и еле словечко выдал:

– Убери... этот иудин корм... от меня! Сам жри, гад... проданный... му... мурочка немецкая...

Раньше был Мамонт как Мамонт. От других ребят ростом разве только да рыжиной отличался. Ну, силой ещё. Не сторонились его. Свой он был в пленном братстве, заровно муку терпел. А теперь идёт по лагерю, а вслед ему «кысу, кысу, мяу» пускают. Поджигают пятки-то.

Жизнь не мила парню. Тоска. Стыдобушка. Только и выберется светлой минуточки, когда у коменданта полы мыть Карлушка заставит. туда он с радостью шёл. Как к милой на свиданье. Растревожила сердце Мамонтово мраморная богиня. Кому вольно – смейся. А посмеявшись, подумай! Жизнь, она, конечно, старый чудотворец, а только здесь чудо невелико. Посреди крови, грязи, мук и позора, посреди каждодневного людского зверства и дикости – она! Она – как росное утречко, как белая лебёдушка, чистая, нежная, не от мира сего явленная глазам его открылась.

Держит Мамонт в руках половую тряпку и подолгу глядит на свою немую возлюбленную. Околдовывает его камень. Забудет и про плен, и про свою кошачью должность. Очнётся только, когда Карлушка гаркнет.

А она, богиня эта, даже во сне Мамонту являться стала. Косит он как будто бы под Ишимом-рекой заливные лужки... Косу править начнёт, а она из-за какой-нибудь ракички и покажется. Идёт будто прокосами и босой ножкой пахучие рядки размётывает. Цветастый сарафанчик на ней, на

белом лбу веночек из незабудок. Красиво – белое с голубым. Подходит она к Мамонту, веточки земляники вздымает в горсточке и говорит:

– Давай я тебе, Мамошка, веснушки выведу. Они ягодного соку страсть как боятся.

И начнёт душистыми пальчиками землянику на Мамонтовом носу раздавливать. Щёкотно! Чихнет Мамонт, проснётся, а это Карлушка опять. Хворостинкой ему по ноздрям водит и баклажку в рот сует.

– Пробовай скорей!.. Серца задохся.

Тут бы и плюнуть ему, и ахнуть бы пятифунтовым кулаком мурзику этому по черепу, объявить бы человека в себе – да нет... не хватает Мамонта на такое. Пьёт... Опять угорелые глаза стыдно поднять. В землю бесчестье своё промаргивает. Переступил парень заповедь товарищества и ослабел духом. Сказано там: два горя вместе избудь, а третье пополам раздели. И не глядят на Мамонта братки. Стоят они под дождём рваные, драные, хворые, голодные, вшивые. Протявкает команда – тронутся молчком, неприкаянные. Целый день будут тяжело трудиться, мокнуть на дожде и в ржавой болотной воде, будут их травить собаками, бить прикладами, а вечером придут они, истерзанные, и опять не взглянут на него. Тихонько, молчком минуют они Мамонта, непокорные, гордые, породнённые болотным своим братством. И хочет он кинуться следом, сказать им, что он тот же самый Мамонт остался, что он, может, злее других врага ненавидит, хочет сказать, вот же и слово готово, – а другая думка стеганёт холодной молнией, и заледенеет язык. И шепчет он сквозь хмельную тоску:

– Не поверят... Ты же «кот»... Мурочка немецкая.

Неизвестно, до чего бы он в одиночку додумался, всякое могло случиться, да только кое-кто, умная голова, пользу делу в Мамонтовой должности усмотрел.

Идёт он один раз по лагерю, сумерки уж спускались, вдруг слышит – камешек его по спине цокнул. Оглянулся – ни души. А камешек лежит возле ног, и бумажка к нему привязана. Схватил его Мамонт – и в карман. Ночью прочитал. Назывался он в этой записочке младшим сержантом Котовым. Два слова «Родина» и «присяга» подчёркнуты. Дается ему задание и дальше «котом» оставаться. «В твоей клетушке, – пишут, – очень просто живых фрицев переделать на мёртвых, одеться в ихнюю форму, пройти на вахту, побить дежурных и захватить оружие. Если, мол, согласен, подойди к человеку, который соловьём поёт».

Заплакал Мамонт.

– Спасибо, – шепчет, – товарищи, братки родимые... Теперь умру, а не повихнусь!.. Живых, значит, на мёртвых? Это можно. Ещё как можно-то! Это уж Мамонту поручите. И не спикают! Карла особенно...

На другой же день стал Мамонт к соловьям прислушиваться. У реки да на болоте на разные голоса щебеток ихний сыплет-разливается, а в лагере не слышно что-то. Молчит певчий. С неделю так-то прошло. Мамонт уж нехорошее заподозревал. «Подшутили, – думает, – а то и подвох какой затеяли с запиской-то». Опять заскучал. А «соловей» и объявился. Возле умывальника случилось. Только успел Мамонт воды пригоршню из-под сосочка нацедить, а он как пустит трель над самым ухом. И вода ушла у Мамонта промеж рук, и сам на манер пуганого коня вздрогнул, ногами перебрал. Смотрит, стоит рядышком пленный, дядя Паша, по прозванию «Гыспадин хороший».

Вытирает он сухие руки сухим полотенчиком, а сам во все десять стальных зубов улыбается. Улыбался, улыбался – да опять как запузырит по-соловьиному.

Мамонт тогда к нему.

– Это не вы, – спрашивает, – на той неделе меня камешком по спине тюкнули?

– Я, – дядя Паша отвечает. – Моя шутка.

– То есть как шутка? Я таких шуток не признаю.

– Вот оно и славно, сержант. Значит, без шуток работать будем. Ты всё обдумал?

– На десять рядов.

– Ну и как?

– А так, что служить Советскому Союзу надо!

– Ну, ты, парень, это не по-громкому. Благодарности нам ещё никто не объявлял. Не за что пока, гыспадин хороший.

Мамонт смешался:

– Дык вот и я про то же...

А дядя Паша все руки полотенчиком трёт. Лет под пятьдесят ему, а ёжик на голове белый совсем. Вдоль лба шрам синееется. Глаза серые, цепкие. Морщины на лице резкие, упрямые.

– Ну, не пяль глазищи-то на меня, – говорит он Мамонту. – Мойся да проходи в наш блок. В шашки сыграем.

Полотенчику на плечо замахнул и пошагал.

...К побегу их шестнадцать человек готовилось. Мамонт семнадцатый. Наметили себе маршрут, на первое время помаленьку стали харчишками, обувкой покрепче запастись. Ну и насчёт оружия... С этим делом Мамонт хлопотал. Ребята ему на болоте берёзовый коренёк подсекли, принесли, а у Карлушки складешком одолжился. Строжет сидит.

– Што эта выходит? – Карлушка интересуется.

– Чёртика, – отвечает Мамонт, – выстругать хочу. Это вот у него, – на корень-кругляш указывает, – башка будет, эти два отросточка на рожки обработаю, а из этой вот закорючки нос выстругу.

– А затчем ната шортик?

– Трубка, Карла Карлыч, получится. Здесь вот магазинную часть, куда табак засыпать, выверчу, черенок на мундштук сведу.

– Такой трубка звиня бить мошна.

– Она лёгкая, Карла Карлыч, будет. Обработается да высохнет – фунта полтора, может, потянет, и то вместе с табаком. Это фасон!

– Теляй мне тоже такую шортик. Моя рот сама рас будет.

«И для башки в аккурат придётся, – про себя усмехнулся Мамонт. – Поглядим, как она склёпана».

Выстрогал он батик себе из этого комелька – примеряется. Ручка в топориче длиной вышла, а набалдашник в добрую брюковину округлился. Точь-в-точь такой же инструмент, каким его дедушка, покойник, в молодых годах волков глушил. Только ремешка нет – на руку весить. Полюбовался Мамонт на дедушкину смекалку и поставил в угол. Пусть, мол, подвянет заготовка.

Ещё с неделю прошло. Дядя Паша поторапливает.

– Ладно, – говорит Мамонт. – При первой же возможности... Может, даже сегодня. Им ночью-то пировать за обычай.

А вечером того же дня призадумались ребята.

Принесли с болота на торфяных носилках двоих хлопчиков. При попытке, значит, к бегству... Приказали их на плац сложить, где вечернюю поверку проводят. После ужина пересчитали пленных – с пострелянными все в наличности. И ни словечка! Как будто не людей, а пару сусликов захлестнули. Вроде намёка давали: тьфу, мол, ваша жизнь. И разговора не

стоит. Молчком устрашали. Только и сказано было, что трупы шевелить нельзя. Так и в ночь на плацу их оставили.

У дяди Паши кое-которые и на попятную не прочь. Народ кругом нерусский, рассуждают, языка не знаем, оружия нет, партизаны неизвестно где, а у фашистов собаки, мотоциклы... Всю конвойную роту в таком случае на розыск пошлют. Бросят вот так же, как ребят...

А кто и такое присовокупит:

– Да нас даже возле проходной могут перестрелять.

Устрашаются так, а Мамонт аж весь кипит.

– Помираете, – говорит, – раньше смерти...

Дядя Паша смотрит на него да думает:

«Вон она чего не стреляла! Не заряжена была! Допекло тебя, видно, парень, до болятки кошечье званье...». И тоже на осторожных принасел:

– Где же ваш дух, гыспада хорошие? С гороховым супом весь вышел? Оружья сколько-нисколько на вахте возьмём, а там сто дорог перед нами. Хватит нам позора! Товарищи наши каждый день на смерть идут, а мы...

До чего они договорились – Мамонту узнать не пришлось. На свой пост заторопился. Часу в десятом прибегает к нему Карлушка. Без вина в этот раз.

– Пери котикофф лапка. Идъём.

Ведёт его к «лагерфюреру» на квартиру. У того под окнами грузовик стоит, гостями дело пахнет. И верно – густо народишку. Два нездешних офицера восседают за столами да штуки четыре бабёнок с ними. Ну, эти... Их тогда ещё «немецкими овчарками» звали. Одним словом, пировать приехали. Самый разгар у них. На аккордеонах наяривают, танцуют, песни поют – дым коромыслом. Карлушка шесть бутылок на тумбочку выставил, масла оковалок на ножик поддел и суёт Мамонту в рот:

– Закусывай и проповай.

Мамонт хотел было из всех бутылок стакан насливать да и за одномах перевернуть его, а Карлушке не так надо:

– Из кашна бутылка отдельно пей. Фсё месте – не понимаешь, котора заразна.

Комендант кивает на Мамонта и, видать, что-то весёленькое про него землякам рассказывает. Смеются германцы. С полчаса, побольше ли прошло – Карлушка распоряжается.

– Фсё порятке. Ставляй лапка.

Вынул Мамонт кожаный футлярчик, резину в суконку тиснул, прищёпнул по бутылке и из второй пробовать начал. За столом гости печатку разглядывают да хозяина за смекалку похваляют. А Карлушка не зевает: закуски притащил, стакан второй. Глазом за застольицу косит, а мимо рта не несёт.

– Серца, тьяволь, ни перёт ни назат.

Тут чего-то вся компания в ладоши захолопала, марши заиграли, «браво» кричат. Выходит из спаленки «овчарочка» одна кучерявенькая – губки под розу, коготки под стручковый перец выкрашены...

Карлушка облизывается стоит. Четвертую уж бутылку потревожил, под пляску-то. На выстрелы человека четыре солдат прибежали. Запыхались. Морды к бою изготавились. Карлушка их в тычки, в тычки да по шеям. Без вас, мол, сиволапые, знаем, почему стреляем. Выгнали солдат – опять «вавилон» открылся. Остальных заставляют раздеваться. Снимают с одной толстухи чулки, а она повизгивает, похохатывает, пьяненькая. На Мамонта ноль внимания. Не человек будто тут, а дверной косяк стоит. А

он смотрит на белую богиню да размышляет: «Куда ты попала, лебединка моя ласковая...».

Сивый уследил его взгляд, подходит враскачку.

– Красиви? – спрашивает.

– Красивая, – вздохнул Мамонт.

Сивый тогда к богине двинулся. Присел перед ней на стул и зовёт свою кралю кучерявую. Та на коленках у него устроилась, сумочку раскрыла и достаёт оттуда красоту за трёшницу. Одним карандашиком губы и щёки богине размалёвывает, а другим брови наводит. А сивый ещё красивше придумал: по косам рожки ей пустил, усы гусарские нарисовал и окурок у губы воткнул. Любовался, любовался, а потом плевка ей.

Мамонт в первый миг не поверил. Да ведь не мнится же. Въяве всё. Обожгло ему виски жаром, где-то глубоко заподташнивало... закрыл он глаза.

Вот и ни веночка на ней, ни сарафанчика цветастого – нагая, безродная, поруганная сидит. Нет, не сидит... Пала на коленочки и тянет ручонку к Мамонту. Вот они, рядышком. Пальчики дрожат, как у дитёнка напуганного. И голос народился. Лепечет он, как потайной родничок, вызванивает слёзками мольбу свою: «Мамонт!.. Ты добрый! Ты сильный... Защити меня, маленькую!».

Открыл грозные очи Мамонт – пальцы в кулаки сами сжимаются. «Держись! Не моги! Дядю Пашу помни!» – приказывает себе, а из горла злой клёкот рвётся. Схватил он стакан, наплескал его целый из последней бутылки, выпил и отрешился.

Не стало Мамонта – на его месте отмститель стоял.

Кто его знает, как бы оно дальше-то дело получилось... С Карлой – это ясно. Тому бы он по дороге в лагерь «серце» остановил. А куда бы потом, автоматом завладевши, направился – на вахту или к коменданту обратно – трудно сказать. Такие-то, от себя отверженные, не сами ходят – их смелый бог ведёт. Да, видно, не час ещё...

Вышли они от коменданта, а их дежурный унтер дожидается. Бормотнули чего-то. Карлушка Мамонта по спине хлоп:

– Идём, Мамонт! Унтер-офицыр Фукс терпенье треснул. Три часа котикофф ляпка ошиталь. Цели канистр самогончика доставаль! Ловки репят.

И заголосил от радости. Да с подвывчиком:

«Холарио-холо...».

Пришли в караулку, а у поддежурного уж и кружечка налита. Заготовил.

«С троими мне не совладать, – думает Мамонт, – пристрелят, успеют». Ну и за живот.

– Я сейчас, – говорит, – Карла Карлыч... До ветру спешно надо.

– Ну, быстро, тавай!.. Фсегда у тебя слючится не фов-режь.

Мамонт бегом к дяде Паше в блок. Вот уж плац, вот ребята пострелянные лежат. Только что это? Трупы-то шевелятся!..

Пригляделся Мамонт – крысы! Кишмя кишат... Писк, драка, грызня. Вскрикнул человек... Не выдержал. «Вот и мне...» – выползла было думка, но тут же пресёк её, собрал Мамонт кулачище и то ли немцам, то ли крысам грозитя да бухтит себе под нос:

– Не устрашите, паскуды! Подавитесь!

Оставил ребят судьбе ихней злосчастной Мамонт – свою пошёл пытаться. Разыскал дядю Пашу.

– Минут, – шепчет, – через десять бери, кого посмелей, и ко мне.

Тот как и что не спрашивает – давно обговорено всё.

– Ясно, – отвечает. – Иди действуй.

Добежал Мамонт до своей пристрочечки, чёртика, батажок то есть, на предусмотренное место поставил, лёг на топчан и стонет. Карлушка с унтером ждали, ждали его в проходной – не ворочается «кот».

«Уснул, наверно, пьяни морта», – соображает Карлушка.

– Бери кружку, – говорит унтеру. – Идём.

Мамонт извивается на топчане, охает.

– Што получились? – спрашивает Карлушка.

– Живот режет.

– Патчему у меня не решет? Я тоже кажни бутылка пробоваль. Вино не заразни пыль.

– Не знаю, – Мамонт отвечает.

– Тебье ната фот эта куржечка выпивайт. Фсё парятке путет. Ну?! Бистро!..

Поднялся Мамонт, идёт к столу, постанывает. Баночку с маслом разыскал, проглотил ложечку – и за кружку. Карла слева от него на чурбачке сидит, а унтер справа шею вытягивает. В самый рот заглядывает – без обману чтобы.

Мамонт кружку обеими руками поднимает, совсем ослабнул человек. Унюхнул самогонки да как разведёт кувалдами. Унтер черепом об плитку звезданулся, а Карла Карлыч под порог улетел. Ключнул Мамонт им для верности «чёртиком» по темечкам и размундировывать начал. Оружья нет. На вахте, как всегда, оставлено.

Тут и дядя Паша с товарищем подоспели.

– Переодевайтесь скорей!

Немецкие штаны на русские сапоги тесноваты – шайтан с ними, некогда размер подбирать. «Воскресли» унтер с Карлом. Мамонт тоже свою шинельку надел, батажок снизу в рукав засунул, коренёк ладошкой прихорашивает.

– На вахту, славяне?

– На вахту!

Мамонт у притвора дверей прижался, а дядя Паша – тут-тук-тук в окошечко и голову отвернул. Поддежурный видит: свои с анализа вернулись. Откинул крючок – улыбается, предвкушает... Так ему, зубы наголе, и на страшном суде предстать. Оружья – три автомата и пистолет. Теперь-то уж и пленными не назовёшь. Бойцы!

– Выводить остальных!..

Остановились ребята у проходной, в колонну по два строятся. Дядя Паша всякой немецкой нецензурой лается, прикладом одного двинул. «Шнель, шнель!» – кричит. Да победительно так! Часовые на вышках без вниманья. Привычная история. «На электростанцию ведут вагонетки с торфом разгружать». Шаг от лагеря. Ещё шаг... Частят сердца у ребят, ох и частят. На вышках-то пулемётчики... Десять шагов, двадцать – фонари ещё рядом почти. Светло.

– Не торопиться! – шипит дядя Паша и тут же во всю горлянку неметчины подпускает.

Ох, и памятны вы, шаги к волюшке. Сто двадцать... Двести один...

– Стой, ребята, – гуднул Мамонт.

– В чём ещё дело? – озлился дядя Паша.

– Шофёров среди нас нет, случаем?

– Есть, – пикнул кто-то из колонны.

– На немецких ездешь?

– Могу, – тоненький голосок отвечает.

– Тогда, ребята, сменить план надо. У коменданта лагеря под окнами машина стоит, а они там...

Предложил, словом, не убегать, а уезжать да ещё и оружишком раздобыться. Многие против высказываются. Тревожатся.

– Уходить поскорей надо. Остановились в самых лапах. Нам ли на рожон лезть?

– Да они пьяные как слякоть! Не хотите – один пойду. Я их и стрелять не буду. Колотушкой переглошу! Пойдешь, шофёр?

– Пойду, – пищит.

– Погодите-ка... – дядя Паша вмешался. – Позвольте мне распорядиться. Мамонт, я, «унтер» и шофёр к коменданту пойдём. А остальные – вот вам пара автоматов – пробирайтесь вдоль шоссе. Увидите, машина светом мигает, вышлите одного на дорогу. Это мы должны быть. Перед комендантским домом Мамонт у дяди Паши спрашивает:

– Пленных брать будем?

И не до смеху тому, а улыбнулся.

– Ты сам-то кто таков?

– Значит, «овчарок» тоже бить?

– Это уж по ходу действия глядя.

«Унтера» снаружи оставили – и в дом. Двери не заперты – Карлушка-то не вернулся всё.

Славно послужил Мамонту берёзовый комелёк. Разбудит которого, даст понюхать, и господи, благослови... Больше раза на одну голову не опускал. Без выстрела пошабашили. Шофёр женский пол согнал в угол и чивикает на них:

– Молчать, слабодушные, не то вынудюсь вас смерти предать!

Дядя Паша оружие собирает, а Мамонт новопреставленных обшаривает, ключ от машины ищет. Нашёл. Отдал шофёру.

– Заводи, – говорит.

– Что с этими гыспадами мокрохвостыми делать? – спрашивает дядя Паша у Мамонта.

– Что делать? Сажай их в кузов. Пусть, гадюки, песни поют, подозрение отводят.

Остался Мамонт один в доме... Подошёл он к богине и указывает ей на сивого:

– Вот видишь? Побил я их. Насмерть побил... Знал чтобы... А ты теперь прощай. Ухожу я. Помнить тебя буду. Красивая ты, ласковая...

И покажись ему тут, что у девушки губы дрогнули. Вскинул он тогда её на грудь и понёс.

– Открывайте борт, – выгудывает. – Не закинуть мне.

Дядя Паша ворчит: ехать, мол, надо, а ты с трофеями... Для чего она?

– Нельзя мне без неё ехать. Не могу я её в плену оставлять. Пойми же ты, дядя Паша! Варвары мы, что ли, на изгальство её покидать?

Закрыли борта, совсем бы уж трогаться, а Мамонт опять в дом побежал. Через недолгое время выскакивает. Тронулись наконец-то. Взял Мамонт «овчарок» на прицел и командует:

– Запевай, стервы, «Марьянку»! Пободрей, собачьи ягодки, не всхлипывать... Куда не на тот мотив полезли? Петь – дак пой!..

Дядя Паша интересуется:

– Зачем это тебя ещё в дом носило?

– Кошачью лапку коменданту на лбу отпечатал.

– А для чего бы это?

– А для того бы... Помнили чтобы «сибирского кота», сволочи!

...На берегу лесной щебетливой речушки, под раскидистым кустом орешника, вырыли беглые пленные русские ребята яму. Дно её устелили мягкими лапками ельника. Долго мыли свежей ключевой водой белые косы, белые ноги, сводили краску с бледных губ и щёк неизвестной им по имени девушки-богини. Потом Мамонт укутал её своей шинелью и осторожно опустил в яму. Лишнюю землю сбросили в речушку. Под орешником снова зеленел дёрн, а неподалёку отсюда догорал грузовик...

Вот на этом и кончился Валеркин рассказ, от старого солдата услышанный.

Дедка Михаила хоть и промаргивался местами, а ничего. После-то раскрылата лея. «Гордей Гордеичем» ходит. Знай, мол, наших! Вот, мол, какие они бывают, «сибирские коты». Лапку на лоб для памяти... Разыскать бы этого Мамонта. Земляк ведь близкий... На Ишим-реке возрос.

Месяца три дед всем и всякому про кошачью лапку рассказывал. Время бы и притихнуть, а он нет. Появится в деревне кто-нибудь приезжий-заязжий – обязательно полюбопытствует:

– А не проживает в ваших местах человек по имени Мамонт? Рыжий такой, конопатый, басовитый...

Да незадача всё деду.

– Нету, – говорят, – такого. Рыжие, конопатые водятся, а Мамонтов нет.

И случилось так, что продолжение Валеркиного рассказа от меня следует.

Направили меня как-то осенью в Москву, на выставку.

– Езжай, – говорят, – Пантелей, погляди там, что с пользой для наших садов да огородов перенять можно. Кавказской пчелой тоже поинтересуйся – добычливая, слышно.

Ну я и поехал. Хожу там, смотрю, спрашиваю, записываю...

В воскресенье утречком является к нам в гостиницу гражданин один и объявляет:

– Кто желает поглядеть выставку картин и скульптур, прошу записаться.

Я, конечно, с большим моим удовольствием. Дари от щедрот своих, Москва-матушка. Повышай уровень нам.

Ну, значит, и ходим мы своей группой, обозреваем всенародно. Да уж больно торопко объясняет всё вожатый наш. Я приотстал. «Сам, – думаю, – не без глаз. Без тебя и разгляжу, и вникну».

Ходил я ходил – да с какими-то иностранцами и смешался. Тоже обозревают. У той картины губами пожуют, возле другой ухмыльнутся, ноздрей дёрнут, а где и вовсе скислородятся.

Вот, слушаю, и разговор завели. Я-то, ясное дело, ни аза не понимаю, а парнишка один рядом со мной стоит, вижу, переживает.

– Об чём они? – спрашиваю.

А они вон, оказывается, чего: «Советским, дескать, настоящая, высокая красота до понятия не доходит. К земле долит их. К натуре. Котлованы, шахтеры, поварахи – это ещё получается, а коснись чего-нибудь к небеси поближе – нету! Вся фантазия сякнет. Откуда же тут богиням взяться?!»

Старичок один, в моих уж так годах, слушал-слушал эти глаголы, а потом на коренном ихнем языке и высказался:

– Богинь, говорите, нету? Это вы напрасно, господа. Есть!... Только их у нас не по-римскому или греческому, а по-русски зовут – Зоюшка-ми, Любавами, Лизаветами... Они, верно, не небесной красоты, ну уж тут извиняйте! Не имеем права мы им крылышки приделывать. Народ помнит их курносыми, вертоголовыми, до последней цыпки на ногах, до самой мелкой веснушки на носу помнит. Помнит, как стояли они, нецелованные русские девчонки, перед петлей, перед дулами винтовок, губы – два опалённых лепестка, в синяках, в разорванных кофточках – непокорённые, отчаянные богини наши. Таких вот в холстах и бронзе выдаём. А вам бы поклониться этим девчуркам, этим вот парням, которые сильнее смерти.

От себя скажу, статуя там такая была. Называется «Сильнее смерти». Трое ребят под расстрелом стоят. Указал он им на неё и спрашивает:

– Замечаете, что ни на одном из них шинелки нет? Это они, господа, Европу ими прикрыли. Серыми... Русскими...

Смотрю я на иностранцев, а у них лики постные сделались. Святостью обороняются. По лёгонькому «пардону» промурлыкали да ходу от старичка. Мой парнишка тогда сгрёб его руку.

– Спасибо, – говорит, – дедушка. Здорово вы им... – И тут же забеспокоился: не обиделись бы?

– Ничего!.. Съедят, – старичок отвечает. – Прасковья мне тётка, а правда – мать. Знаю я этот сорт народа. Много их развелось на наше дорогое лайку распускать. Из редкого кабачка не твякают, гыспада хорошие.

Как протянул он это – «гы-спада», меня и осенило: «Да уж не дядя ли это Паша?! Вот и шрам на лбу, и зубы стальные...».

Насмелился, спрашиваю:

– Извините, товарищ. Вас не дядей Пашей зовут?

Он удивился вроде бы сначала, востренько так обсмотрел меня и отвечает:

– Приходилось и дядей Пашей быть...

«Он», – думаю.

– А Мамонта Котова вам не приходилось знать? – опять спрашиваю.

– Мамонта? Как же не знал! Вместе из плену бежали. Партизанили вместе. А вам откуда он известен?

Рассказал я ему с пятого на десятое и опять вопрос задаю:

– Где он сейчас, не знаете?

– Вот он. – И показал на среднего из парней, которые «Сильнее смерти».

– Как так? – подивился я.

– А вот так же.

...До последних патронов отбивался окружённый Мамонт с товарищами... По второму-то разу в плен... Лучше умерли бы ребята в последней схватке. На штыки бы полезли, на очереди. Готовые к тому были... Взяли их с собаками. Кидается такая дрессированная волчара на человека, и, если не устоял ты на ногах, не сломал шею зверюке, не всадил ей кинжал в брюхо, – табак твоё дело. Сядет перед глоткой – и попробуй пошевелись. Это про то рассказано, если она одна, а тут до десятка на троих спустили. И стрелять нечем.

Конвоировали и допрашивали тоже с собачьей помощью. Били, мучили, жизнь обещали, деньги...

– Укажите, где отряд? – кричат.

– А хренку не желательно? – партизаны спрашивают. Утром их вывели на расстрел.

Мамонт в середине стоит. Справа от него звонкоголосый скворушка-шофёр. В спичинку свел он тонкие губы, смотрит большими, как это тихое утро, глазами на милую зелёную красавицу землю. Слева – дяди Пашин товарищ, унтером который переодевался. Этот плюётся и свистеть пробует.

Сложил Мамонт руки на ихние плечи, и застыли они.

Далеко-далеко, за горами Уральскими, из Сибирской земли поднимается солнышко. Вот оно ласковыми лучами тронуло Мамонтовы волосы. Бронзовеют они... Рывкнули автоматы, брызнула на росную траву вспугнутая горячим свинцом кровь, и покачнуло Мамонта.

«Это зачем же я им в ноги валюсь? Вот новое дело!..».

Попробовал он перехитрить смерть: не упасть, куда она клонила, – не перехитрить кашейку!

Стал он тогда просить её:

– Смерть, Смертушка! Свали меня навзничь...

Не соглашается безноса.

Собрал он тогда по капельке из всех своих жилок последнюю силу, укрепился на какой-то миг и прохрипел:

– Не вам, гадины, – солнышку кланяюсь!

И вздрогнула земля от его смертного поклона... И ещё про богиню я спросил у дяди Паши.

– Разыскал я её после войны, – говорит. – Так в Мамонтовой шинели и к месту назначения поехала. По-доброму-то оно и шинель в музее бы повесить надо.

Дедушке Михаиле я этого не рассказал. Пусть, думаю, верит, старинушка, что ходит красным июльским утречком над Ишимом-рекой богатырь Мамонт. Косит он заливные лужки, мечет строга, пашет землю и радуется сегодняшнему солнышку. По вечерам подкидывает на полсаженной ноге рыжих Мамонтовичей и рассказывает им про кошачью лапку.

Пусть думает дед...

А на краешках земли нашей народная память по жемчужинке, по алмазинке выискивает дорогие слова, которые как цветы бы пахли, как ордена бы сверкали на богатырской груди русского солдата. И в сказку годятся эти слова, и из песни их не выкинешь, а про геройскую быль рассказать ими достойно.

ПРОЗА

Анатолий КОНДАУРОВ

ТАЁЖНЫЙ КОДЕКС

Скат – сова, но проснулся рано с ощущением неясного беспокойства, как после плохого смутного сна.

Солнечный лучик уже назойливо пробивался сквозь жалюзи; побродив по книжному стеллажу, опускался на ламинатный пол, беспечно отражаясь в глубинах комнаты...

Человек посидел, приступив на мягкий коврик, долго тупо и бессмысленно смотрел перед собой. Поддернув подушку повыше, он вновь отвалился на постель.

В мире всем движет интерес. Обязательность. Какие-то надобности.

Да некуда ему, экс-промысловому, спешить. И незачем. Теперь, когда его бытие стало измеряться – как у всех нормальных людей – годами, а не охотничьими сезонами, он с удивлением осознал, что можно жить вне тайги, без постоянного напряжения и готовности к неожиданной опасности, без обязательных правил, выработанных опытом.

В новой, неохотничьей жизни, оказывается, было много человеческих удовольствий: вставать, когда захочется, валяться с хорошей книжкой на диване, пялиться беспредметно в экран телевизора, пожарить в компании за городом шашлыки.

Но всегда приходит время забыть настоящее, чтобы не погибнуть. Перемен боятся лентяи и слабые.

Что ж, жизнь теплится; она не остановилась, не заглохла от уныния и отчаянья, лишь выпала из нее сердцевина.

Сняты охоты разные, нереальные: медведь прет неудержимо, а ружье не стреляет.

Проснешься и поймешь – прошлое это все, отходнички. Плохо осенью – за городом запахи лесные, травяные, прелые, в багульник и хвойник лучше не соваться – голова кругом!

– Так чего тебе надобно, старче? – с издевкой спросил сам себя.

В этот день – не раньше, не позже – произошла душеспасительная встреча.

– Привет, Федор Алексеевич, привет! На полчаса, на полчаса... Спешу, спешу... Где, скажите, руки мыть? – приветствовал гость, разуваясь и раздеваясь – все одновременно.

– Чего изволите, чего? – в тон отвечал Скат.

– А что у нас есть? – бесцеремонно спросил визитер и сразу сел за стол, упрощая церемониал.

Скат долго перечислял возможные к употреблению спиртные и безалкогольные напитки и яства, как тут же выяснилось – довольно опрометчиво.

– Давай все, – согласился гость.

Бородатый пришелец был из своих.

В охотпромысле, как бывший охотовед, а ныне здравствующий директор госпромхоза, съевший не одну собаку в переносном да и в буквальном смысле слова, он весьма благосклонно относился и к охотничьему трепу, и запредельно-скабрезным анекдотам.

– Слышь, Алексеич, нас объединяет то, что мы оба – не интеллигенты, потому давай без прелюдий. Вижу, без дел сидишь, зажурился. А чтоб не киснуть – сходи в медвежий угол, шибко мне поможешь. Эти козлы из областной управы оборзели. Надо учет пушного зверья провести, хоть какая-то реальность мне нужна для отчетов. А то я парюсь с бумагами, умножаю елку на палку, выдумываю дурь сизобокую. Так что, Алексеич, прошвырнишь по дальним участкам, потолкуй с мужиками.

– Длинно говоришь, начальник, – напомнил, нахмурившись, Скат, всем видом давая понять, что предложение чиновника ему не импонирует.

– Короче только хрен у еврея, сейчас тебе интригу выдам. Слушай сюда: в том углу пропал еще перед новым годом один мужичок, погоняло «Сквозняк». Этот год для меня, ты знаешь, «урожайный». Один старый промысловик не рассчитал свои силы и замерз в километре от избы, другой еще весной от чего-то умер в избе, а третий мудак пришел, собрал кости в мешок и выбросил под лабаз. Прикинь, это в наш цивилизованный век! Я угораю!

А этому землепроходцу я дал ближний и неплохой участок, нет – не сидит! С осени уходит, прошивает самотопом все участки с запада на восток, а это больше трехсот километров! И после нового года выползает на асфальт уже в другой области. У мужиков не в почете. Голодранец, россаха, близко ничего не клади – метет все подряд.

Ладно, еще короче: готовь котомку к началу марта. Отправлю тебя по зимнику до братьев Потаповых, а там привязывай лыжи и, не снимая, на двухнедельный переход!

Зимник – дорога временная, отвоеванная у топких болот с помощью мороза, железных механизмов и людей. Да и на дорогу он, зимник, не похож: разутюженная от снега, грязно-бурая борозда, словно след гигантского болида, рикошетом прошедшего по лесам и перелескам и бесчисленным болотам, разметавшего по сторонам древесную растительность, снеговые наносы и зигзагами исчезающего в маревую даль.

В кабине трубовоза тепло, просторно, и, если бы не щекотавшие ноздри бензиновая гарь и табачный дымок, напахивающий слева, от водителя, было бы идеально для экскурсионной поездки.

Прямо по курсу – все тот же дорожный раздрыг с торчащими из отвалов космами багульника и осоки, измочаленного тальника; по обочинам разнокалиберное бросовое железо; фрагменты ферм, неопознаваемые конструкции, невообразимо изогнутые швеллера, множество измятых бочек.

Водитель – мужчина средних лет, средней наружности – все пытался завести с экзотическим попутчиком разговор о политике.

Скат не поддержал, ответив заумно:

– Многие о политике знают немного, только немногие знают много, я же не знаю ничего.

– С Вами все ясно, – уважительно-неопределенно согласился водила и, не понимая как общаться дальше, запел: «Как-нибудь дотянем последнюю милю».

К исходу дня Скат от дорожного однообразия и монотонно-колыбельного песнопения впал в легкий дрем и очнулся, когда однострочечное завывание вдруг смолкло.

– Вам до или после, – спросил сосед, имея в виду показавшийся из-за поворота мост через ручьевину.

Прогрохотав по поперечному бревенчатому настилу, уркнув, грузовик остановился.

Люди вывалились из теплого нутра, дверцы кабины с обеих сторон остались открытыми, словно растопыренные крылья-обрубьши...

Скат оттащил на обочину рюкзак и лыжи.

– Куда вы теперь? – сочувственно спросил водитель, озирая безлюдье.

Мутный диск солнца уже цеплялся за горизонт, день угасал, длинные тени одиноких деревьев шлагбаумами пересекали зимник.

Всегда наблюдательный Скат вдруг поймал себя на мысли, что не запомнил ни лица спутника, ни его одежды, кроме разве что его унтов. Они нажимали на педали, и короткие голяшки из серого меха мельтешили туда-сюда, будто играли и резвились серые волчата.

Оторвавшись от зимника на расстояние оружейного выстрела, он сбросил с одного плеча рюкзак, с другого – упакованное в брезент ружье, по-спортивному поворачивая головой, взмахнул несколько раз руками, подтянул лыжное крепление, нетерпеливо потоптался.

Теперь он был полностью готов к большой дороге, которая всегда начинается с малого шага.

Пожалуй, рюкзак объемист и тяжеловат, но в нем – и его дом, и все средства жизнеобеспечения: от топора и спичек до таблетки и сухаря.

Зато лямки широкие и удобные; есть и ремни, быстро фиксирующие пояс и грудь.

В тайге вечер – мысли о ночлеге. Но Скат спокоен: в километре от зимника в вершине этого ручья – изба братьев Потаповых. Так означена жирной точкой на карте директорской рукой. Точной карте всегда надо верить.

Он подтянул где надо рюкзачные ремни, привычно забросил за спину ружье-тройник. Все, как несколько лет назад, будто и не было семилетнего перерыва...

Лишь бы ноги не подвели. Впрочем, на болезни он права не имел, и все немощи должны быть исключены.

Охотник еще раз оглянулся назад, на зимник: в косопадающем свете он бугрился отвалами бурого снега; огляделся по сторонам, будто прощаясь навсегда с окружающим ущербным пейзажем, выцелил направление и, наконец, энергично двинулся в путь.

Освобожденный от необходимости быть прикованным к путикам, сейчас Скат наслаждался ощущением свободы и необъятного простора.

Шлепая широкими подвoločными лыжами, Скат устремился вдоль лесной кромки, срезая зигзаги, туда, к вершине ручья.

Довольно скоро он выскочил на чистинку и остановился в недоумении. Ясно, что это – не место для избы: кругом низкорослый сосняк, и только справа, в удалении, мрачно темнел высокий клин леса. Именно оттуда исходил непрерывный снеговой след, пересекающий чистинку, служившую, понятно, вертолетной площадкой.

Скат повеселел: пока все складывается удачно...

Однако вместо избушки он увидел нечто необычное – железный склеп! Лишь высоко вздернутая печная труба, прикрытая сверху ведром, свидетельствовала о мирском назначении.

Скат обошел сооружение: небольшая дверь заперта на внутренний замок, на окне – железный ставень с пропущенным внутрь стержнем-запором. Ни бани, ни сарая, ни навеса. Только поленница дров под толстым слоем снега.

– Здравствуйте, я – ваш дядя, я буду у вас жить, – съязвил обескураженный «королевским» приемом охотник.

«Ключ, где-то должен быть ключ», – уцепился он за спасительную мысль.

Искал долго, но безуспешно, подергал за дверную ручку, попытался отжать ставень – жилище было неприступно.

А меж тем ночь не медлила, вступая в свои права: в углах потаенных сгущала краски, старательно набрасывая свой серый плед.

«Однако давненько не хлебал я таежной баланды. Ну-да ладно, ночлег в тайге только для избранных!..».

Внутри «п-образной» поленницы быстро разгреб площадку до самой земли, набросал чурок. Успел сбегать на рям, выломал несколько сухих жердин, устелил приподнятое от земли ложе, набросил кусок брезента, раскатал спальник – альков готов. Теперь – кострево.

Не пожалел, разрушил поленницу, что у ног. Дрова хорошие – колотая пополам береза. Для вечера развел высокий – шалашником – костер.

Брызнули, заплясали апельсиновые языки, дохнуло теплом и слабым дымом. И мигом мрак неприступными стенами окружил бивак.

Скат устроился поудобней, ружье – в дальний угол, рюкзак подле – под руками.

Он откинулся назад, прижался спиной к дровяным торцам, испытывая первобытное наслаждение. Достал тяжелую фляжку со скотчем, шмат сала и хлеб – медовый ужин таежного лорда.

Костер – солнце, центр его крошечной вселенной. Бодро потрескивая, он щедро излучал тепло, ярким светом высвечивая обитание человека.

Только дважды за ночь Скат просыпался, подбрасывая поленья, и снова забывался под отдаленный гул проходившего по зимнику транспорта.

Поутру, когда Скат намерен был откланяться, он обнаружил знак, оставленный охотниками явно для него: на высоко отпиленном стволе стояло ведро, прикрытое расколотой пополам чуркой. В ведре оказался кусок лосиной печени. Ни ключа, ни записки.

Да нет же, была записочка, вставленная трубочкой в замочную скважину. А ветер унес! А в той записочке было указано: ключ – в консервной баночке, баночка – в котелочке, а котелочек – в конуре. Открывай вигвам, топи печь, отдыхай, наслаждайся!..

* * *

От Потаповых до избы Феоктистыча – строго на север, через водораздел, все двадцать верст с гаком. Сколько в гаке, который плутает туда-сюда, никому не ведано. За день, в целик, не одолеть. И силы не те. И ночевать под елкой – кайф нулевой. Можно в два приема, в два дня: тогда надо уходить изначально в сторону, на северо-запад, через болото, и где-то там, в двенадцати километрах, у реки, будет главная изба гостеприимных братьев. А уже от нее до Феоктистыча – пойменным лесом, аккуратно чертова дюжина лесных километров.

«Попутно и дело чиновничье сделаю, так сказать, диагональный учет пушного и прочего зверя», – рассудил Скат, шмурыгая лыжами по снеговой трассе...

И эта самая трасса ближе к вечеру привела охотника на Потаповский главный стан.

Ладно срубленная, просторная баня с печкой-каменкой идеально подошла для очередного ночлега.

Перед тем как исчезнуть в натопленных недрах бани, Скат неспешно обошел становище. Не изба – избища: бревна в обхват, пазенные, углы рублены «в охряпку», мох по пазам зашнурован. На окнах ставни из кровельного железа, крыша – шиферная, на века.

«Даа, ну, сурки-барсуки!».

Дверь в избу подперта пешней, Скот даже заглядывать не стал!..

* * *

От Потаповского зимовья снегоходные следы расходились-разъезжались на все четыре стороны. Скот скоро разобрался в их хитросплетении и повеселел: был старенький след и в сторону Феоктистыча. Это хорошо, что несвежий: снег на четверть присыпал дорогу, и лыжи не скользили, а нарезали, без разброса, свою четкую борозду.

Дорога урманила весь день. Когда-то прорубленная таежными людьми для конной тяги, она, плавно изгибаясь, перескакивала с темнохвойного мыса на мыс, иногда вела по старичным берегам и закрайкам и к вечеру выкатилась на высокий речной поворот с темным остовом избы на самой макушке.

На фоне закатного неба дым, словно приклеенный, тянулся вверх из печной трубы. Вскоре по-домашнему, незлобно, залаяли собаки, запахло навозом.

Скот неторопливо освободился от ноши и лыж, подождал, но никто не вышел. Было тихо и за дверью, когда он постучал. Наконец, он решил войти.

Из глубины, за растянутым во всю избу фителем, крепкого сложения дед в клетчатой рубаше, не поднимая от мережи белой головы и орудуя иглой, сердито испросил:

– И кого это леший несет на ночь глядя? А-а, это ты, Федор. Не сидится тебя на твоей стипенсии...

Федор поднырнул под растянутую мережу, протянул руку грозному хозяину.

Дед, приподняв выбеленные инеем мохнатые брови, пристально взглянул на изуродованное медвежьими когтями и хирургами скатовское лицо, багровое от мороза.

– Мешкай же, сейчас ужинать будем, дай, зашью эту дыру, мать их, ондатров в душу! Грызут, собаки, спасу нет!..

– Ты с откуда пришел? Прямоком или через Потаповцев? – спросил уже за столом. – А я тебе лыжницу навстречь до болота натоптал, думал, через болото перевалишь. Ну, говори, че тебе надо.

– А ты не знаешь? Во-он рация у тебя включена, до сих пор фурычит!..

– Знать, может, и знаю, хочу тебя послушать. Говоришь, соболей считать. Вот че тебе скажу: след соболя ты можешь и месяц не увидеть. Соболек есть, а следа нет: занорится, ежели сытый, и будет спать. Он тебе не лось, чтобы каждый день следить... Еще про кого тебе рассказать, спрашивай же.

Дед – хитрован, все он, ясное дело, знал наперед, куражился от само-достаточности нрава своего.

– Сейчас ты своего дружка где искать будешь? Это, парень как иголку в снегах, вот что. Может, и жив где... Черт его не возьмет, а Богу такое и не надо...

Дед выдвинул ящик старинного комода, достал тетрадку, зашевелил губами.

– Значит, Марья пришла лыжами по Рождеству, спрашивала про его. А в этом годе он мимо меня проходил по реке, только раз собака и сгавкала. А еще до того дал я ему молодую собаку, а он сказывал, будто волки ее съели. Жалобился – не пошла дескать. Поди сам убил и съел. Мужик будто

сноровистый, да мутный какой-то, не глянется он мне. Он, видно, чувствует это и не заходит, холера!

Скат оживился.

– Погоди, а Марии он по какой надобности? Не к тебе ли она поночевать забегала?

Дед и глазом не моргнул.

– А ты как думал? Только ты с девками балуешь? Мне с ней не совладать: хороша Маша, да не наша. Может, ты спробуешь – ты вон еще крепенький. Того года как к ней на резиновом болотоходе мужики приезжали свататься. Мария им такую свадьбу устроила, что все они разбежались по кустам и болотоход свой бросили, потому как девка-то колеса пулями постреляла. Женихам пришлось плот делать да спускаться по реке. А Марье давно не нужен дружок твой, нехристь невымытый. Баба нормальная, да ешпо верующая, она его не пустит до себя, сразу отпочтует.

– Может, отпочтует, может, и нет, – сказал Скат.

Феоктистыч вновь вернулся к нужной теме:

– По осени соболек был и следил хорошо, к Новому году куда-то вышел, колонок сразу – тут как тут! А в феврале попер с востока – шелудивый, на три цвета, да пролетел мимо, не задержался. И корма его есть – и мышь, и рябок, и косач. Видел, поди, и рябины вдоволь, висит, не отпала.

А с белкой два года назад что было! Летом тучами шла, через дом, через реку переплывала, собаки голоса лишились. Сколь тут живу – а это с рождения – навидался всяких учетов. Ты, если грамотный, скажи – почто они тебе, эти учеты. Или кому там?.. Вот придет другой сезон, по новому снегу и будем считать, кто тут следов напрыгал...

Засиделись.

Дед вышел во двор дозаправить генератор.

– Где он у тебя, не видно, не слышно?

– Где надо. Для электростанции у меня сруб отдельный, мохом обложенный, чтоб, значит, не гремело.

– Богато живешь, – подначил Скат.

– Не шибко нажил: горб да больные ноги. Живу, как Бог даст, да трачу по нажитку...

Феоктистыч разбодрствовался и говорил еще долго, вспоминая и довоенное время, и жену-подружку, до конца разделившую его лесную долю.

«Какие же еще есть простые и светлые люди – прямодушные, без корысти и злобы», – так думалось уходящему в сон гостю, также подумал он и поутру, трогательно прощаясь с удивительно цельным человеком, выпестованным тайгой.

Скату все хотелось оглянуться, пока не скрылось из виду зимовье Феоктистыча; наконец, он не выдержал. Показалось, будто в большом окне видит он доброе и улыбающееся лицо таежника, да так ли?

Слеза горячей дробинкой скатилась по щеке, прыгая по бугристым шрамам – медицина говорила, что был сильно поврежден глазной нерв.

* * *

Скат соскользнул по ерику на лед реки.

То там, то сям на замерзшем русле далеко чернели вешки, горки льда, выброшенного из прорубей.

Скоро нашел лыжный свёрток – он узкой полосой вонзался в тальники, пробиваясь к просеке. Однако ее до такой степени затянуло снеговой наве-

сью, что приходилось протискиваться, согнувшись до пояса. Скоро поймал иссякла, и след ступил в темнохвойную гриву. В гущарах, за корявыми выворотнями, еще таился серый полумрак, след петлял в обход завалов, переваливался через валежины.

Перестойный лес со своих высот хмуро взирал на непрошеного гостя, набычившись и вопрошая: «Кто ты есть, мил человек? Чего тебе здесь надобно?».

Что-то тревожило и напрягало охотника, мешая расслабиться.

Шел четвертый день его добровольной одиссеи, и он все больше втягивался в еще неясную игру, хотя контуры ее уже проступали все явственней, но, самое худшее, утрачивали ее изначальный смысл.

Дед, несомненно, прав – мартовский следовой учет, когда до начала промыслового сезона еще восемь месяцев, – дело бестолковое и ненужное.

Поиск пропавшего человека мог закончиться уже у Марьи, далее спрашивать было не у кого. За ее Тремя ручьями – «черная дыра», госпромхозовские уголья заканчивались.

Весь день пасмурило. Изредка налетал верховик, осыпая кухню.

В немотивированное тело вползали вялость, нежелание двигаться. Монотонная тропа тянулась бесконечно.

Скат выбрал в ветровале удобное местечко, достал термосок с чаем. Подумал: «Ладно киснуть. Доберусь до Марии – там все и решу».

Скоро впереди просветлело. Скат пересек открывшееся вдруг поле. Далее дорога пошла под уклон.

Что могло так взбодрить Ската: то ли крепкий чай, то ли дальний вид с крутояра, то ли чудесная землянка, обшитая изнутри колотьем – либо все вместе, но в нем проснулась неумная жажда деятельности: растопив печурку, он яростно разгреб снег от входа, наколот кучу дров, спустился к ручью, выдолбил из-под ключа фитилек, собрав улов – трепетавших на снегу щурогаек – и бегом наверх, в жилище, наполненное теплом и пихтовым смоляным настоем.

* * *

Пробуждение было поздним: сон крепкий, хоть за ноги таскай. Вышел на яркий свет, зажмурился, потянулся до хруста в плечах, прихватил пригоршней снег – мягкий, пахнущий морозным ветром, прижал к лицу...

С крутояра – как с высоты птичьего полета – открывался вид первозданный: подсвеченные оранжем, далеко синели лесные гривы, расплзаясь на белотканом ковре причудливыми узорами; темно-фиолетовыми окружками проступал рамень. Душу легко, как пушинку, унесло туда, в дальние дали, в бездонные выси начинающегося дня...

Перед выходом Скат придирчиво осмотрел лыжи. Оттепель – ловушка для голиц, а у него лыжи камусные, подволочные, по центру полоза подбитые выдрой.

И Феоктистыч не удержался, осмотрев скатовские «колеса».

– Бо-га-тые! Такие – не «липа», не боятся подлипа, – срифмовал одобрительно.

* * *

Скат нетронутым снегом потянул свою тропу на юг, не боясь уклониться куда-либо: день светлый, солнце – в левую щеку, вот и весь компас.

Запетлял, зазмеился лыжный след, выискивая маломальские просветы. Темп был хорош, но Скат скоро остановился, снял шерстяной джемпер – с перегревом далеко не утопаешь.

При расставании его зачем-то предупредил Феоктистыч:

– Бойся тепла: снег оглубеет – до самой земли одна каша. Добавляй время в два раза, а мочи – в четыре. Держись таежкой – там покрепче. Весной все так: где скоком, а где и боком.

Опытный таежник предупреждал, но не поучал.

Солнце уже потянулось к зениту, упираясь охотнику в лоб, а ручей все не появлялся. Скат остановился, чтобы перевести дух. Позади – глубокая трасса, впереди – целик и никакого признака ручья.

– Однако, дорогие друзья, попал я в петельку. Надобно сбить маршрут да отвернуть покруче, вот он, ручей этот, и выскочит!

Договорившись с самим собой, охотник свернул резко в сторону и скоро выбрался к безымянной ручьевине. Жиденький низкорослый березнячок, изгибаясь тонкой нитью, предстал перед удивленным путником.

Ручей – не ручей, берегов-то не видно.

Скат пересек невидимое русло, так и не найдя охотничьей тропы.

«Нечего здесь делать охотнику, видно, Марьин ручей еще впереди».

Солнце уже уходило в зимнее полукружье, ласкало уже правую щеку, заставляя думать о ночлеге.

– Давай, давай, Скат! – взбодрил себя охотник и пошел быстро, размашисто, как спортсмен на финиш.

Наконец соснячок перешел в густой ельник, определились и ручейные берега.

– Привет, Мария! – обрадовался Скат, выгребаясь на торную лыжню.

Пригляделся: лыжня широкая, с осени, видно, набитая, а судя по припорошке – дня три-четыре назад хожена.

Тропой – не в свежье, шевели ногами да катись колобком.

Однако забеспокоился Скат – калач тертый, опыта не занимать: успеет ли до избы засветло? Ход уже не тот: ноги повымотал в снегах, рюкзак долит, плечи онемели. Стал срезать заусенки – отходы к ловушкам.

«Э-э, а Мария-то промышляет древним методом», – отметил, увидев снеговые насыпушки. Чего проще: кучку снега нагреб, проковырял дыру, внутрь – приманку, а на входе капкан, по бокам капканных дуг два прутика – ловись соболек! Просто, да неумно – потерь не счесть. Попал соболек, утянулся с потаском, замело его снегом, найдешь – не найдешь. Да и найдешь – сразу не радуйся: мышь так пострижет, что ни себе, ни людям. Неподалеку от каждой ловушки на дереве висел капканчик – путик закрыт.

«Эх, дуреха, за лето ведь проржавеет, – занудило у промысловика. – В зимовье кашканы выносить надобно».

Вдруг сбоку от тропы маякнулось что-то темное, охотник мгновенно среагировал на движение: приклад ружья знакомо уперся в плечо, но он тут же опустил стволы.

– Жух-жух! – пролетела низом желна, злорадно покрикивая: – Пиу-у, пиу-у!

Скат, улыбаясь, проследил за полетом дятла, взбодрился от неожиданной встречи, пробежал еще с сотню метров и стал как вкопанный: слева, параллельно его ходу, тянулась борозда взбитого снега. Охотник медленно двинулся дальше. Борозда скоро слилась с лыжней – большой зверь вышел на человеческий след.

На влажном снегу четко пропечатались когтистые лапы внушительных размеров.

– Хорош дядя, на пестуна не тянет! Вот еще такого попутчика не хватало! – раздосадовался Скат.

С этого мгновения его преобразило: он забыл и об усталости, и гнете заплечного груза, движения его стали размеренными и скупыми, все чувства обострились и напряглись.

Странное дело: медведь не трогал Марьины насыпушки, хотя в них оставалась приманка.

Охотник иногда останавливался, прислушивался, и чудились ему утробное дыхание, хруст спрессованного снега под тяжелым телом.

Скат много раз тычил пальцем в босоногие отпечатки лап, но определить свежесть следа не смог. «Ладно, надо гнать!». Добавил ходу, пересек вытянутую рединку, здесь снег был поглубже, поэтому зверь, проваливаясь по брюхо, прополз тропой, исчезающей в густых зарослях рябинника. Скат влетел туда же – место ему никак не понравилось: в чадере след далеко не просматривался; но когда здесь же, в кустах, он вдруг увидел продолговатую вмятину от лежки, понял, что зверь только что видел его.

Далее следовало несколько неуклюжих прыжков, но тропы медведь не оставил. Скат облегченно вздохнул: густой рябинник наконец кончился, сменившись на березовую с подлеском из пихты гриву. Обнаженные руки замерзли, он на ходу достал из-за пазухи шерстяные перчатки, но надеть не успел. Впереди на тропе в небольшом удалении маячила темная фигура. В ту же секунду Скат не то чтобы по-кошачьи прыгнул вбок, его просто мгновенно снесла в сторону невидимая сила, и он стал забирать в обход.

Утопая в рыхлом снегу, пригнувшись, охотник, маскируясь, чем можно, подполз к невысокому березовому останцу и выглянул, поднимая готовое к выстрелу ружье. Однако цели сразу не увидел, но оттуда, где она должна быть, послышалось:

– Дядя Федя, это вы? Идите сюда быстрее!

У Ската внутри все оборвалось и сжалось до болезненной колики, на лбу выступил пот. Конечно, он твердо знал, что никогда не сделал бы выстрела по неясно видимой цели, ибо всегда следовал неписаному правилу: стрелять не вообще, а только конкретно и точно по месту.

– Надо ж так, – успокаивал себя, выбираясь на тропу.

Марья все маячила в удалении. Остановилась она в том месте, где медведь, поджимаемый сзади охотником, возможно, услышал встречную опасность и сиганул с тропы.

– Вы его видели? – спросила девушка, указывая vareжкой на глубокую, до травы, выбоину в снегу.

– Я – нет, но он, похоже, меня видел, и не раз.

Только сейчас Скат заметил, что охотница без ружья.

– Ты что? – удивился он.

– Так рядом ведь изба-то. Я к вам навстречу, Феоктистыч попросил. И он уж два раза по радию все спрашивал: нет ли? А мне невмочь ждать сидя. Пошла потихоньку и слышу – вы идете, а тут такое...

На таежнице все ладно и естественно: серая, под цвет лосиного бока, суконная кухлянка, на ногах короткие меховые унты и короткие, но широкие, как канадские снегоступы, лыжи.

Марьюшкино зимовье большое, невысокое, блином прилепилось к берегу озера, которое питали три ручья. Озеро же коротким стоком соединялось с рекой. Скат, в деталях знакомый с этим местом по карте, не смог не восхититься удачным выбором. Дом давным-давно ставил промысловик Паша Косинцев, но лет десяток назад сменил участок, поднялся вверх по реке и срубил на не менее живописном местечке двухэтажную пятистенку с крытым двором. Вскоре произошло несчастье: дом полностью сгорел вме-

сте со своим хозяином и женой. Исхудавших донельзя, одичавших собак, бродивших по пожарищу, первой и обнаружила Мария.

* * *

– А ты его искала зачем, – чеканя каждое слово, спросил вдруг Скат, наблюдая за Марией, орудующей посудой у печи.

Она резко повернулась, и даже высоко поднятый ворот свитера не скрыл, как шея ее залилась ярким румянцем, порозовели даже смуглые щеки.

– А он, дядя Федя, обещал лабаз достроить и к Рождеству вернуться.

Недостроенный лабаз – произведение охотничьей архитектуры, возвышаясь на двух толстенных столбах, сразу бросался в глаза на подходе к жилью. Странное дело – над пятирядным срубом, в котором каждое бревнышко было любовно отшлифовано будто наждачкой – не было крыши, и вместо нее нелепо торчала остроконечная снеговая шапка.

– Ну и? – наседал дядя Федя.

Марья не ответила: в тот миг что-то выплеснулось на плиту, пошел густой едкий дым – ей было не до допросов.

– И где же он ходит? – вновь спросил Скат.

Марья вздрогнула, поправив сбившиеся на глаза волосы, быстро справилась с волнением.

– Человек ходит, да Бог водит... Кто ж его знает-ведает.

– Ты, Мария, мне все говори, ничего не скрывай.

– Так нечто, дядя Федя, врать буду. Не под юбкой его, прости Господи, прячу, – разобиделась Мария.

– Сказывал, что у него за болотами урочище заповедное, человеку там ходить невозможно, а зверю – не помеха. А живет он в избушке белой, чтоб, значит, ему повеселее было. Он – чудный, все – загадками. Я два раза бегала в ту сторону, но и следа его не видела.

– Ну, покажи, где была, ходила, – предложил Скат, раскладывая перед ней карту местности.

Она долго вглядывалась в непривычные для нее бумаги, водила пальцем по речным руслам, сопя и переспрашивая у Ската названья, наконец, освоилась, и очертила круг.

Со слов Марии, разыскиваемый – звали его Илюша, появился у нее в октябре гол и бос, без ружья и котомки. Сказывал: облас перевернулся, и все утонуло. За две недели он поправил свою беду: и лодку выдолбил, и приобулся-приоделся, и харч справил с Марьиной помощью, а в благодарность лабаз застроил. Только ружья лишнего в зимовье не нашлось, да Илюша не расстроился: подсобрал железно-проволоку, капканные пружины, леску рыболовную, а главное – испросил топор, лучковую пилу да напильник. Перед самой шугой лодку загрузил да и угреб вдоль берегов вверх.

Скат слушал молча, подперев подбородок, уставившись в Марью: лицо простое, глаза раскосые, черные, волосы – смоль, прямые, на пробор.

«М-да, видно, Илюшенька, сквознячок голову тебе и просквозил», – диагностировал Скат.

– А Илюша – крещеный, и у него иконка есть. На бумажке. Он показывал.

– Но он говорил, все утонуло, врет поди. Не спрятал ли он свое богатство на берегу, а к тебе будто разут-раздет явился.

– Как можно о человеке плохо думать.

– Марья, признавайся, замуж хочется? – продолжал насеждать Скат.

– Само-собой, с детишками охота поиграть! А женихов здесь нету. Приезжали худые, чуть дверь в мою горницу не выломали.

Мария ушла к себе за перегородку, и Скот, привернув в лампе фитиль, улегся в непривычную кровать. Не спалось. Едва слышно сипела лампа.

– Блюмм-тьюю, блюм-тьюу, – будто часы, методично тинькали капли воды из умывальника, что-то тихо и вкрадчиво шелестело за стеной.

– Дядя Федя, а вы его найдете? – послышалось из-за перегородки.

– Давай до утра, – обрезал Скот. – Утром и дотолкуем, покажешь место, где ты его искала.

Им не спалось.

– Господи, душно-то как.

Скрипнула дощатая дверка, отворившись. Скот мирно сопел, изображая спящего. Мария, мягко ступая, прошла мимо, на кухню, вылила из умывальника воду, вернулась к себе.

И тогда Скот услышал, как тихо-тихо закрылась за ней щеколда.

– Дядя Федя, а было очень больно? Ну, когда медведь... – вдруг спросила она.

– Сначала нет, это уж все потом, – неопределенно промычал Скот.

– А меня знаете, как медведь ободрал. Покажу сейчас.

Она прошлепала босыми ногами к кровати. Перегнулась через Скота – он животом ощутил ее грудь – подвернула повыше фитиль. На ней была длинная до пят ночная рубаха.

– Вот, смотрите, – и задрала рубаху чуть выше колен.

– Вижу, вижу, – поспешил ответить Скот, растерявшись.

Пока он справлялся с оторопью, Мария уже ушлепала за перегородку.

«Так как она спросила? – вдруг ударило его словно током. – А было очень больно?».

Скот – не страстный юбочник, но и не духовный скопец, и как каждый физически здоровый мужчина к женскому полу был далеко не равнодушен.

Его семейные варианты с постоянством рушились еще в зародыше по причине его ежегодного отсутствия в благоприятных для брака местах; декабристок, рвущихся в лесные палестины не находилось, видно, прошло то героическое для женщин время; ну, а Скот – как он всегда любил подчеркнуть – не изменял лишь тайге...

И однажды, оставив, наконец-то, серьезные намерения, в очередное межсезонье он оправился в путешествие на теплоходе.

Отдыхающие – люди разные, но его, крепко сбитого, с короткой спортивной стрижкой и импозантной хемингуэвской бородкой, с загоревшим лицом и руками, в свитере, облегающем мускулистый торс, те, кому было надо, заметили сразу, как только он вышел из одноместной каюты и занял отдаленный ресторанный столик.

Скот, чего греха таить, был не дурак рвануть из поясной фляжки крепкого зелья, но в цивилинном месте были иные правила: на столике красовалась питейная посуда из чешского стекла.

Ресторан быстро наполнялся.

Грянула живая музыка. В квартете особо выделялась скрипка; под рыдающие еврейско-цыганские синкопы блондинистый солист выдал: «На теплоходе музыка играет...»

Уставившись в фужер, перед тем как выпить, Скот крутил его за ножку туда-сюда: коньяк, разбегаясь, то поднимался по стенке сосуда,

то, наталкиваясь на встречный поток, завихрялся в суводи, рискуя выплеснуться.

К нему подседа девушка, и он, не прекращая своего занятия, боковым зрением рассмотрел ее сразу и всю.

«Она была прекрасна и чиста», – восторженно пропела у него внутри хищная птица...

Из каюты они вышли глубокой ночью.

Теплоход коротко давал гудки, швартуясь к пристани.

Она плакала, не стесняясь – шёл дождь.

Легко одетого Ската знобило и подёргивало, но он добросовестно, не спеша, с искренним удовольствием поцеловал девушку в растроганные губы, вернулся в тёплую каюту и проспал до обеда.

Вечером следующего дня опять заиграла музыка своё, коронное: «На теплоходе музыка играет...» и к нему подсели три девушки-подружки; они безумолку хохотали, дымили сигаретами и по очереди приглашали Ската танцевать. Он выбрал одну из них, некурящую, и они ушли в каюту.

У него был билет туда и обратно. Две недели в пути, стоянка – один день и опять в плавание.

Ежегодные водные турне слились в непрерывную полосу, как заснятая одним дублем кинолента.

Он и здесь, на речном корабле, играл в свою охоту. Приманкой был он сам. Главное: не проявлять инициативы, никакой назойливости, никаких приставаний, подчеркнутых ухаживаний.

Гладко выбритых, напомаженных сердцеедов крутилось на судне немало, но он был вне конкуренции; здесь он был белой вороной, из другого, нерафинированного мира. От него веяло экзотической романтикой неведомых дорог, внутренней мужской силой, которая всегда притягивала скучающих дам.

Его выбирали как жертву. Но дальше охотницу ждала западня. И силы были неравны.

Скат почти не пьянел. Танцевал обычно танго, где жертва и охотник сближались.

К концу вечера Скат уже сжимал в левой руке ключ от каюты. Ключ замечали. Но некоторые смущенно предлагали прогуляться по палубе. Он сразу соглашался, но скоро начинал прощаться, что ставило спутницу перед выбором. Рисковал и он, но немногим.

После контрастного душа, наслаждаясь одиночеством, он с удовольствием растягивался на поролоновом матраце, бормоча: «Ну, и слава богу!». И мгновенно засыпал...

– Ну, как ты? – многозначительно интересовались на другой день целомудренные знакомки.

– Плохо! – врал Скат, и это было заметно.

После этого сопротивляться самой себе у жертвы уже не оставалось сил.

Но иногда по каким-то причинам его отвергали. Скат понимал, что он – не баргузинский соболь, чтобы всем нравиться, ибо был достаточно самокритичен. «Какой уж есть – не тратит ведь жизнь попусту на поиски людей глупее тебя», – соглашался он с неприятелями.

Остроты ради порой ехидничал и прикалывался, что сходило ему не всегда.

Однажды получил пощечину.

– Ты уже давно молчишь, я тебе неинтересна? – вопрошала импозантная особа после непродолжительного знакомства.

Жуя и растягивая слова, Скат промышчал:

– Я-я-я... так тебя-яххочу-у, что-о все-е ччелюстиссвело!..

Лицо оскорбленной барышни гневно перекошилось, и в тот миг нечаянные свидетели услышали звонкий, с оттяжкой, как удар бича, шлепок.

Но далее произошел конфуз: с носа незаслуженно обиженной, от резкого содрогания, вдруг сорвались очки, рискуя улететь за борт.

Эх, лучше бы оно, филигранное изделие, и летело дальше, живое и невредимое, до исчезновения в речной воде!

Но Скат проявил невероятную прыть: молниеносным замахом, побезьяньи, он успел-таки ухватить промелькнувший предмет своей когтисто-промысловой лапой, из крепко зажатого кулака раздался печальный хруст.

Пока девушка близоруко щурилась, оценивая последствия произошедшего, Скат безапелляционно завладел её ридикюлем и высыпал в него оптическую смесь...

Из-за ограниченности жизненного пространства еще несколько раз пути их неизбежно пересекались.

Скат старался смотреть мимо, в несуществующую даль, а если не получалось, то с удовлетворением отмечал её несексуальную худобу. И она надменно поджимала и без того тонкие губы, как бы говоря: «Да, я сушенная вобла, но тебе, орангутану, точно не по зубам»...

...Для промысловика зима хоть и скорая: «сентяп – октяп и май», да между октябрем и маем – целых полгода!

Обитая в безлюдной тайге, охотник вспоминал с величайшим наслаждением летние этюды.

Особо веселила пощечина.

– Так тебе и надо, наглец! Ох, по заслугам! Ох, девка и молодец! Так влепила, что и сама чуть за борт не улетела вслед за очками! Ну, ты, Скат, барагозник, невежа, дубина стоеросовая!..

Из-за травмы он пропустил две навигации. Теперь одна сторона лица его была страшно изуродована, и он не знал, насколько это помешает общению с прекрасным полом. Быстро оказалось, что в делах сердечных фотогеничность – не главный аргумент.

Летние утехы безоблачно продолжались ещё год, два, три...

Как началось, так и закончилось...

– Вы узнаете меня?

– Нет, – признался Скат, пытаясь напрячь память.

– Мы были вместе несколько часов в вашей каюте. Номер 214. Вы проводили меня ночью. Тогда был дождь и холодно.

Скат внимательно осмотрел её: лицо обычное, не запоминающееся. Белёсая, глаза и брови неконтрастные, только губы красиво очерчены, припухшие... А росточек маленький. Он смотрел на неё чуть сверху: через разрез платья матово высвечивалась высокая грудь; бедра широкие, округлые. Ну, кубышечка; соблазнительная, если выборочно.

– Можно? – спросила она и притронулась детскими пальчиками к багровым шрамам на его лице. – Было очень больно?.. А я была за нашим столиком несколько раз.

– Зачем?

Страдальческая гримаса исказила её лицо – и Скату показалось оно совершенно иным.

– Надеюсь... что вы придете...

Ската охватило недоумение.

– Как? Когда?..

– Да вот, у меня накопилось.

И она выложила будто пасьянс перед ним листочки из отрывных календарей.

– Видите: год, месяц, число... Я искала вас несколько лет.

Скат оторопело, без всякой системы, взял на выбор несколько бумажек

– А что это? – спросил он, заметив на каждой короткую строчку цифр.

– Мой номер телефона...

В каюту не хотелось.

Они еще долго сидели вместе. Не танцевали.

Он поймал под столиком её колено своими ногами и сильно сжал. Она улыбнулась и доверчиво, лавируя между столовыми приборами, протянула ему обе руки.

И они некоторое время сидели так обнявшись, разделенные столиком...

Потом поднялись на верхнюю палубу и стояли, вцепившись в леера.

Слышался плеск воды, рассекаемой носом корабля, ветерок дышал речной свежестью, на горизонте прорезалась светло-розовая полоска рассвета.

Она прижалась к его груди...

– Сердце... Так удивительно... Я слышу твоё сердце!..

Её бил нервный озноб, и он слышал только одно:

– Ты ... Это ты...

Наконец они ушли в каюту.

В нависшей тишине метрономом стучал корабельный дизель, в такт ему мелко подрагивали каютные переборки.

Призрачный свет, проникающий из иллюминатора, струился по её неподвижному нагому телу, смутно вырисовывая округлости груди; овальный, как опрокинутая луна, живот, лонные складки, сбегающие к сомкнутым бёдрам.

Скат глядел на беззащитное, обреченно-жертвенное женское тело, богом предназначенное для обожания, материнства и любви вечной и чистой, как родник.

И вдруг ему показалось, что он совершил грешное, непоправимое; прикоснувшись к запретному; к святыне, которой он не достоин.

– Можно ... с тобой ... дальше? – еле слышно спросила она.

Скат с трудом сдержал ответ.

– Тебе уже пора, – сказал чуть позже, сжимая её руку.

Они расстались, как и тогда, ночью. Дождя не было. Она не плакала и не просила ни о чём...

Теплоход долго не отчаливал.

Скат всё ждал, и ему верилось, что она, так скоро растворившаяся в ночи, вдруг появится вновь.

Он вернулся в каюту.

Светало.

Ему не хотелось возвращаться к пустой, расстеленной постели.

Он, сникший и расслабленный, долго машинально перебирал календарные листочки.

На следующий день Скат сошел с теплохода и домой возвращался уже ночью, кружным путём, на автобусе.

Забытая под подушкой его любимая книга Джеймса Олдриджа «Охотник» продолжала его последнее турне в одиночестве.

Скат проснулся минутой раньше. Дверь женской половины была открыта, оттуда слышалось мерное посапывание молодой хозяйки. Он уже знал, что будет делать.

Прежде чем продолжить основной путь, он решил проследить за медведем. Одному богу известно, где находится опасный зверь, поднявшийся из берлоги; в башке у него сейчас одна жратва, а человек тоже входит в его пищевой рацион. Уйти, оставив Марию один на один с Топтыгиным, никак нельзя.

– Пойду один, тебе лучше остаться, – сказал, как отрезал, Скат, освобождая рюкзак от лишнего. Он умел охотиться в одиночку и надеялся только на себя.

– Дядя Федя, да я...

– Знаю, слышал, – еще раз отрубил Скат. – И даже видел, – намекнул он на ночной «стриптиз».

Среди охотников много говорили, как Марья оступилась в верховую берлогу, и медведь уцепил ее за унты, благо, она выдернула из обуви ногу, откатилась в сторону, а потом – не оставаться же босиком! – Сумела одним точным выстрелом успокоить медведя. Еще раньше спасла она Косинцева, когда большой медведь напал на него на берегу, у лодки, и зажевал его руку. Марья не растерялась, сдуплетила дробью прямо в звериное ухо. Поговаривали, будто от этого дуплета досталось и косинцевской руке, только спасенный никогда не жаловался и впоследствии отблагодарил недвижимостью.

На предложение взять собаку Скат сомневался до той поры, пока не увидел рослого кобеля: помесь лайки с кавказской овчаркой.

– Он ошейник знает, медведя не боится. Да, Мазай?

Скат любил собак беспредельно. Может быть, больше, чем некоторых людей.

– Ну что, дружище, давай знакомиться! – Скат почесал довольному псу за ухом. Тот улыбнулся.

* * *

«И вот выходит на дорогу серый волк, серый волк», – бравадно запел охотник, выступая на звериный след. Взъерошенный Мазай, натягивая длинный поводок, увлекал Ската вперед.

Снег все тот же. Рыхлый, тяжелый. Косматая животина пробивала его толщу до земли. Волок от туловища напоминал след от протаски толстого бревна.

Марьюшка не соврала – пес быстро понял, что от него требуется и, еще не прихватив звериного духа, надавал как паровоз. Но медведь, как скоро заметил охотника, учуяв зимовье, пошел в обход, выпластался на лыжню и шустро затропотил по Марьиной тропе. Марья говорила, путик этот невелик: вдоль по ручейку, в верховьях, будет оставленный сейсмиками балок-ночуйка. И медвежий след уверенно тянул в ту сторону.

* * *

Вот и балок – обитое жестью, приземистое, заваленное снегом инородное для тайги жилище. В приоткрытую дверь зверь не пошел. Оставив лыжню, зверь потянулся в сторону, в междуречье.

– Ну, ну, – сказал Скат. – Что-то здесь не то. В жилье не идет, приваду в ловушках не трогает.

Сразу за балком – широкий просвет. Мазай остановился и сел, завидя уходящий в беспределье гонный след.

– Ну что, шуганули мы его? – спросила собака.

– Нет, друг мой. Ведь духу нашего он еще и не хватил.

Охотник отцепил лыжи, пробил лунку до летней травы для ног и достал из рюкзака термос. Солнце грело всюду, почти по-летнему. Скот стянул куртку, уложил поверх лыж, растянулся в истоме. Погоня по вчерашним следам не имела никакого смысла.

Сколько раз, бывало, он, подавленный лесной глухоманью, ложился на спину, закинув руки за голову, вперив взор в глубокое небо...

Скот вскочил, почувствовав неладное. Мазая рядом не было. Далеко-далеко маячил он черной точкой на болоте.

– Мазай, Мазай! – заорал охотник. Но было поздно. Повинуясь инстинкту, он уходил по звериному следу.

Скот разрядил в воздух оба ствола.

Мазай – темная точка на болоте – приостановился и ... пошел дальше.

Скот понял, надо гнать вослед.

Он быстро пересек незнакомое болото, следы уводили в высокую глухую стену леса. Он с ходу влетел в таежную кромку и сразу уперся в ветровал: насколько хватало глаз, поверженные деревья преграждали ему путь. Следы уводили в глубь завала – следы медвежьих, поверх – собачьи.

Внутри у Скота все похолодело. Не за себя, за собаку. Стоит поводку зацепится за что-то, и у собаки не останется никаких шансов на жизнь.

– Мазай, Мазай, – позвал он.

И вроде что-то послышалось оттуда, из глубин древесного хаоса, что-то, похожее на собачий визг.

– Ма-а-а-азай! – еще раз завопил изо всех сил Скот.

И прислушался. И снова уже явственней – собачий визг, оттуда – глухо боко изнутри.

Скот сбросил лыжи, проваливаясь в снег, побрел кромкой, огибая лесное «кладбище».

Все стихло. Охотник наконец оконтурил завал и увидел то, что искал.

Свежий медвежий след уходил из завала и исчезал среди выворотней.

– Ма-аа-азай, – крикнул он снова.

И, Господи, великое чудо сотворилось. Повизгивая, из-под заснеженных бревен выползла собака с окровавленной головой.

Первым делом Скот отстегнул карабин, смотал предательский поводок и только потом заметил, что у Мазая оторвано ухо и распластана кожа на голове.

– Лежать, Мазай, лежать, – бормотал Скот, успокаивая пса. – Подожди, я сейчас, сейчас. – И побежал за рюкзаком и лыжами.

Он делал все быстро, но опоздал. Собака умирала. Она лежала на боку и даже не подняла головы. Скот приложил ухо: внутри хрипело и хлюпало.

– Ладно, прости меня, пес... Прости... Вот, не уберег я тебя... И что ж мне Марье сказать?

Еще раз взглянув на распростертую собаку, скрипнув зубами, Скот стремительно бросился в погоню.

След пересек узкую жилку таежки и пошел мелким сосняком на болотный просвет. Перед выходом на обширное чистое болото – лежка. Скорее всего, это означало, что зверь нездоров.

Скот внимательнее, чем раньше, присмотрелся к дорожке следов: получалось, зверь сильно подворачивал правую переднюю лапу, все время заваливаясь набок.

«Не идет – колбасит! И на лежку рюхается в снег, как секач».

На чистом болоте снега меньше, но медведь проваливался глубоко, до мха, и Скат имел преимущество.

Болото было пустынно. Лишь вдали сторожкойм, как перст, темнел крохотный островок леса, и след тянулся туда.

«Ну, все. Я понял, где ты», – злорадно подумал охотник, добавляя ходу.

Оставляя след в стороне, в пределах видимости, срезая его зигзаги, он неумолимо приближался к цели. По ходу охотник отмечал частые лежки – медведь, очевидно, изнемогал.

Наконец, след, втянувшись в островок, оборвался. Островок – десяток сухостоин – просматривался насквозь. Лишь в одном месте бугрилось что-то подозрительное.

Ветер – в лоб. Скат не стал мудрить: рюкзак, лыжи – долой, ружье у плеча, оба курка взведены – и вперед. Расстояние быстро сокращалось, но медведь ни малейшим движением не выдавал себя. Будто бы раз что-то шевельнулось и замерло.

Скат остановился – ближе нельзя. Даже из чела берлоги медведь вылетает как пробка из шампанского, а здесь его ничто не задержит. И Скат сдал назад. Обтоптался. Стал на колени. Стволы – горизонтально земле, промах исключен.

Вот оно: разом, как взрыв, брызнул снег. Медведь возник в полный рост. Скат был готов. Он видел все, до мелкой мелочи. Болтающаяся из стороны в сторону взлохмаченная башка, клочья пены, свисающие с полуоткрытой пасти. Зверь тяжело, исподлобья смотрел прямо в дульный срез. Охотник медлил, но и зверь не сделал ни шага. Первым не выдержал медведь. Он привстал еще выше, помахал передними лапами, как бы отбиваясь от назойливых пчел, и неожиданно резко слег. Скауту видна была только его грязно-бурая спина. Понятно, что Скат имел дело с обычным шатуном, подлежащим отстрелу – и это правило никто не отменял. Зверь не поднимался, и как охотник ни вытягивал шею, медведь будто таял на глазах, проваливаясь все глубже и глубже.

Замельтешил мелкий снежок, ухудшая видимость. Охотник еще выждал, потом отступил назад до валявшегося на снегу рюкзака.

По обыкновению вытоптал в снегу лунку, положил сверху лыжи и уселся на импровизированную скамью. Рюкзак перед собой, достал термос, ружье положил сверху. Попивая чай, Скат не сводил глаз с островка. Рядом он, шагах в тридцати – на расстоянии утиног выстрела.

Страха не было. Медведь – дохляк, что-то с ним неладно.

«Пойти добить!».

Снег усиливался. Островок леса, где лежал медведь, стал расплываться в мельтешащем мареве. Наконец снег повалил густыми липкими хлопьями, будто сама природа все решала за человека.

Охотничья страсть улеглась, и Скат вернулся своим следом к лесному прожилку. Он долго искал подходящее место для ночлега, слишком долго. Проще было за это время дотянуть до балка, ибо ночлег в лесу равен потерянному на завтра дню.

Наконец, нашелся небольшой завал с выворотнями и сухостоинами. Пока перегорали напололам стасканные в кучу деревья, Скат быстро устроил лежанку на воздушной подушке. Ночь кончилась незаметно. Надья прогорела полностью, в глубокой яме еще рдели уголья, источающие жар. Скат не спешил. Он умылся снегом, поставил на кострище котелок. Стал

собрать рюкзак, как вдруг отдаленно послышался хруст снега: к биваку, мелькая среди деревьев, катила Мария.

Было же чему порадоваться!

Оказывается, Мазай, отлежавшись, приковылял на зимовье. Мария встревожилась: собака в крови, Ската нет. Не дожидаясь утра, подсвечивая фонариком, отправилась на поиски. Скат рассказал про больного медведя, но Мария не захотела идти на болото.

– Пусть его... Само по себе, останется так...

– Твоя, Марьюшка, земля, тебе решать, – согласился Скат.

Они еще посидели у костра за чашкой чая. Жизнь продолжалась, их ждала дорога.

Однако Скат передумал.

– Схожу к медведю, посмотрю. Ты же, иди в свою избушку, жди меня там.

* * *

Скат закольцевал островок – выходного следа не было. Значит, там, внутри. Зашел против ветра, тихонько приблизился. Вчерашний снегопад захоронил все, остался лишь продолговатый холмик – чистый и белый, как все вокруг. Скат подошел вплотную, ткнул в след носком лыжи – снег осыпался, выветив бурую свалявшуюся шерсть.

– Грру! Грру! – уже где-то гаркал ворон.

Скат уходил понуро, механически переставляя ноги. На душе было пусто – ни грусти, ни радости.

Сердобольная Мария явно перестаралась, собирая Ската в дорогу. Он не спеша перебрал все приготовления, отобрал лишь мешочек с сушеным мясом и банку с сохатыным смальцем.

Девушка было обиделась, но после того, как Скат достал из бокового кармана рюкзака охотничий нож и протянул ей – Мария вся вспыхнула, бросилась с объятьями, Скат едва сдержал ее порыв.

– Дядя Федя, господи, да это же такой подарок... Нету цены ему... Спасибо... Спасибо, – бормотала смущенная девушка то вынимая нож из чехла, то заталкивая его обратно.

Нож у Ската был действительно, что надо! Обушок лезвия толстый, фаска выведена под бритву, кончик – не курносый, а с завалом, чтобы зверя свежевать чисто; ручка из набранной бересты удлиненная, с отгибом к низу. Это был нож для профессионала.

* * *

За ночь выпавший обильный снег упокоил окрест в белый саван.

– Боже мой, ну как в такую опадину кого-то найти можно? – говорила Мария, возвращаясь поутру со двора.

Не успел Скат забросить рюкзак за спину, как Мария быстро напялила на себя походную кухлянку и ухватилась за лыжи.

– Ты куда? – удивился Скат.

– Проводить можно? – засмуцалась девушка.

– Зачем?... Не надо! – отрезал Скат и добавил: – Долгие провода... сама знаешь... лишние слезы!

На прощание он заглянул в конуру Мазая, сказал:

– Хороший пес... Очень хороший!..

И ушел, не оглядываясь...

Они больше никогда не встречались.

* * *

Скату – не до сантиментов. Он мысленно разбил весь путь на этапы, и сегодня был первый день, от результатов которого зависело многое.

Марья – девка смышленная – настолько верно обрисовала дорогу до косинцевского пожарища, что Скату ни разу не доставал компас.

К исходу дня он достиг печального места, на что указывали оставшиеся ворота и столбы от ограды... И все. Ровно – как стол.

За погорельцами омельевшая река вовсе распалась на несколько ручьев и ручейков, как усики у кота, и там заканчивалась Ойкумена, Страна Госпромхозия. А далее начинался необозримый простор, испещренный замерзшими блюдцами многочисленных озер, реками и островками чахлого сосняка – водораздел, за которым где-то, в только им известных угодьях, жили любители природы – охотники-энтузиасты, пришедшие с юга, с асфальтовой дороги.

Скату знал, назад пути не будет. Зимник ханул до следующего года. Если идти прямо на юг, то можно за шесть-семь переходов попасть на автодорогу.

А теперь пора было подыскивать место для ночлега. Но только не здесь. Спустился к руслу ручья, запетлял по нему.

– С километр от Косинцевых ручей сплошь чащей забит будет, – говорила Марья.

Именно туда сейчас так и стремился охотник, чтобы подтвердить свою версию. Ему даже не пришлось лазить по убродному снегу, отыскивая Илюшину пристань. Но вместо одного обласка он обнаружил два! Засыпанные снегом брошенные лодки лежали вполберега. И понятно, что высокой внешней водой их сбросит вниз по течению, как никому не нужную рухлядь.

Он долго продирался, выпутываясь из прибрежной чадеры, и на кромке болота оказался уже при закатившемся солнце, окончательно выбившийся из сил. Плитка шоколада чуть подняла настроение и придала сил. Но времени для подбора, необходимого для стоянки, уже не осталось. Насколько хватало обзора – голые, без сучьев, стволы сосен, темные в сгущающемся сумраке.

Возвращаться назад, в припойменный кустарник, не имело смысла.

Скату пошарил во внутренних карманах куртки: налобный фонарик на месте; надо, край-конец успеть найти сушинки или хотя бы хороший пень-останец.

Впереди светлее болотный простор – там искать нечего, оставалось только вправо-влево. Скату пошел вправо, на закат и не пожалел: он выкатил на сухостойный отвершек и успокоился.

* * *

Ночью всхолодало, да так, что вокруг потрескивали деревья, и мерз неприкрытый нос. Не выползая из спальника Скату поправлял чадящую надью и постоянно подбрасывал обгоревшие головни. Но костер грел плохо: сосна – топливо не из лучших.

Когда окончательно рассвело, охотник увидел неподалеку несколько кедровых сухостойн и берестяные останцы-обломыши от давно сгнивших берез.

– Это – то, что надо, пусть поздновато, но в кайф.

Он сделал большой огонь, запарил гречневую кашу, заварил копорку.

Отдохнувши за ночь, Скату вернулся к размышлениям. Ибо утро вечера мудренее. Скату решил изменить свой план. Очевидно, что осенью человек через водораздел не пройдет и обойти его не сможет. Значит, останется

здесь до морозов и будет промышлять рядом по закрайкам – тем паче, ничто ему не помеха.

Во второй половине дня Скот обнаружил балаганный навес, вешала, на тычке – консервная банка – котлик. Раскопал снег, под ним – слежавшийся пласт углей. А неподалеку и невостребованную добычу безружейного охотника – болтающуюся на жердочке в проволочной петельке белку.

Довольный результатами разведки, он вернулся на старый бивак. Время – хоть отбавляй, не спеша и обстоятельно приготовился к ночевке. Все складывалось как нельзя лучше. Оставалось найти где-то, по ту сторону великого водораздела, урочище Сквозняка – и можно уходить на пенсию.

За вечерней трапезой Скот не преминул приложиться к заветной фляге.

Под утро поменялся ветер, пошел снег. Матерясь и чертыхаясь, Скот переложил лежанку, кое-как натянул тент, но сон пропал. Он ворочался с боку на бок, пока конструкция лежанки, состоящая из жердочек, не развалилась.

Охотник с ругательствами выбрался из прокопченного спального мешка. Судьбе было угодно, чтобы этот день начинался для него не только рано, но и крайне неудачно. Подгребая в костер ногой головню, он вдруг почувствовал сильную боль в коленной чашечке. Это могло быть и растяжение, и артроз, и еще черт его знает что. Теперь Скот двигался медленно, сберегая ногу, но боль не проходила.

Прихрамывая, он вышел на край Великого Болота. Оно действительно было настолько велико, что там, впереди, снеговое раздолье рушилось в неизвестность до самого горизонта. И Скот шагнул в непривычный океан безлесья.

Невыносимо слепило солнце – отражение от недавно выпавшего снега, словно вспышки электросварки. Чтобы не нахвататься «зайчиков», он надел темные очки, и мир померк до монохрома.

Охотник сразу же стал забирать правее, чтобы потом, перевалив болото, повернуть на восток и отсечь вершинки ручьев и речек – тем самым расширить поиск.

За спиной – поверхностный след, впереди – едва виднеющиеся вдаль, на горизонте, – зубчики леса.

Скот попытался усилить темп, перейдя на широкий, с проскользком шаг, однако загнездившаяся боль в ноге заставила его не только замедлиться, но и изменить маршрут. Теперь он взял направление строго на юг, пытаясь максимально спрямить свой путь. Видимые ранее признаки высокого леса на самом деле оказались заурядными лесными островками; и дороги не было конца. В Скота вселялось беспокойство. Его все больше тревожило вышедшее из строя колено. Сомнительно, что оно перестанет болеть само по себе, скорее перегрузки доконают его окончательно.

– Как бы количество пропавших не возросло, – мрачно пошутил он.

Лишь во второй половине дня охотник облегченно вздохнул – вдаль прорисовались насупившиеся округлости лесных стен, и вновь он попытался ускорить темп. Должно быть, со стороны это выглядело комично: подволакивая большую ногу, он то низко приседал, то дергался вверх, взмахивая обеими руками, как раненая птица.

Скот уже присмотрел ближайший выступ леса, но надерганная за день нога отказывалась работать, и он вынужден был идти совсем медленно.

– Нет, врешь, – ни к кому не обращаясь, сказал он. – Вот если бы вторая нога отвалилась да еще спину бы пересекло – вот тогда можно было бы и

успокоиться, – бормотал тем не менее приободрившийся Скат, теперь уже твердо убежденный в том, что до леса он дотянет.

Слева на значительном удалении он заметил нечто странное: взъерошенную громаду лесного массива.

– Что это? Уж не там ли устроил свой промысел господин Сквозняк?

Но и то, куда он, наконец, доковылял уже при луне, представляло собой небольшое по площади изуродованное неимоверной силой лесное побоище: сплошная ломь, завалы и выворотни, напоминающие обгоревшие орудия и танки.

– Да тут дро-о-в! – радовался Скат. – Какой подарок! И теперь дневки, дневки и дневки, – блаженно улыбаясь, твердил он, сразу же принимаясь за устройство бивака.

Ближе к полуночи, уже засыпая, он удовлетворенно думал: «Человеку не дано знать, как велик и слаб он в силах своих, пока не придет испытание и не попробует его на зуб».

На следующий день, пытаясь не обращать внимания на травмированную ногу, Скат продолжил благоустройство бивака. Он любил и умел работать с деревом, и, хотя путевой топор с длинной канадской рукоятью не совсем подходил для плотницкого дела, он умело протесал несколько бревен – получился длинный и узкий стол. Потом соорудил удобную со спинкой скамью, просторное ложе, скрепив его шпонкой в ласточкин хвост, а в сторонке – накат для вещей. Выбирая и распиливая на куски нужные бревна, он постепенно углубился в завал, превратив его в дровяной грот, укутанный толстым слоем снега. Он так увлекся строительством невиданного доселе бивака, что после того, как закончил укладку бревнышек на пол, вдруг обнаружил, что мартовский день как бы велик ни был – на исходе.

Пришло время для медосмотра. Скат тщательно прощупал колено, несколько раз согнул-разогнул. Никакой опухоли – значит, растяжение можно исключить. Если щадяще двигаться и терпеть, идти можно долго. А пока дня два-три для отдыха.

Но прошло отпущенное время, а боль настолько усилилась, что не давала спать. Пришлось достать шприцы. Он стойчески относился к физической боли, и обычные уколы в мышцы бедра его не смущали. И только на пятый день после инъекций он почувствовал значительное улучшение.

Однако появилась другая проблема: продукты таяли, и не было никакой возможности их пополнить. Он вытряс весь припас из отощавшего рюкзака, разложил на столе. Не густо. Диетчикам хватило бы на десяток дней, а ему едва ли дня на три. На завтра надо уходить. Но ему все не давала покоя идея осмотреть странный лесной массив в двух километрах на восток. На картах он смотрелся округлым островом и выглядел как обычное лесное образование на низменности, где на дренированном или высоком участке почвы торжествовала таежная флора. К тому же его томила вынужденная остановка, по сути – плен; начало угнетать и прокопченное до черноты дровяное убежище.

Прихватив самое необходимое, налегке он, наконец, вышел на простор – на безлюдные улицы и проспекты, где волен был выбрать любое направление.

Медленно, медленно темно-серой тучей надвигался на охотника желанный массив. И прежде чем опуститься в пойму ветляжного ручья, Скат с бугорочка, в бинокляр, приблизил к себе цель и поразился: дикая и чудовищная сила урагана переломала, расщепила и переплела вековые деревья,

уложив на землю, как погибшую в неравной битве рать. И что не полегло то тут, то там черные, изуродованные обломыши скорбно тянулись к небу.

– Боже мой, – воскликнул Скат, впервые наблюдая столь разрушительную картину – последствия природного катаклизма.

Под впечатлением увиденного, он быстро спустился в пойму. Осталось пересечь кустарниковый прожилок. Остановился лишь у необычных кедров – низкорослых, кудлатых, с толстыми стволами, напоминающих грибы-боровички. Живые ветви начинались с полутора-двух метров от земли. Такое чудо ни зверь, ни человек не обойдет. Он дружески похлопал по стволу кедра и тут же увидел на сучке нерастороженную проволочную петельку.

– Сквозняк! Его работа.

Уже в который раз пути их смыкались. И, возможно, там, впереди, его наконец-то ждала разгадка.

Скат устремился в чащобу, в узкий просвет, означавший звериную тропу, но грудь его вдруг уперлась во что-то тугоподдатливое.

– Хакк-к! – выдохнуло слева.

Тупой удар в бок, треск рвущейся материи, и Скат, как подрубленный, падает лицом в снег. И только потом жгучая как кипятки боль в спине.

Он лежит неподвижно, пытаясь осознать произошедшее. Его бросает в жар. Горячий снег струится по шее, стекая к дергающемуся кадыку, и тошнотворный ком перекрывает горло. Он понимает, что необходимо встать и отстегнуть лыжи. Но руки повинуются с трудом.

Извиваясь как дождевой червяк, он отползает от опасного места, приподнимается на колени. Обернувшись, через плечо, наконец, видит торчащий из спины наконечник стрелы.

– Ладно, – сказал, сплевывая густую слюну. – Что же... меня это... как насекомое булавкой?

Съежился, ухватил рукой за древко, покачал. Спина мгновенно отозвалась болью.

«Крепкая, не сломать. Если только выдернуть, а то ведь и рюкзак не снять».

Морщась, быстро протянул огненное, раскаленное добела древко. Потом стянул с плеч рюкзак, лег на снег. Мартовское небо – бездонное и равнодушное, прозрачное как бирюзовое стекло – кружилось в глазах.

Его подташнивало. Он протер снегом руки от крови, скатал белый шарик – отправил в рот. Ему показалось, что он не то потерял сознание, не то задремал. На небосводе появилось легкое, как перышко, облачко со стороны табора. Оно, подсвеченное солнцем, вспыхивало маячком, призывая к себе.

Он осмотрел лежащую поперек его груди метровую стрелу: древко гладко острогано, наконечник из капканной пружины, обработан грубо, заусенками. Воткнув стрелу в снег, подтянул к себе рюкзак. Стрела, предназначенная для сохатого, легко пробила брезентовый рюкзак, прошла его внутренности – котелок из нержавеющей стали, свитер – и вышла с обратной стороны, зацепив лопатку. Незамаскированный лук с приспущенной тетивой Скат заметил, поднимаясь – сначала на четвереньки, потом в полный рост. Натянутая поперек тропы симка со временем провисла, что, по сути, и спасло охотника. Он скрипнул зубами, огляделся по сторонам – нет ему здесь помощника, чтобы рану перевязать.

Волоча за собой рюкзак, согнувшись в дугу, он потянулся к табору, изредка поглядывая на трепетавшее облачко. Кровь теплой струйкой стекала по спине, пояснице, спускалась по бедру, скапливаясь в кожаном бродежке.

Превозмогая боль, скукожившись, он развел большой огонь, разделся до пояса, наклонившись, плеснул из фляги на спину, и лег на спальник. На то место, где обозначилось кровавое пятно, положил большую марлевую салфетку, пропитанную йодом, пластырные ленты и длинные бинты крест-накрест. Прицелился и прилег на спальник.

– Ага! Припечаталось! – воскликнул победно.

Поймал концы бинтов, связал на груди – получилось как пулеметные ленты у революционного матроса.

Его знобило, и он долго не мог согреться в спальном мешке. Наконец он успокоился и, свернувшись калачиком, впал в забытие.

Скат проснулся ночью, ни звезд, ни луны – и долго всматривался в темень, выпростав голову из спальника. Губы горели так, будто он съел миску чилийского перца. Из оплавленной костром стенки он выскреб горстку ноздреватого снега, приложил к губам.

Острая боль в лопатке утихла, омертвело разлившись от шеи до поясницы. Все тело утратило чувствительность, наполнившись свинцовой тяжестью. Уставившись ничего не видящими глазами в темень, он лежал долго и тихо, словно став частью лесного ветровала, выжженного до земли кострища, остывшей, подернутой пеплом золой. Вдруг что-то затрепетало, мягко, но настойчиво зашлепало сверху. Он высунул из горячего нутра спальника бесчувственную руку, растопырил пальцы.

– А-а, – хотел сказать. – Это снег, снег... Все будет белым... белым. Ведь это снег... Он спасет меня... Он укроет меня, и все будет белым, белым.

В сознании его вдруг всплывали: то борозда звериного следа – глубокая, до земли, со взбитыми и разбрызганными отвалами комковатого снега, то разутюженный зимник с высокими грязно-бурыми бордюрами из снега, травы и древесный ветоши, то узкие и кривые улицы, наезженные лошаадьми.

– Гулять, мама, гулять! – настырничал Федя, и мать, несмотря на метель, собирала гулевана в дорогу: застегивала штанишки – две ляпочки крест-накрест, еще давала ему маленькую палочку – посох. Выйдя на уличный простор, Федя захлебывался от восторга и ветра и, постукивая посошком, шустро семеня по конной, усыпанной коричневыми катюхами дороге куда глаза глядят... А дорога приводила его в конюховку, где пахло дегтем, сыромятью и табачной махрой. При свете фонаря косматый мужик, выпучив глаза, словно леший, пробивал бородком юфть и потом сшивал ее просмоленной дратвой, непрерывно дымя прилипшей к губе самокруткой.

Он усаживал Федю на широкую, заваленную упряжью скамью и высыпал перед ним целую горсть бронзовых бляшек, позволяя унести с собой.

Потом Федя забредал в столярку, там вкусно пахло смоляной стружкой, и он наталкивал золотые спиральки, сколько мог, в карманы своей изодранной шубейки. Еще уходил на скотный двор, огороженный жердями, и долго ходил кругами, забыв о доме. Ему хотелось сойти с проторенной дороги куда-нибудь вбок – к старой заброшенной церквушке или на берег поросшей ивняком речке. Но туда свернуть не получалось. Федя, увязая по пояс в снегу, злился и плакал от бессилия. Набитые снегом рукавицы и валенки охлаждали его пыл, и оттого хотел писать, но никак не мог растянуть лямки. Приходилось мочиться в штаны, и только первое мгновение было благоговейно и тепло, но скоро мокрая одежда дубела от мороза, не сделаешь и шага.

Федя стыдился и плакал, когда мать раздевала его, невуче приговаривая:

– Ну, вот, Феденька, и нагулялся ты, слава Богу! Теперь ждать надобно, когда штанишки твои высохнут, а пока забирайся-ка ты на полати.

На полатях было просторно и тепло. Федя заворачивался в старое пальто и ждал, пока не высохнут его штаны, томясь от несвободы. Мягко подкрадывался к нему ожиревший кот Гришка, Федя брал его к себе, под пальто, и они быстро засыпали, пригревшись.

В приглушенном сознании Ската вспыхивали и пропадали забытые лица, голоса, бесконечные дороги, стук паровозных колес, рваные видения из прошлой жизни. И вновь он оказывался на бесконечном, разбитом до земли зимнике, с высоченной обортовкой из грязно-бурого снега – не объехать, не обойти, не свернуть.

Он задыхался от навалившейся на него тяжести и силился что-то сказать, но рот свело судорогой, перехватило горло, ему стало невероятно жарко, бесконечным мотивом звучали в голове бубенцы, он уплывал в другой, неведомый ему мир, легкий и беспробудный.

– Встань! – послышалось ему.

Он очнулся. Что-то тяжелое продолжало давить на грудь.

– Господи, да что ж на меня так давит? Не бревно ли привалилось!

Скат окончательно пришел в себя и сразу понял – снег. Большой снег обрушил верховой тент и притиснул его к лежанке.

– Ладно, пусть! – согласился Скат. – Зато тепло.

Тепло – ценность, которая стоит жизни. Сколько раз, подгоняемый сумерками, он старался подыскать нужное место, где было бы достаточно дров для обогрева. Ему хватило единственного случая, чтобы извлечь истину. Он запомнил ту ночь до каждой минуты: костер угасал, догорало последнее, а лютая морозная ночь равнодушно постреливала невидимыми фейерверками. Тогда его спасло не тепло костра, а необходимость двигаться безостановочно: рискуя потерять место стоянки, он лихорадочно переходил, барахтаясь в глубоких снегах от дерева к дереву, обламывая сучья. Ночь была бесконечна, он терял уже последние силы, когда, наконец, забрезжили спасительные сумерки.

В памяти тягуче роились перипетии таежной жизни, которые никогда нельзя предусмотреть заранее, предвидеть может только Господь Бог, но тайга не том место, где он вмешивается в естественный ход событий.

Он лег на бесчувственную спину, нашел удобное положение для ног, сложил руки на груди, расслабился до зевоты, растянул рот в улыбке.

Яркая вспышка, осветившая всю землю, перешла в мягкую обволакивающую тьму. Все оказалось просто и легко: он не испытывал ни страха, ни жалости. Он прожил свою меру – достойно, по-человечески.

Скат слышал сладко упоенную музыку: от хрустально-мелодичного звона капли до рвущего мотив скрежетания железа по стеклу и, наконец, до вибрирующего:

– Т-т-тэ-э-э-ккка! Т-т-э-э-э-кка!..

Что-то уходило, улетало, пело разноголосно, отдаваясь стонущим эхом, и вдруг все разом стихло. Что это было? Он насторожился, прислушиваясь неожиданно обретая пронзительную ясность сознания.

И вдруг ударило барабанной дробью:

– Тррр-тэк! Трр – тэк! Чишш-тэк! Чишш-тэк!..

И смолкло.

«Господи, Господи! Где же ты, где?!» – шептал охотник, тихонько выползая из спального мешка, жадно вглядываясь в зарождающийся утренний сумерек. Грузно сдвинулся пласт снега, скатываясь в кострище: «Ах-х-х!».

– Тэчка! Тэчка! – ударило совсем рядом.

Он увидел его: четко очерченно на фоне серого неба на самой вершинке сухостойного дерева темнел силуэт глухаря.

«Не улетай, только не улетай», – твердил охотник, не отводя глаз от реликтовой птицы.

Он успел заметить, как глухарь, не успев расправить крылья, кувырнулся вниз, а в ушах еще долго-долго торжествующе звенело от оглушительного выстрела, содрогнувшего безлюдную глушь.

Мгновенно выбравшись из мешка, сунув ноги в бокаришки, он легкой тенью слетал за желанным трофеем, подаренным ему провидением. Да, это – правда: никогда и ничто не попадало у Ската от добычи. Но в этот раз это была безмерно особая, главная в его жизни добыча. Он обнял птицу, глубоко в перья затолкал пальцы, бормоча слова благодарности и прощения.

Продолжительный отдых и мясной бульон сделали свое дело. Оставалось долечить ногу. Последний укол. Шприц и пустая ампула летят в кострище. Сборы окончены. «Уходя – оглянись». Нет, ничего не забыто.

Скат пятясь вышел из убежища. Снежный навес почернел, местами зияли оплавленные теплом дыры. Весело, как рекламные чипсы, захрустел под лыжами чарымчик. «Хропотно», – как говорят местные. Но теперь только ночные морозы станут спутниками охотника днем, с повышением температуры снего-молочный кисель станет ловушкой для ног.

Неподалеку два перышка гоняло ветром по снегу, будто крохотные мышки суетливо гонялись друг за другом.

Как бы ни хотелось Скату обойти коварное место, но там у него были дела. Солнцезащитные очки целыми и невредимыми он нашел сразу. Прихватил с собой и злополучную стрелу.

Поверженный и искореженный массив после опавшей кухты вблизи смотрелся еще более впечатляюще.

Огибая «лесное кладбище» с южной стороны, Скат в косопадающем свете солнца сразу увидел следовую трассу. Старый лыжный след змейкой выбегал из массива.

Охотник пошел в пяту, через завалы. Скоро началась узкая, но торная тропка. Все преграждающие деревья были старательно распилены, чурки расбросаны по сторонам. Скрывище из неошкуренной березы, невидимое в завалах, открылось внезапно. Лазилово – маленькая квадратная дверь – настезь.

Скат заглянул внутрь: слева прокопченный чувал и голые из жердей нары, примитивный, из колотья стол и чурка вместо стула, на стенах – мотки проволоки, недоделанный черкан. Войти он не стал. Через колено переломил древко стрелы и бросил в нутро.

– Вот и все. Свободен, – тихо, чтобы никто не слышал, прошептал он.

Обошел непрезентабельное жилище. В три стороны разбегались от него рукотворные тропки-паутинки.

Скат выбрался на свет. Какое-то время шел, принимая лыжницу материализовавшегося призрака, но потом резко свернул в сторону и потянул на юг свою тропу, с каждым шагом отдаляясь от чужого следа.

САМАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА

Федор отбросил крючок, толкнул дверь наружу.

В сени хлынул студеный, с паром воздух.

Теплая, затянувшаяся не по времени зима, похоже, кончилась.

Он прошелся, осторожно шлепая валенками, по чисто выметенному с вечера двору до калитки.

Восток багровел натужно и ядрено и на глазах застлал киноварью высокое небо; за околицей расплзшиеся по полям тальники щедро распушились инеем, и казалось, еле видимый крест над церковью – там, на высокой горе, ослепительно сиял яростно надраенным серебром.

Одетый легко, Федор начал уже подмерзать, пока, наконец, не увидел то, зачем вышел к калитке: в далеком начале улицы, проредевшей от разобранных домов, замаячила одинокая фигура.

Тихонько вернуться в дом не получилось – у двери Федор нечаянно задел ногой сегодня уже не нужные, составленные одно в одно пустые ведра для пойла – они забрякали, опрокинувшись, и в тот же миг из стайки слышалось утробное мычание коровы.

«Дочка, Дочка», – хотел было сказать Федор, но осекся.

Не успел он освободиться от накинутой на плечи телогрейки, как опять загрохотали пустые ведра, в сенях захлопало, затопало, и в дом втиснулся человек, гаркнув с порога:

– Привет-здорово, соседка! С праздником!

– Здорово, коль не шутишь. Праздник-то в ночь будет, – холодно ответствовал Федор. – Какой ты мне сосед – живешь в концах, отсюда не видать!

– Да у нас сейчас тут одни концы и остались – все мы соседи поголовно. Наливай уж, праздник на дворе.

– Да как вам с утра эта водка не поперек горла, – ворчал Федор, покорно доставая из крашеного кухонного шкафа начатую бутылку.

– Ты че? Где поранился? – поинтересовался сосед, видя подвязанную платком руку.

– Да вот поутру заступил на табурет – хотел на божнице пыль-от протереть, да сверзило на пол – плечом об пол и ударился.

– Э-э-э, нагрешил, стал быть: в церкву не ходишь, грехи не замаливаешь.

– Это-т тебе к церкви близко, ты и ходи.

– До церкви близко, да ходить склизко. А где водку дают, хоть и далеко-конько, да хожу туда потихоньку, – заерничал дальний сосед.

– Ладно, хватит басни рассказывать. Сходи напротив к Петрухе, бери его в помощь, я вам с одной рукой не подмога, – резко распорядился Федор. – Хватит к бутылке прилабуниваться, потом уж выпьете.

Однако скоро не получилось, отчего-то задержались.

Помянули ранешнюю жизнь, как работали на полях: сено ставили изначально на колхоз, а уж потом – каждый себе. Для колхозников покосы отводились в неудобьях – в тальниках да кочкарниках; в зиму промышляли – и рыбачили, и охотились до семи потов – трудодни зарабатывали, да так богатства и не скопили.

– Ружье да весло – хрен не ремесло, – похохатывал, раскрасневшись, сосед.

– Кто охотится и удит – у того никогда sprawy не будет, – в тон ему отвечал Федор. – Однако и я рюмку с тобой выпью – саднит плечо что-то!

Еще поговорили о том, что река сильно безобразит – берег ломает ежегодно – не один дом уж унесло. И что в деревне одно старье осталось – пен-

сионеры, и что за последние годы ни одного дома не прибавилось. И что теперь всего четыре коровы останется от стада в семьдесят голов, и что нынче корову держать никакого интереса: детишек малых нет, для себя – потреба небольшая, излишки ото дня в день копят и в пойло той же корове уходят. И получается – дело bestолковое, себе в обузу.

– Ладно, иди уж за Петрухой, – уже во второй раз строго распорядился Федор. – Да не мешкайте же.

В стайке дверь невысокая, Федор знал это, но как ни пригибался, все равно зацепился за притолоку шапкой, и, сорвавшись с головы, она упала на пол где-то там, за спиной. От Дочки привычно пахло теплом и навозным духом, она тяжело подалась на хозяина и доверчиво ткнулась влажным носом в его грудь. Федор быстро, одной рукой набросил веревочную петлю на рога и вывел животину во двор.

В удалении, на меже, воздев сухие руки к небу, одиноко торчала старая ветла. Дочка покорно брела следом и, лишь когда Федор оставил ее привязанной к дереву, коротко промывчала.

Да, сосед-то, право, расторопа еще тот, не отнимешь! Не успел Федор и шага ступить, как огородная калитка распахнулась: впереди, широко, по-цыгански, разбрасывая ноги, шествовал Петруха – с непокрытой головой, густые всклокоченные волосы вместо шапки, на плече топор. Мужик простой, незатейливый, еще не на пенсии, но давно неработающий, промышляющий абы чем. Разинув рот, он хрипло, на одной ноте монотонно блажил:

– А-а-а-а-а...

За ним – сосед, обремененный широкой плахой, которую, облапив, держал подмышкой, в другой руке большая ванна для дела.

– Чего разбазлался? Дурак что ли? – разозлился на Петруху Федор. – Я в кладовке стол клеенкой накрою, – больше для соседа сказал на ходу Федор. – Вы это, сено из скирды-то возьмите на подстилку, чтоб не грязнить!

Едва Федор вернулся в дом, засуетило, залихорадило. Сначала он выполнил обещанное: застелил длинный стол в кладовке целлофаном, затем убрал в дальний угол ведра, еще пахнущие вареной картошкой и хлебом, вновь полез к божнице, снял иконки, протер их от пыли. Чертыхаясь, свалил с посудного шкафа статуэтку с пограничником и собакой, и та разлетелась на куски; снес и последнюю фотографию, где они вместе с супругой. От удара от рамки отломилась ножка, и он долго приделывал ее, сопя и беззвучно шевеля губами – не то ругаясь, не то вспоминая сокровенное; долго шуровал в русской печи ухватами, гремя чугунами, наконец, затопил буржуйку, прислоненную к камину, и только тогда услышал торопливо-тяжелые шаги в сенях: хлопала входная дверь, что-то глухо с причмоком шлепалось, слышались возбужденные голоса.

Федор выходить не стал. Залил в рукомойник теплой воды, повесил полотенце и быстро наставил на обеденный стол в горнице угощение.

Утомленные работой гости ели много, громко чавкая с откровенно беззастенчивым отрыгом, пропуская одну рюмку за другой. Опять пошли разговоры всякие, сбивчивые, про жизнь теперешнюю и старую. Раскрасневшийся Федор, освободив руку от подвязки, в долгие разговоры не вступал, слушал как-то отрешенно и лишь кивал белой с поредевшими волосами головой. Наконец-то работники угомонились, вспомнив, что их ждут еще в двух местах.

Когда гости ушли, каждый прихватив по мешку с магарычом, Федор прибрал со стола.

Плечо еще саднило, он выпил вдогонку рюмку водки, оделся, прихватил посошок и, не заходя в кладовую, вышел во двор.

Азартно стрекотали сороки, привлеченные убойным местом, завидя поживу. Еще остерегаясь, некоторые прыгали на пряслах, другие же прятались на вершине копны, любопытно высовываясь.

– Ах, рази вас! – досадливо гаркнул Федор, бросая в огородец увесистую сосульку, в сторону ветлы, где на вытоптанном грязном снегу бугрилась распластанная коровья шкура.

Пугливые сороки разлетелись, будто их бурей разметало, и, рассевшись в удалении, растарабанились еще больше.

До реки – недалече, рукой подать. Дорога многохоженная, известная до мелкой мелочи. И Федор отшагал ее быстро, словно не заметил. Под крутым берегом – его причал: алюминиевая шлюпка и деревяшка-переметка.

– Ну, – сказал он, торжествующе оглядываясь вокруг, – теперь река – мой дом.

Вечерело.

Низкое солнце золотило редкие облака, окрашивая небо над крутояром в пурпурные оттенки. Река в этом месте, набегая с востока, вильнула змеиным хвостом, образуя высокий мыс, и унеслась на север.

– Вот и дня прибавилось, – радостно сказал Федор, уперся сучковатой палкой в снег, навалился грудью.

Уже узкой полоской темнела на белоснежье реки полынья, клубился над ней пар, словно дым пожарища.

– Ага, мороз открытую воду не жалуется: быстро затягивает – умиряет, значит, – сказал о полынье с облегчением, как о живой ране, и подумал: «Небо-то не замаранное, эх его прояснило! И звезды, как горох, повысыпались. Говорят, что будто бы звезд столько же, сколько и людей на миру, а этой ночью взойдет звезда особая, всех ярче... Правда ли?..».

Елена ШАМОВА

МАМА

...Моя мать была эффектной, вызывающе-красивой женщиной. Когда она приходила, я кидался к ней с притворно-радостным: «Мама!!!» Изображал я радость исключительно для друзей. Пусть, мол, завидуют: у меня есть мама, а у них – нет. Я кидался к маме, прижимался к ее груди, она гладила меня по волосам. От мехового воротника ее пальто всегда пахло дорогими по тем временам сигаретами и сладковато-терпкими, одними и теми же, духами. Ее пристрастие к меху было очевидным. Зимой она носила изящные шубки, весной и осенью – пушистые воротники, и даже летом в прохладную погоду надевала легкую меховую накидку.

На самом деле приходы этой женщины не доставляли мне никакой радости. Хотя бы потому, что она отвлекала меня от игр со сверстниками. Меня утомляли неизменно долгие и нудные прогулки с ней по двору, ее одни и те же банальные вопросы: «Хорошо ли тебя кормят?», «Хорошо ли ты учишься?» и так далее. На вопросы я отвечал так же банально – «хорошо». Когда поток вопросов иссякал, мы еще какое-то время бродили молча, и мама уходила, едва коснувшись моей щеки холодными губами.

Она приносила апельсины. В детдоме нам редко давали фрукты, и то в основном яблоки, поэтому подачки этой женщины меня радовали. Я честно делил такие гостинцы между остальными ребятами, стараясь не обидеть никого. В детдоме меня любили. Дети – за доброту и дружелюбие. Воспитатели – за не по годам развитый ум и честность. Все эти годы они были моей семьёй. А вовсе не приходившая изредка женщина.

Где она жила, чем занималась, никто не знал. Зачем приходила – тоже. Наши воспитатели только возмущенно пожимали плечами, но запретить моей матери видеться со мной они не могли. Тем не менее она, по-видимому, не собиралась забирать меня из детского дома. Её звали Любовь Орлова, да, именно так, как знаменитую когда-то актрису. Может быть, она и врала, я не знаю. Воспитатели поговаривали, что она вроде бы тоже актриса, играет в нашем маленьком городском театре. Судачили также, что живёт она в основном за счёт богатых поклонников.

Как я говорил, её посещения не доставляли мне особой радости, но вошли в привычку, стали ритуалом, традицией. И когда она больше не пришла, я стал ждать. Я не подавал виду, но без неё мне чего-то не хватало. Вечерами я часами сидел в комнате у окна и представлял, как бы мы жили, если бы она забрала меня отсюда.

- Не грусти, – сказал однажды Стёпка, мальчик из младшей группы.
- Я и не грущу. С чего ты взял? – напустил я на себя равнодушный вид.
- Мы все видим, что ты ждёшь маму.
- Мне не хватает апельсинов, – попытался я пошутить.

Стёпка помялся, подбирая слова, а потом сказал:

- Теперь ты такой же, как мы. Тебя тоже бросила мама.

– Нет, – вздохнул я. – Не такой же. В отличие от вас, меня мама бросила дважды.

* * *

И вот теперь, спустя много лет, сидя за столом в маленькой благотворительной столовой, я пристально изучал взглядом старуху, которая сидела

вдалеке от всех, медленно поднося ко рту ложку с гречневой кашей. Было что-то в ней давно забытое, но теперь вдруг всплывшее в сознании. Я пытался вспомнить, где мог видеть старуху, но не мог.

Вошла директор столовой, маленькая миловидная женщина, доброте и широте души которой стоило бы поучиться нашим городским чиновникам.

– Пойдёмте, Василий Петрович, – сказала она мне.

Мы вошли в служебное помещение.

– Вот продукты, – показал я рукой на ящики с крупами, консервами и овощами, которые разгружали рабочие. – А деньги на ремонт я переведу вам в пятницу. Реквизиты прежние?

– Да, – кивнула директор, и лицо её озарилось милой улыбкой, обнажая уютные ямочки на щеках. – Вы наш лучший благотворитель. Побольше бы таких людей, как вы.

– Не стоит благодарности, – улыбнулся я в ответ. – Вы же знаете, я сам через многое прошёл.

Попрощавшись с доброй женщиной, я вышел в обеденный зал. Старуха была ещё там, допивая давно остывший чай. Решившись, я остановился возле стола, где она сидела, и спросил:

– Простите... Как вас зовут?

– Меня зовут Любовь Орлова, – знакомым до боли голосом, ни капли не изменившимся, ответила она. – Мы знакомы?

Я вспомнил всё. Я стоял рядом и смотрел на неопрятную старуху, в которой ничего не осталось от той, что была моей матерью. Только глаза, выцветшие голубые её глаза, уже подточенные червячком старческого безумия, сохранили в себе капли прежней красоты.

– Нет, – смог наконец-то сказать я. – Простите, я ошибся.

Я стремительно вышел из столовой и подошёл к своему внедорожнику.

– Теперь домой. Сегодня больше не работаю, – сказал я водителю. – У сына день рождения, я не могу опоздать.

Водитель неторопливо нажал на газ. Мимо мелькал не отличающийся разнообразием городской пейзаж. На заднем сидении побрякивали красивые коробки с подарками сыну. Я знал, что он ждёт меня с нетерпением. И моя жена – тоже. Но когда мы уже почти приехали, я понял, что они могут подождать ещё.

– Разворачивайся. Едем обратно, – сказал я водителю. – У меня есть ещё одно очень важное дело...

ПЯТЬДЕСЯТ РУБЛЕЙ

Новогодняя сказка

Анна шла домой. Ей хотелось плакать от отчаяния. Она с тоской вспоминала то время, когда был жив её муж. Он умер два года назад. При жизни муж обеспечивал Анну и детей всем необходимым. У него была хорошая работа и приличная зарплата. Анна же никогда не работала и ничего не умела делать. Нет, она, конечно, была женщиной образованной и в совершенстве владела французским. Но в городе царила безработица, и после смерти мужа ей так и не удалось найти работу. Крошечного пособия по безработице и пособий на детей едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Анне пришлось продать квартиру в центре города и всю обстановку. Они с детьми давно уже переехали в маленькую двухкомнатную съёмную квартирку в старом доме.

Сегодня Анна опять не смогла найти работу. Ей было стыдно перед детьми. Что она скажет им, когда войдёт в дом, и пять пар блестящих глаз в молчаливом вопросе уставятся на неё? Что у них осталось всего пятьдесят рублей? А завтра тридцать первое декабря. Единственное, что они смогут себе позволить, это сладкий пирог. Анна помнила, что дома остались яйца, немного муки и полбанки яблочного варенья.

В городе царила предпраздничная суета. Радостные люди устанавливали ёлки и бегали по магазинам, заканчивая последние приготовления к встрече Нового года.

Слёзы медленно потекли по щекам Анны. Она снова и снова на ощупь пересчитывала деньги в кармане. Четыре бумажки по десять рублей и две монеты по пять. Пятьдесят рублей. А у неё было пятеро детей. И все они хотели есть.

Внезапно Анна услышала рядом тоненький голосок:

– Тётенька!

Она обернулась и увидела маленькую побирушку с личиком ангела и белокурыми волосиками.

– Тётенька, дайте мне немного денег!

Вдруг Анна представила свою младшую дочку. Что, если ей тоже придётся побираться? «Нет, я этого не позволю! Никогда!» – решительно подумала она и заметила, что девочка всё ещё стоит рядом. Анна достала пятьдесят рублей из кармана и протянула побирушке.

– Возьми, малышка. У меня больше нет.

Девочка счастливо улыбнулась. Анне даже показалось, что над головой у неё вспыхнул нимб.

– Спасибо! – крикнула девочка и куда-то побежала.

На мгновение Анне стало жаль денег, но она утешила себя тем, что её детей они всё равно бы не спасли. Она обернулась и увидела, что маленькая нищенка о чём-то оживлённо говорит с человеком в костюме Деда Мороза. Анна пожала плечами и поплелась домой.

... – Мама! А Дедушка Мороз принесёт нам подарки? – спросила вечером Анну младшенькая, четырёхлетняя Даша, сидя у матери на коленях.

– Не знаю, милая, – на самом деле Анна всё прекрасно знала: подарков не будет, потому что ей не на что их купить. – Боюсь, он не успеет обойти весь наш город.

– Но ведь он ездит на санях! – серьёзно возразила малышка.

Старшие дети с грустью взглянули на неё. Они были уже достаточно взрослыми для того, чтобы верить в сказки.

– Как же он поедет на санях по городу? У нас всегда такое движение, он просто застрянет в пробке, – решил помочь матери двенадцатилетний Саша.

– Он и по воздуху может летать. Он же волшебник, – настаивала на своём девочка.

– Дашенька, но ведь Деду Морозу нужно объехать весь мир, а не только наш город, – возразила ей самая старшая из Аннинных детей, шестнадцатилетняя Марина. Она, как никто другой, понимала, в каком бедственном положении находится их семья, и всячески поддерживала мать.

– Но ведь я весь год вела себя хорошо, – не сдавалась Даша.

– Дедушка Мороз мог и забыть об этом, он ведь уже такой старенький, – возразил Боря, второй ребёнок Анны.

– Да ну, он не мог про нас забыть! – вдруг произнесла шестилетняя Кристина.

Анна с ужасом взглянула на дочь. Она-то думала, что Кристина давно не верит в Деда Мороза. На душе женщины заскребли кошки. Она готова была умереть, представляя, как огорчатся её младшие девочки, увидев, что никаких подарков нет.

Каково же было её удивление, когда следующие утром она проснулась от радостного вопля Даши:

– Он не забыл про нас!

Анна выскочила в прихожую и увидела, что все дети столпились над горой подарков в разноцветной обёрточной бумаге. Старшие шёпотом спросили мать, откуда всё это.

– Понятия не имею, – удивлённо ответила Анна и опустилась на колени рядом со всеми. Она взглянула на дверь – та была закрыта. Подарки буквально просочились сквозь стены.

Даша уже распаковала коробки со своим именем и была в восторге от красивой куклы, двух нарядных платьишек, тёплой курточки, сапожек и огромного плюшевого медведя.

Кристина красовалась перед зеркалом в шерстяном пальто, яркой шапочке и таком же шарфике. В руках она держала пушистого игрушечного зайца. Её отталкивал от зеркала Саша, примеривший новенький костюм. Кроме этого, он получил три интересных приключенческих книги. Боря распечатывал коробку с толстым свитером, шапкой и дорогими наручными часами. Марина радовалась модному пальто, сапогам и красивой юбке.

Вскоре с Анны тоже сошло оцепенение, и она принялась распаковывать коробки со своим именем – и такие были здесь. Там оказались самый полный и современный справочник по французскому языку, о котором она давно мечтала, чудесные духи, новый роман любимой писательницы, пушистый домашний халат и тапочки. Все они – и Анна, и дети – получили то, чего больше всего хотелось.

– А это что за коробки? – Марина потянулась к одной и обнаружила там огромную замороженную курицу. В остальных были сладости, фрукты и овощи, и шоколадный торт. А в огромной коробке в углу оказался новый телевизор.

Вдруг раздался телефонный звонок. Анна взяла трубку. Приятный мужской голос сказал:

– Извините, что беспокою вас в такой день. Вы Анна Васильевна?

– Да, это я. Что вы хотели? – ответила Анна.

– Я из издательства «Медиа-бук». Мы нашли ваше резюме, а нам срочно нужен переводчик.

Услышав в трубке долгое молчание – ведь Анна от удивления потеряла дар речи, – он поспешно добавил:

– Работа очень хорошо оплачивается. К тому же мы предоставляем в случае необходимости нашим сотрудникам жильё. Вы сможете подъехать к нам после праздника?

И он назвал адрес. Анна сбросила оцепенение и договорилась с ним о встрече. Положив трубку, она, как будто сама была ребёнком, радостно запрыгала, обнимая детей. В этот день она готова была поверить в чудеса.

Поздно ночью, когда новый год уже наступил, и дети легли спать, она убрала остатки шикарного ужина в холодильник и услышала стук в дверь. Анна выглянула в подъезд и увидела маленькую нищенку, которой отдала на улице последние деньги. Только сегодня вместо рванья на девочке было серебристое платьишко и такая же шапочка. Она напоминала маленькую снежинку.

– Счастливого нового года! – весело сказала девочка и убежала.

Анна услышала, как внизу хлопнула подъездная дверь. Она поспешила на кухню и прильнула к окну. Во дворе стояли сани, запряжённые пятёркой оленей. В санях сидели самый настоящий Дед Мороз и девушка в серебряном одеянии – Снегурочка. Маленькая девочка в костюме снежинки уселась рядом с ними, и сани взмыли в воздух.

Анна молча стояла и смотрела на них, а Дед Мороз и его компания ещё долго махали ей руками, пока не скрылись в тёмном небе.

2003–2004 год, отредактировано в 2013 году.

ПЕРЕЛОМ

Я решилась. Подойдя к шкафу, я забралась на стул, стоявший рядом, и открыла антресоль. Порывшись там в полном беспорядке бумаг, старых книг и ненужных газет, я достала небольшой фотоальбомчик на двадцать фотографий десять на пятнадцать, с полосатым серым котёнком на обложке. Руки мои задрожали, и альбомчик упал на пол. Я спрыгнула со стула и подняла его. Усевшись прямо на полу, опершись спиной о шкаф, я открыла альбом. С первой фотографии на меня глядел улыбающийся карапуз в ярко-голубом комбинезончике и в такой же кепочке, сдвинутой на затылок. Пухлыми пальчиками он держал лимонно-жёлтую машинку и лукаво смотрел прямо в объектив.

Я вздрогнула. Дениска. Маленький мальчик, который никогда не станет большим.

Я перелистнула страницу. На следующей фотографии мы были вместе. Вот стою я в тёмно-зелёном платье; я его всего один раз надевала, так и пылится в шкафу. А волосы у меня длинные и густые, правда, сейчас наполовину выпали. Рядом стоит Саша, он обнимает меня за плечи одной рукой, а другой держит Дениску.

О, господи! Неужели это было, было со мной?

А я уже начала думать, что это был сон, яркий, удивительный сон. Но это было на самом деле, и тем ужасней, тяжелее для меня.

Я начала яростно листать альбом: вот Дениска у Саши на плечах, вот он на горшке, вот он в костюме пирата...

Я захлопнула альбом и швырнула его в дальний угол комнаты. Сердце моё бешено колотилось, грудь разрывалась от накатывающих рыданий, но глаза были сухими. Я сделала глубокий вдох.

Завтра будет годовщина Денискиной смерти. Ровно год назад его не стало. С того трагического дня я не проронила ни слезинки. Я не плакала, когда он выбежал на дорогу прямо под колёса машины, не плакала на его похоронах, не плакала на суде над этим водителем-чайником, не плакала, когда ушёл Саша... Не плачу и сейчас. Ни разу я не была и на кладбище.

Моя жизнь резко изменилась год назад. Умер мой Дениска, мой любимый малыш, и с ним умерла я. Нет, я живу, но разве можно назвать это жизнью? Я существую. И всё.

Я помню, как мой сын умирал в больнице. Врачи боролись за его жизнь, но всё напрасно. Я прихожу в ужас от мысли, что он был в сознании до своей последней секунды. Ровно сорок шесть минут. Страшно представить, что испытал, какую боль перенёс трёхлетний ребёнок в эти минуты.

Я хочу это забыть, хочу, но не могу...

Я помню, как целый месяц мы с Сашей, вернувшись с работы и молча поужинав, ложились в постель и всю ночь лежали рядом, как чужие, не в силах уснуть. И не произносили ни слова. Это молчание было хуже всего.

Поначалу мы пытались разговаривать, стараясь подбодрить друг друга. Но все наши разговоры сводились к одному: Дениска. После этого нам обоим становилось так невыносимо больно, что мы вскоре оставили все попытки поговорить.

Саше было легче. Он мог плакать. Несколько раз посреди ночи я приходила в себя после короткого забытья от его плача. Очевидно, он думал, что я сплю; он никогда бы не стал плакать при мне. А я смотрела на него, и мне становилось страшно. Ужасно видеть, как взрослый мужчина, имеющий разряд по спортивной борьбе, прошедший Чечню, плачет.

А я не могла плакать. Не могу и сейчас.

Вздыхнув, я убрала альбом в шкаф и пошла спать. Уже одиннадцать месяцев я одна в большой квартире, одна в большой постели. Саша ушёл ровно через месяц после Денискиной смерти. Он не смог. И я его не виню.

Мы до сих пор не разведены, но я не видела его уже полгода. Боюсь, не увижу никогда.

Ночь прошла, как пять минут. Я не сомкнула глаз.

Сегодня год, как нет моего сына. Умывшись и наскоро позавтракав, я оделась и пошла на кладбище. Впервые с похорон.

На улице не по-осеннему ярко светило солнце, весело чирикали воробьи, резвились дети, наслаждаясь последними в этом году тёплыми деньками. Природе было наплевать на меня.

До кладбища было далеко, но я решила пройти пешком. И, странно, мне становилось легче с каждой минутой. Я вдруг почувствовала, что улыбаюсь, глядя на весёлых детей, ленивых кошек и толстых голубей, снующих по асфальту.

Незаметно я подошла к кладбищу. По узкой тропинке добрела до знакомой могилки и положила на неё букет цветов. Тихонько опустившись на скамейку, я прочитала надпись на памятнике: 1998-2001. Как всегда, рыдания подступили к горлу, но глаза остались сухими.

Почувствовав чьё-то присутствие, я обернулась и увидела Сашу. Он стоял рядом и смотрел на меня.

Вдруг я ощутила, как что-то прокатилось по моим щекам, и почувствовала солёный вкус на губах. Я поняла, что плачу. Пустота в сердце исчезла, уступив место теплу и спокойствию. Я разрыдалась.

Не помню, как я очутилась в Сашиних объятьях. Он гладил меня по волосам, как ребёнка, и шептал:

– Ну, ну, не плачь, не плачь... Теперь у нас всё будет хорошо... Я больше никогда тебя не оставлю... Ну не плачь, всё будет хорошо...

И я ему верила.

ЕСЛИ В РАЙ ПУСКАЮТ СО СЛОНАМИ

Основано на реальных событиях

Бомжи. Обычный элемент ландшафта больших городов. Они есть везде. Они есть всегда. Каждый день мы сталкиваемся с ними, но видим ли? Для нас, людей успешных и не очень, старых и молодых, здоровых и больных, но объединённых одним общим фактом – наличием крыши над головой, –

бомжи стали не более чем предметом. В городе есть большие дома, яркие вывески, неправильно припаркованные автомобили, фонтаны летом и детские горки зимой. И есть они. Тихие, грязные, невзрачные. Часто – пьяные, всегда – вонючие. Зачем заострять внимание на них? Кто-то пожалеет, даст монетку, кто-то просто пройдёт мимо. Но никто, никто не будет думать о таком человеке дольше пяти минут.

Миша совсем не подходил под образ, который всплывает в голове при слове «бомж», – образ зловонного человека без возраста, завернутого в рваньё. Может быть, потому что был довольно аккуратен, может – потому что молод. Да, Миша был не намного старше меня, в те времена студента, но у него уже не было крыши над головой. Не было и, само собой, работы. Однажды он появился в гараже, где я подрабатывал сторожем в свободное от учёбы время, да так и остался. Никто не стал его выгонять – уж больно он был тихим, даже, я бы сказал, застенчивым и безобидным. Однако не бесполезным. Помыть машину, помочь починить, что-то разгрузить, загрузить, принести, подать – ни от чего не отказывался Миша, получая взамен копейчки на хлеб, а главное – кров и ночлег. Да даже не это было для него главным, я думаю. А ощущение нужности, возможность побыть «таким, как все».

Так он и жил здесь, и спал, по утрам выходя на «тихую охоту» – сбор бутылок. Заниматься этим он всегда старался чуть ли не на рассвете, потому что позже просыпались другие бездомные, тоже промышляющие бутылочным «бизнесом», а потому давно поделившие территорию сбора между собой. И упаси Господи было попасться Мише на глаза одному из этих дельцов – попадало по полной. До смерти, конечно, не колотили, но гнали порой до самого гаража, где Миша и находил спасение. Доход от бутылок, как вы понимаете, был небольшим, поэтому, наверное, Миша и решился как-то раз на довольно рискованный и нечестный поступок. В гараже «квартировали» разные фирмы, и однажды там появилось несколько бочек с подсолнечным маслом. Пока бочки ждали своего часа, наш Миша придумал довольно хитрую вещь. Черпать масло прямо сверху он не мог, небольшой росточек не позволял, поэтому привязывал за горлышко пустую бутылку, и – в бочку. Добычу сбывал в городе. Так и черпал помаленьку, и никто не замечал до поры до времени, а именно: пока хозяева масла не обнаружили на дне одной из бочек пустую бутылку. Оказалось, однажды верёвочка Мишу подвела, оборвавшись... Отлупили его хозяева, и Миша, обиженный и униженный, ушёл. Проскитавшись непонятно где несколько дней, однако, вернулся. Ведь здесь был его дом.

Долгими ночами, что я сторожил, Миша порой был единственным моим собеседником. Родители, живущие в деревне, частенько отправляли мне со знакомыми гостинцы. Вот и в этот раз нужно было спешить к раннему поезду за посылкой. Оставив Мишу подежурить часок вместо меня, я поехал на вокзал. «Ставь чайник!» – сказал я, вернувшись, и мы вдвоём сели за стол. В посылке были рыба и мясо, домашние заготовки и, конечно же, вкуснейшие мамины пироги, которыми я и собирался потчевать Мишу. Он как-то настороженно, испуганно, что ли, принялся за еду, и с каждой секундой всё грустнел. «Как давно я не ел домашнего», – сказал он вдруг вполголоса и... разревелся. Лишь придя в себя и успокоившись, он смог спокойно доесть, а потом рассказал мне свою историю.

...Жил раньше Миша на Дальнем Востоке. Родителей не знал, провёл свои ранние годы в детском доме. А после выпуска устроился рабочим в местный зоопарк. Стало быть, и работа имелась, и крыша над головой.

Однажды в зоопарке появилась слониха Маша. Строптивая дамочка была, с характером. То просто капризничала, то есть отказывалась и никого к себе не подпускала. Работники уже было смирились с причудами слонихи, как вдруг она неожиданно присмирела и завела дружбу. Дружбу – это стало полной неожиданностью для всех – с Мишей. Уж как молодой паренёк без специального образования нашёл подход к столь серьёзному зверю – одному Богу известно. Однако теперь волей-неволей Миша приобрёл особое положение. Ведь только завидев его, Маша переставала капризничать, радовалась и ела с рук, как ручная собачонка! Привязался и он к своей огромной приятельнице.

Прошло время, и Машу продали в другой зоопарк. Загоняют её в специальную клетку для отправки, а она – ни в какую. На дыбы встаёт, кричит и мечется, того и гляди кого-нибудь зашибёт. Позвали Мишу. Успокоил он свою подружку, а у самого слёзы на глазах. Что делать? Решили отправлять Мишу вместе с ней. Так он и оказался в нашем городе. Работал в зоопарке, ухаживал за слонихой, комнату в общежитии дали. Так бы всё и продолжалось, если б Маша не заболела. Возраста она была уже преклонного, и тихо умерла. Горевал Миша, но беда не приходит одна. В зоопарке без слонихи он стал не нужен, уволили, а позже и комнату отобрали. А как устроиться в чужом городе человеку без семьи, без друзей, без образования? Так и оказался на улице, так и болтался, пока не попал в гараж.

В гараже, впрочем, Миша тоже пробыл недолго. Поводился он мыть машину одному так называемому «новому русскому», которых расплодилось в то время, приезжавшему в наш гараж. Мужичку этому расторопный малый приглянулся, и однажды он предложил Мише жить у него в маленьком подсобном домике на даче. Чтобы за загородным домом смотрел, по хозяйству всё делал, а за это и жалованье получал, и питание, и крышу над головой. Миша был рад, и я тоже искренне радовался за него. Теперь его жизнь наладилась. И закончиться бы истории на этом, но, как ни горько признавать, так не бывает.

Прошло время, и я узнал, как закончилась история Миши. Когда этот «новый русский» брал его на работу, велел одно соблюдать: так, мол, и так – когда я с мужиками на дачу гулять приезжаю, мы тебя и накормим, и напоим, а когда я в городе – чтобы ни капли. Миша соблюдал первое время хозяйский наказ, а потом расслабился. Пьяного его и застучал хозяин с друзьями. Мишу вывезли в лес, выпустили... Да, он побежал. Но разве был у него хоть малейший шанс? На Мишу устроили настоящую охоту – так и задумывал его теперь уже бывший хозяин. А конец этой охоты, увы, вполне предсказуем.

Теперь, когда смотрю на небо, я представляю, что Миша там. И он больше никогда не будет одинок. С ним рядом – его лучший друг, если, конечно, в рай пускают со слонами...

24 апреля 2012 года.

ПОМНИ МЕНЯ

С трудом проснувшись, я поморщился: опять этот сон. Нашарив на заднем сиденье машины бутылку с водой, я жадно припал губами к горлышку. Во рту пересохло. Поспав от силы полчаса, я чувствовал себя прескверно, но нужно было ехать дальше.

Проехав километров двадцать, я обнаружил, что небо, нависающее над дорогой, медленно, но верно становится угрожающе-свинцовым. Ветки обособленно встречающихся на обочине деревьев лохматит все усиливающийся ветер. Кажется, будет гроза, подумал я, и с новой порцией удивления отметил, что машин на дороге, кроме моей, нет. Да и дорога стала какой-то разухабистой, сужаясь всё больше и больше. Чертыхнувшись, я притормозил на обочине, не глуша двигатель, и вынул из бардачка карту. Точно! На том перекрестке нужно было свернуть налево, а я поехал прямо. Судя по карте, через сотню километров эта дорога плавно растворялась в небольшом леске. Что ж, нужно поворачивать назад. И дернул меня черт ехать своим ходом!

Бросая карту на пассажирское сиденье, я заметил, что двигатель когда-то заглох. Я повернул ключ зажигания. Провозившись с полчаса, понял, что машина дальше точно не поедет. В чем причина, я не мог догадаться: это мой первый автомобиль, и я еще не привык к нему. Ближайший город остался в трех часах езды, а впереди маячила разросшейся у подножия горы бородавкой маленькая деревушка. Нужно было вызывать эвакуатор. Я потянулся за сотовым и понял, что мне сегодня совсем не везет – батарея была полностью разряжена. Проведя минут пять в проклятиях, адресованных машине, дороге, телефону и самому себе, я решил идти пешком до деревни, надеясь, что там я смогу воспользоваться чьим-нибудь телефоном.

Накинув куртку и забрав с собой документы и ключи, я отправился в путь. На глазок деревня была всего километрах в двух от меня, на карте же вовсе отсутствовала. Тем не менее, пройдя минут пятнадцать, я заметил, что ближе ко мне она не становится. Ветер всё усиливался, вдали послышались раскаты грома.

Всё, как в стандартном фильме ужасов, подумал я. Заблудившийся путник ищет помощи в загадочной деревне, отсутствующей на карте, там попадает в лапы одинокому маньяку, перебившему добрую половину населения. И всё это на фоне бушующей природы.

«Я буду любить тебя всю свою жизнь... и даже после», – эта фраза из повторяющегося с завидной регулярностью сна прочно засела в голове. «И даже после». Сам такой сон я забывал сразу после пробуждения, кроме каких-то обрывков и твёрдой уверенности, что это уже было. Да, и еще – прочно поселилась в памяти эта фраза и вкус чьих-то страстных поцелуев, соленых от слез.

Наконец деревня начала приближаться и становиться всё больше и больше. Вскоре она приобрела вид довольно-таки крупного поселка. «Нижние ключи» – прочитал я стандартное и ни о чём не говорящее название на табличке.

Совсем возле дороги особняком стоял большой двухэтажный каменный дом. Весь его запущенный внешний вид, давно не знающий ремонта, остатки когда-то роскошной лепнины и прочих украшений – всё говорило о том, что построен он был примерно в конце девятнадцатого века. Сначала я подумал было, что он давно необитаем, но потом, подойдя к такому несоответствующему с домом простому дощатому забору, заметил, что дорожка, ведущая к крыльцу, аккуратно подметена, маленький огородик ухожен, возле грядки сияет оранжевым боком новенькая лейка. Всё это говорило о том, что в доме кто-то живёт.

За домом начинались густые заросли, очевидно, когда-то это был роскошный сад, принадлежавший хозяину особняка. И только потом, немного в стороне, как бы отгородившись от этого дома, начинался посёлок.

Немного подумав, я решил просить помощи в особняке и отворил калитку. Пройдя по усыпанной мелкими камешками дорожке, взобрался на крыльцо и постучал в дверь. Через минуту ее отворили, и в свинцовом небе сверкнула молния. На пороге стояла молодая женщина в красивом длинном платье, со сверкающей брильянтами диадемой в волосах. Свет молнии рассеялся, ушло и наваждение: передо мною оказалась обычная девушка в джинсах и майке, её ничем не украшенные светлые волосы были заплетены в тугую косу.

– Проходите, – улыбнулась она, и её простое, по-детски миловидное лицо как будто засияло, – бабуля уже давно вас ждёт.

* * *

Я на секунду замешкался.

– Проходите-проходите, – девушка ещё шире отворила дверь и ещё шире улыбнулась.

– Я... Вы меня, наверное, с кем-то путаете, – я заглянул за плечо девушки и увидел просторный холл, где антикварная мебель сочеталась с дешёвыми современными обоями.

– А вы разве не новый доктор? – девушка, увидев моё замешательство, удивилась.

Я помотал головой.

– Ой, извините, – смутилась она. – Я вас за нового доктора приняла. К бабуле должны были прийти на осмотр. А вы?..

– У меня машина заглохла на дороге. Я еду в Н... Можно от вас позвонить?

– Ах да, конечно, – взгляд девушки стал рассеянным. – Бабуля не будет против.

Я прошёл в дом, разулся.

– Телефон вот, – девушка показала мне рукой на старый чёрный аппарат.

Я позвонил в справочную ближайшего города и узнал номер аварийной службы. Там долго не хотели отвечать. Наконец, поговорив, я положил трубку.

– Ну что? – спросила девушка.

– Обещали машину отправить. Здесь часа три езды. Придётся подождать.

– Можете подождать у нас, – девушка, казалось, обрадовалась. – Я вас чаем напою.

Признаться, я был очень сильно удивлён неожиданным гостеприимством. Очевидно, это отразилось на моём лице.

– Скучно у нас, – как бы оправдываясь, сказала девушка. – Вижу только бабулю, доктора да продавца в магазине. Деревенские сторонятся нас, не хотят общаться, говорят, что бабуля сумасшедшая, что бабуля ведьма. Потому и поговорить даже не с кем.

– А не боитесь пускать незнакомца в дом? – улыбнулся я, хотя разворачивающиеся события всё больше напоминали мне фильм ужасов. Сумасшедшая бабуля... весело.

– По вам видно, что вы хороший, – девушка жестом пригласила меня на кухню. – К тому же мы с вами сейчас и познакомимся. Меня Настя зовут.

– А меня Максим, – я пожал протянутую для приветствия тёплую Настину ладошку.

Кухня была небольшая и уютная. Я присел на массивный дубовый стул, а Настя засуетилась возле плиты.

– Вы, наверное, голодны?
– Нет, спасибо, мне только чаю, – помотал я головой.
– О, у нас такой чай! Вы такого никогда не пробовали, – девушка повернула ко мне своё улыбочливое лицо. На щеках её сияли две милые ямочки.
Настя... Это лицо... Где же я её мог видеть? Голову пронзила сильная боль, заставившая меня поморщиться. Такая же боль возникает всякий раз, когда я пытаюсь вспомнить навязчивый сон. Девушка из сна? Я задумался.
Настя тем временем продолжала щебетать.
– ... я сама собираю и сушу травы, – донесся до меня обрывок фразы. – Я вижу, вы устали, поэтому мой чай поможет вам взбодриться.
Она поставила на стол две дымящиеся кружки и вазочку с конфетами.
– Мне кажется, я где-то уже вас видел, – сказал я.
– Ой, давай уже на ты, – улыбнулась она. – Вряд ли ты меня где-то мог видеть. Я здесь живу с самого детства, нигде не бываю.
Она слегка погрустнела.
– А вы... А ты вдвоём с бабушкой живёшь? – спросил я.
– Да, – кивнула она. – Вообще-то, это даже не бабушка, а прабабушка. Она старенькая очень.
– А где твои родители?
– Нету никого, – равнодушно пожала плечами Настя, – все умерли, только мы с бабулей остались.
– Извини.
– Да нет, ничего, – она улыбнулась. – Я и не помню родителей. Обо мне всегда бабуля заботилась, а теперь я о ней забочусь.
Я отхлебнул горячего чаю. Дурманящий, терпкий вкус ударил в голову, тепло заструилось по уставшему телу, я прикрыл глаза, и...
– Максим, проснись, – шептал рядом голос.
Я открыл глаза. Рядом стояла Настя.
– Давно не спал, наверное? Отключился мгновенно, – засмеялась она.
– Я что, спал?
– Угу, – кивнула она. – Часа три проспал.
– Чёрт, эвакуатор! – вскочил я.
– Не бойся, я помню. Сейчас сядем на велосипеды и доедем.
– Ты со мной?
– Угу, мне всё равно делать нечего. Доктор уже приходил к бабуле, пока ты спал.
Мы вышли на крыльцо. Стеной стоял проливной дождь. Настя протянула мне дождевик, второй надела сама и вывела из небольшого сарайчика два велосипеда.
Скоро мы уже сидели в моей машине. Эвакуатора не было и в помине. Мы прождали минут сорок.
Внезапно мой взгляд упал на мобильник, оставленный в машине. Он был включен и заряжен.
– Что за... – я почувствовал холодок ужаса. – Чертовщина какая-то.
– Что случилось? – испуганно взглянула на меня Настя.
– Я был уверен, что мой телефон разряжен. Поэтому я и постучал к тебе, чтобы позвонить.
Ну что ж, раз телефон был в порядке, я решил позвонить в аварийную службу снова. Разговор с ними меня совсем не обрадовал.
– Они никуда не поехали, – повернулся я к вопросительно смотрящей на меня Насте. – Сказали, что надвигается буря, и нужно ждать, пока она не закончится.

– Тогда поехали домой! – обрадовалась Настя. – Ну в смысле, вечер уже, не поедешь же ты ночью? Переночуешь у меня.

На этот раз Настина приветливость вызвала у меня волну раздражения. Чего ей надо от меня? Так прилипнуть к первому встречному человеку. Неужели ей действительно настолько скучно и одиноко? Мне совсем не хотелось у неё ночевать, но ещё меньше – в холодной машине, среди бушующей непогоды. Поэтому мы отправились в обратный путь. Всю дорогу мы молчали. Похоже, Насте передалось моё настроение. Уже подъезжая к дому, я спросил у неё:

– А бабушка не будет против?

– Нет, она почти не выходит из комнаты, всё время лежит, – ответила Настя. – К тому же она сейчас немного не в себе.

«По-моему, вы все здесь немного не в себе», – подумал я.

* * *

...Я стоял босиком посреди огромного ухоженного сада, возле роскошного фонтана. В чистом небе надо мной сияла луна. Из-за раскидистого дерева появилась изящная девушка в белом платье. И платье, и её длинные распущенные светлые волосы казались серебряными в свете луны.

– Настя, – прошептал я.

Она загадочно улыбнулась и присела на мраморный бортик фонтана.

– Я так долго ждала тебя, – прошептала она. – Я звала тебя. Почему ты не приходил?

– Но я же всё-таки пришёл, – слова вырывались из моего пересохшего горла сами, хотя думал я совсем о другом: как я здесь оказался? Что значат Настины слова?

– Больше не бросай меня, – она притянула меня к себе, и я почувствовал такой знакомый, такой родной вкус её губ.

* * *

Я проснулся. За окном всё так же шел дождь и бушевал ветер. В голове отчётливой картинкой стоял сон. Это сад, Настя... Или это был не сон? Что за наваждение.

Я вылез из-под одеяла. К моим ногам прилипла земля и несколько сухих травинок. Это был не сон.

Я поспешно оделся и спустился со второго этажа на кухню. Там хозяйничала Настя.

– Дождь лил всю ночь. Похоже, непогода не собирается заканчиваться, – улыбнулась она. – Доброе утро!

– Доброе, – я чувствовал себя совершенно разбитым. – Дождь... Подожди, но ведь ночью не было дождя?

– Был. Посмотри, как всё небо затянуто. Ни просвета не видно. И лужи вон какие. Похоже, он лил без перерыва.

– Но ведь ночью... В саду... – я замялся, не зная, как сказать. А вдруг мне и правда всё это приснилось?

– Ты был ночью в саду? – удивилась Настя. – Я не слышала, как ты выходил. Видимо, очень крепко спала. Не ходил бы туда, а? Мы давно уже сад забросили, там так всё заросло, легко пораниться. А раньше, говорит бабуля, он был просто роскошным. Там даже фонтан был. Но это ещё до революции, потом его убрали.

– Фонтан, – мои мысли путались. Что же это за место такое? – До революции? Сколько же твоей бабуле лет?

– Будет сто десять, – Настя рассмеялась. – Когда началась революция, ей было семнадцать. Она у меня молодец, держится. Говорит, что пока Алексея не дождется, не умрёт. Сумасшедшая всё-таки.

– Какого Алексея? – в моей голове замерцали знакомые имена: Алексей, Настя. Настя и Алексей.

– Это её первая любовь. Садись завтракать, если хочешь, я тебе расскажу.

Мы сели за стол. Настя пододвинула ко мне тарелку с горячим омлетом и налила в кружку чай.

– Дом построил бабулин отец. Эта деревня была его родовым поместьем. Жили они богато, – начала Настя свой рассказ. – Бабуля готовилась выйти замуж за своего возлюбленного, когда началась Гражданская война. И он, Алексей, добровольно ушёл в армию Колчака, воевать с красными. Бабуля ждала его. Не знаю, почему их семью не расстреляли, может, заплатили они кому. В общем, отправили их в Сибирь. Так бабуля с Алексеем потерялись, не знала она, где он, жив ли. Долго она его ждала, всё замуж не выходила. Потом отец уговорил её выйти замуж за другого, за простого мужика. Она согласилась, а сама всё продолжала Алексея ждать, да и от мужа не скрывала, что другого ждёт и любит. Родилась у них дочь, моя бабушка. А он, бабулин муж, то есть прадед мой, тяжело заболел, и перед смертью признался ей, что Алексей-то нашёлся, приходил он много лет назад. Только прадед бабуле ничего не сказал, прогнал Алексея. Бабуля его и прокляла, да так он и умер. А в доме этом в советские времена клуб был поселковый. Потом бабуля, уж не знаю, как, смогла его выкупить.

Настя помолчала и добавила:

– А бабуля всё так Алексея и ждёт. Говорит, что поклялся он ей самой страшной клятвой, что обязательно они встретятся, обязательно будут вместе. Поклялся, что будет любить её всю свою жизнь. И даже после. Вот любовь-то у них была!

Настя замолчала и начала есть уже остывающий омлет.

«Любить всю жизнь. И даже после...» Боль опять пронзила мою голову. Бред какой-то. Странное это место. Нужно уезжать. Я наспех поел, выпил чаю. И отправился звонить в аварийную службу. Телефон не работал.

– Наверное, провода где-нибудь оборвало, – испуганно ответила Настя на мой суровый вопрос.

Я хватился за мобильник. Он снова был разряжен и не желал включаться. Я поставил его заряжаться и обнаружил, что электричества тоже не было.

– Чёртов дом! Долбанная деревня! – закричал я. Я бы ругнулся и крепче, но меня остановил взгляд Насти. Кажется, я её сильно напугал.

Она смотрела на меня пристально, и я понял, что она совсем не похожа на девушку из моего сна. Те же черты лица, но другое выражение, другой взгляд. Она была простой, самой что ни на есть обыкновенной. А девушка из моего сна была особенной, прекрасной.

– Прости, Настя, – я постарался улыбнуться. – Просто всё это сбивает мои планы. У вас тут бермудский треугольник какой-то. В посёлке есть, откуда позвонить?

– Если оборваны провода, то значит, во всём посёлке нет связи, – она нахохлилась, как воробей на морозе.

– А электричество? Тоже провода?

– Скорее всего, – она пожала плечами.

– Когда это всё могут починить?

– Когда закончится буря, – она снова съёжилась, очевидно, думая, что эти слова вызовут у меня новый приступ гнева.

Но я промолчал. На смену злости пришла апатия. К тому же очень хотелось спать, так, как будто я провёл эту ночь без сна. И болела голова.

– Тяжёлый у вас здесь воздух какой-то, – вздохнул я.

– У нас здесь полыни очень много, – Настя тихонько подкралась ко мне. – Она сейчас цветёт, поэтому воздух такой... дурманящий. Мы-то уже привыкли, а тебе, наверное, тяжело.

Она помолчала, а затем по-щенячьи заглянула мне в глаза:

– Ты останешься ещё?

– Куда ж я денусь, – усмехнулся я.

* * *

Незаметно подкрался вечер. Дождь всё так же продолжал лить, ветер всё так же продолжал рвать. Мы с Настей сидели на ковре в большом зале и играли в карты. Настя устала всю комнату зажженными свечами, поэтому обстановка в мрачной комнате стала уютной и отчасти романтической.

Настя вдруг прижалась ко мне:

– Как хорошо, что всё так получилось, – улыбнулась она.

– Угу, – кивнул я, мягко отодвинувшись от неё. – Скажешь тоже, хорошо. Представляю, каких я проблем огребу на работе, когда вернусь.

– А ты по работе ездил?

– Да. Дёрнул меня чёрт поехать самому, без шофёра. А почему хорошо-то?

– Иначе мы бы никогда не познакомились, – она снова прижалась ко мне.

Если честно, я слегка побаивался этой девушки. Слишком уж она была странной. Вроде бы обычная, но... Как не из этого мира. Слишком наивная. Слишком доверчивая. Слишком навязчивая. Всё слишком. И живёт в таком огромном доме, уставленном старой мебелью, где, кажется, в каждом углу притаились таинственные тени. Да ещё и какая-то бабуля, которой я ни разу за это время не видел и не слышал. Я уже начал сомневаться, есть ли она на самом деле.

– Настя, а почему ты меня со своей бабулей не познакомишь? – спросил я.

– Я же говорю, она сейчас немного не в себе. У неё всегда такое бывает, когда полынь цветёт. А сейчас что-то и вообще бредит. Говорит, что Алексей к ней пришёл, – она вздохнула и вдруг оживилась: – А хочешь, я тебе фотографии покажу? У нас много фотографий, есть даже такие, где бабуля молодая совсем!

И она побежала куда-то. Вскоре вернулась с несколькими пыльными коробками в руках.

– Вот, смотри, здесь бабуля держит на руках мою бабушку, совсем ещё маленькую. А вот... – Настя весело щебетала, раскладывая по полу пыльные фотографии. Смотреть их было скучно – я никогда не любил это дело. Сначала лицо бабули показалось мне знакомым, но я понял, что она просто очень похожа на Настю. Вернее, Настя на неё.

– А вот, смотри, моя бабуля перед самой революцией! Ей здесь только что исполнилось семнадцать, – Настя протянула мне затёртый, пожелтевший от времени снимок.

На фото была молодая девушка в струящемся белом платье. В её роскошных светлых волосах сверкала диадема.

* * *

... – Лёша... Лёшенька мой, я знала, что ты придёшь, – нежно шептала она, крепко обнимая меня за шею.

Я сидел всё в том же зале, только обстановка его сильно изменилась. Старая мебель приобрела блеск свежего лака, обшарпанные стены показали во всей красе свой богатый узор.

– Вот я и вернулся к тебе, – прошептал я пересохшими губами. – Настя.

– Теперь мы никогда не расстанемся, правда ведь? – заглянула она мне в глаза сияющим взором.

– Нет, Настя, у меня ещё есть дела здесь, – слова снова вырывались из моего горла помимо моей воли. – А ты отправляйся и жди меня. И я скоро тоже приду туда. И мы будем вместе... навсегда.

– Опять расставаться. Это так мучительно, – она грустно вздохнула.

– Теперь уже ненадолго, любимая, – прошептал я и коснулся губами прохладной щеки девушки.

– Хорошо. Завтра я отправляюсь.

* * *

– Ты меня слышишь? – Настин голос развеял наваждение. – Правда, моя бабуля была красивая? Говорят, я на неё очень похожа. Меня и называли в честь неё Анастасией.

Я был в полном ступоре и не мог оторвать глаз от фотографии.

Вдруг со второго этажа послышался слабый голос.

– Ой, кажется, бабуля проснулась! – встрепенулась Настя и помчалась наверх.

Вскоре, когда я уже немного пришёл в себя, она вернулась.

– Бабуля пришла в себя и хочет с тобой познакомиться.

Мы поднялись к бабуле. Комната её была до боли знакомой. В голове вспышка: эта самая комната, эти бархатные портьеры, и прекрасное обнажённое девичье тело на шёлковых простынях. Но теперь я уже ничему не удивлялся. Кажется, я начал понимать и... вспоминать.

Комната, где мы были так счастливы. Но теперь на кровати вместо прекрасной девушки лежала немощная старуха.

– Лёша... Подойди ко мне, – прошептала она.

Я подошёл и присел на край постели.

Настя смотрела на нас недоумённо: она не понимала.

– Лёша... наконец-то мы встретились, – Анастасия сжала мою ладонь своей сморщенной рукой.

– Да, – ответил я. – И теперь ты наконец-то свободна.

– Да, теперь меня здесь больше ничего не держит, – согласилась она. – А ты?

– У меня здесь ещё много дел, – улыбнулся я. – Но я приду к тебе. Не знаю, насколько скоро. Но что такое каких-нибудь полвека по сравнению с вечностью, которая нас ждёт?

Теперь слова, в отличие от моих бредовых видений, лились легко и непринуждённо. Этот кто-то, этот я, живущий внутри меня, наконец-то обрёл гармонию со мной теперешним.

– Это правда, – улыбнулась она и прикрыла глаза. – До встречи, Лёша.

* * *

Мы с Настей вышли из комнаты.

– Ничего не понимаю, – Настя нахмурилась. – Почему бабуля называла тебя Лёшей? Ты просто решил ей подыграть?

– Нет, – я улыбнулся. Головная боль исчезла.

Я подошёл к окну и отдернул штору. Буря прошла. Дождь закончился.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – Настя встала рядом.

– Я тоже не понимал. Да и вообще, очень уж это сложно, понимать до конца, кто ты есть на самом деле. Понимать и помнить. Не грузись, Настя, – я приобнял девушку за плечи. – Пойдём-ка лучше на кухню, мне так твоего чайку захотелось!

* * *

Следующий день был тихим и солнечным.

Анастасия умерла на рассвете. Тихо, без мучений, со спокойной улыбкой на губах.

Я остался здесь ещё на несколько дней – помог Насте организовать скромные похороны. Настя была, конечно, расстроена, но не сильно. Хоть она и очень любила бабулю, но смерти её всё-таки ждала: и так редко кто доживает до таких лет.

Покопавшись в машине, я всё-таки нашёл причину поломки и смог сам всё устранить. Пора было ехать.

– Ты приедешь на сорок дней? – спросила Настя меня перед отъездом.

– Приеду, конечно, – улыбнулся я. Настя больше не казалась мне странной, наоборот, её наивность и доверчивость придавала ей очарования. – И памятник на могилку привезу. Ты знаешь, я вообще подумываю сюда, в посёлок, переехать. Надоело в городе.

– Переезжай, – обрадовалась Настя. – Я... я буду очень рада.

Я улыбнулся: Настя выглядела слишком серьёзной. Похоже, девочка в меня влюбилась.

Мы тепло попрощались, и я отправился в путь.

А особняк, стоящий у дороги, ещё долго виднелся в зеркало заднего вида и, казалось, улыбался тёмными глазницами окон.

Июль 2010 г.

Игорь КАРНАУХОВ

ЗА ОКНОМ ЛЕТАЛИ СНЕЖИНКИ

Отрывок из повести

Марку не было страшно. Он уже давно перестал бояться чего-то и больше не дрожал по ночам. Он слушал джаз и блюз, представляя, что живёт в шестидесятых; верил в свободу и справедливость, всеми силами отстаивая равенство между людьми. Мечтал о полете в космос, к далеким звёздам и мирам, где живут люди, только другие, непохожие на землян. Он хватался за свою мечту, но был ребёнком, обычным двенадцатилетним мальчишкой из обычной провинциальной семьи. И когда он вспоминал об этом, все его мечты испарялись, словно их никогда и не было. Он знал, что когда вырастет, обязательно слетает в космос. Был убежден, что добьется справедливости и равенства на земле, которых никогда не существовало. Но знание, которым обладал Марк, не находилось в гармонии с его верой. Он не мог поверить в то, что знал.

Зима выдалась теплой. Столбики термометров едва достигали отметки в минус пятнадцать градусов по Цельсию. Январь, позабыв о своём «морозном» прошлом, задумался о недосыгаемой им весне. На улице бегали дети; их смех растворялся в прилегающих ко двору переулках и маленьких улочках, повисал на проводах и стучался в закрытые двери. Марк задумчиво смотрел в окно. Иногда он завидовал своим сверстникам и хотел так же, как и они, бегать по улицам без какой-либо цели, играть в салки, удирать от больших и маленьких собак, громко смеяться, не думая ни о чём серьезном. Иногда он хотел, чтобы у него были друзья. Насколько чистыми и по-детски наивными были эти мечты; мечты, не граничащие с реальностью! Неожиданно на его глаза навернулись слёзы, которые он машинально стёр рукавом. «Мужчины не плачут», – твердил он каждый раз, когда было невыносимо грустно.

Вдруг первая снежинка прилипла к окну. От неподдельного удивления Марк широко раскрыл глаза – он никогда раньше не видел такой красоты – длинные четкие грани и замысловатый рисунок, таящий в себе нечто необъяснимое и прекрасное, заморозили юного мечтателя. В ту же минуту с неба стали падать тысячи снежинок, непохожих друг на друга, тысячи посланий с неба. У Марка непроизвольно раскрылся рот, и мысли его улетели куда-то далеко-далеко.

– Марк, пора кушать! – послышалось из кухни. Но Марк был настолько увлечен происходящим, что даже не услышал того, что произнесла его мама.

– Марк! – послышалось вновь (настойчивее и громче), – Марк, – она зашла в комнату (интонация в её голосе снизилась), – ты меня слышишь? – она подошла вплотную к сыну и выглянула в окно.

– Смотри, как красиво! – тыча пальцем в небо, сказал он. – Это как будто миллионы ярких огней из далекого космоса, которые откололись от огромной белой звезды и обрушились к нам, на землю.

– Красиво, сынок, и вправду, – она положила свою руку ему на плечо и замолчала.

Мгновения тишины отсчитывали отсутствие времени.

Молодая мама первой решила нарушить повисшее сакральное молчание:

– Пойдем кушать, Марк, а то остынет!

– Сейчас, мам, еще пару минут.

– Ну, хорошо, – мать улыбнулась, потрепала сына по голове и вышла из детской комнаты.

Марк долгое время вглядывался в небесную высь, его глаза переполнял яркий свет воодушевления – в такие моменты он точно знал, что суждено ему судьбой. Непроизвольно его взгляд опустился вниз: на улице всё так же бегали дети, они хватали бесчисленное множество снежинок ртом, падали сами, кое-как поднявшись, падали вновь и давились от собственного смеха. Марк отвернулся от окна, закрыл глаза и попытался представить себя в их компании. Чистыми и по-детски наивными были эти мечты; искренние мечты, которым никогда не воплотиться в жизнь. Но они помогали ему в этом нереальном мире хотя бы на миг почувствовать себя живым и счастливым. Хотя бы на миг.

Марк повернул голову и взглянул на тающую снежинку, прилипшую к окну. Улыбка проявилась на его лице и тут же исчезла. Он отправился в кухню, неустанно работая руками. Каждый день он крутил два колеса. Каждый божий день! Два чертовых колеса от инвалидного кресла, которое давно стало для него родным.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Зот ТОБОЛКИН

Зот Тоболкин, известный прозаик и драматург, оставил нам и большое поэтическое наследие. Стихи писал всю жизнь, с юных лет, но свет увидел лишь один небольшой сборник поэтических этюдов «Эхо». Стихам уделял внимание, как он сам говорил, в перерывах между работой над романами, повестями, пьесами. Предлагаем вниманию читателей небольшую подборку из поздних неопубликованных стихов Зота Тоболкина.

* * *

Я – не поэт. И жанр не мой.
Хотя пишу, хотя слагаю
И с поэтической сумой
Брожу я по родному краю.

* * *

Уж осень близится, и скоро
Вновь закурлычат журавли.
Усталый август лезет в гору,
Денёчки летние прошли.
Вот так творец свою вершину
Возьмёт, пот вытрет и вздохнёт:
«Быть может, и не так мы жили,
Но шли-то в гору и вперёд.
И вот вершину одолели!
Одни исполнили мы цели,
Уже к другим с тобой спешим,
Другие – тоже хороши!

Вон там одна. Она без спуска.
Стена отвесна. Что ж, вперёд!
И с перемычки этой узкой,
Надев рюкзак, чудак бредёт.
Вершины брать – вот страсть какая!
А падать лучше да стонать?
Взбираясь вверх, я отдыхаю.
Что ж, покоряйся мне, стена!
Подумаешь, вершина мира!
Мир для того и сотворён,
Чтоб не творить себе кумира,
Быть самому кумиром в нём!

* * *

От запаха трав, от реки я пьянею!
От этих волшебных и синих небес.
Я, жизнь перебрав, понял: что-то умею,
Стремлюсь мир познать – весь! До капельки, весь!
Я рад, что живу и родился в России,
Творил здесь, любил и встречал я рассвет,
Пахал, изумрудные травы косил я,
Ведь лучше России на свете и нет.
Бывал где-то там... Там – свои корифеи,
Вошли они в вечность. Дай Бог! Я их чту.
Но в нашей России я что-то умею,
Не сделал, туда – в эту синь, не пойду.
Уйти, не поняв, в чем волшебна береза?
Куда наши судьбы уносит река?
Жену не обняв? Не вдохнув эти грозы?
Сумею. Тогда и уйду на века.

* * *

Не торопитесь подводить итоги.
Их подведут, когда наступит срок.
Хорош ли, плох ли будет твой итог,
Когда уйдёшь – расскажут люди, боги.
Без ложной скромности скажу, что жил не зря,
И, проведив меня, немало потеряют.
Но мне-то что? Не мне горит заря,
Уже другим дорогу озаряет.
А может, вдруг с заоблачных небес
Я утренний восход опять увижу.
Возьму корзину – за грибами, в лес!
И первый гриб сорву!.. Он будет рыжим.
Потом – белянки и моховики,
Опята, грузди и обабки...
Пуускай дивятся на деревне бабки
И лебеди приветствуют с реки.
Был грибник Шруб, художник именитый.
Давно ушёл... Сейчас – почти забытый...

* * *

Полынь особый привкус хлебу	Тревожат плясками ребят.
Без задней мысли придала.	Моя гармошка заливаается,
Мать, радуясь и дел не требуя,	И сам в частушках исхожу.
На стол мне браги поддала.	– Эй, кто сыграет? Долго ль
Я не из пьяниц, не из бражников,	маяться?
Но в День Победы всё ж не прочь.	На круг я первым выхожу.
Нашарю что-нибудь в бумажнике	Как дробану, да с бойким
И выйду вдруг с гармошкой в ночь...	присвистом,
Такая звонкая, цветистая –	Потом частушку заверну.
Меха ж не зря я растянул! –	Моя гармошка голосистая
Взыграла русскую неистово,	Сзывает девок здесь к гумну.
Всех девок в табуны стянул.	Иные до утра прошепчутся,
Тут на полянке, возле тополя,	Иные сыщут сеновал.
Давно уж брёвнышки лежат.	С небес луна уходит месяцем,
Измяли девки всю, истопали,	Не зря ж я песни напевал...

* * *

Признанья поэтов порою нелепы.
Изысканы, думают, – Бог им судья!
Тебе признаюсь я зимою и летом...
Здесь тихо! Всю жизнь мы с тобою не зря.
Друзья? Да их нет. Уж давно за чертою.
Другие затеряны. Я ль виноват?
Любовь наша, дружба немалого стоят,
Ведь ты помогала мне в жизни стократ.
И я выплывал из сомнений и смуты,
Я в лучшее верил. Был прав иногда.
Мы знаем, что жизнь-то устроена мудро.
Забудутся смуты, и боль, и беда...

Пасха

Давит до звона в ушах.	Всё ж не напрасно я жил,
Что это? Боль иль тревога?	Трудно, порою невинно.
Люди-то в церковь спешат.	Мысль лишь одна в голове:
Не надоели вы Богу?	Всё, что наметил, успею?
Свечи. Молитв фимиам,	Сделал. А рядышком – две
Хор... Это вера иль игры?	Ладно, пока что лишь две их.
Сам-то, признаюсь я вам,	Снова накатят толпой,
Весь из молитв этих выбыл.	Каждая просит свершенья.
Знаю: проси – не проси, –	Что ж, исполняй! Это твой
Всё ж признают только дело.	План, и вредны нарушенья.
Хватит ли, хватит ли сил?	Ты уж давно упустил
Многое сделать хотел я.	Многое. И покаенья
Но кое-что совершил,	Не прибавляют нам сил,
Малая дел половина.	Не озаряют сияньем.

* * *

Не гнался за чинами. Их и не было.
Но в своей жизни кое-что свершил.
В России нашей уж не стану небылью,
Пройдут мой дом, сказав: «Вот здесь он жил».
Да, жил не зря, признаюсь. Что-то делал.
Делам-то славным и предела нет.
Лишь веку моему грядут пределы.
А есть ли за чертою божий свет?
Я славил зори, полдни и закаты,
Пути и звезды, реки и моря,
И, значит, что-то делал я, ребята.
Вот говорят мне, что я жил не зря...
Часы бесценны. Знаю. Не терял их.
Восход – в делах. Да и в закат – труды.
Как говорили мне: «Ты птаха ранняя».
Своей не упустил я борозды...

* * *

Считать морщины или шрамы?	В семье счастливый и свободный,
А может, ссадины души?..	Детьми обласкан, беззаботный, –
Какой мой шрам глубокий самый?	Какое чудо – поутру
Какой больней всего ушиб?..	По морю жизни я плыву!
Душа моя ещё не дремлет,	О, как живительна прохлада
Поёт, ликует иль болит.	И цвет черёмухи в лесу!..
И мне по силам жизни бремя.	Беру вновь белую бумагу
Жизнь, как русалка, вглубь манит.	И благодарную слезу
И я за ней, не глядя, – в омут	Пролью серебряной росой
Или в ущелье, или – в синь.	И радости своей не скрою.
Жизнь нам дана! Чего другого	Беги, журчи, моя строка.
Нам у творца ещё просить?	Будь чутка мастера рука!..

* * *

Сказать, что в жизни всем доволен,
Могу. Но в чём-то ошибусь.
Нет, я тщеславием не болен.
Пишу про жизнь и славлю Русь.
Родимый край едва ль забудет,
Пусть я не очень знаменит.
Уйду я в синь, и некем будет
Меня в России заменить.
Ни славой, что она? Встречала
Меня у дальних рубежей.
Потом опять не замечала,
Не очень нравился я ей...

* * *

Река времён течёт и плещет,	Ещё расправим свои плечи,
Я чувствую, что приустал,	Зажгутся яростным огнём
А может, просто старым стал,	Глаза, потухшие под вечер.
И потому сутулы плечи?	Без шума, пусть и нелегко,
Что ж, молодиться? Так и есть.	Мы эту гору одолеем.
Истрачена моя силёнка,	Своей неслабою рукой
Но сам-то не истрачен весь.	Посадим мы ещё аллею.
Пашу, пою, хотя незвонко.	И зашумит, и зацветёт
Суровы наши времена.	Она весною соловьиной.
Другие, что ли, понежнее?	Всё, как положено, грядёт:
Усталость, брат, всему вина,	Стихи, и пьесы, и былины.
Но ничего, я справлюсь с нею.	

* * *

О вечности задумался поэт.
Дорога в вечность есть. Я это знаю.
Но друг ушёл туда во цвете лет.
Ушёл, а я по жизни вспоминаю.
Вот соловей летел, запел, упал – расшибся.
Передо мной – разбитое окно.
То ль ветер поиграл? То ль камнем кто решился?
И в комнате свежо. И на столе вино.
И пишется... И сладостны мне строки,
Текущие задумчиво на лист.
Как долго будут жить? У всех есть сроки,
Все смертны. Все ж на время положись.
Останутся? Я рад. Забудутся? Едва ли.
Я – сын земли моей, не худший сын земли.
Я славлю жизнь. Мне хочется, чтоб знали,
О чём мне в жизни пели соловьи...
Вот – тракт, вот – поле. Небо нынче бусо.
Но я живу, пишу, давно проснулся.
Не Пимен я, но летопись не хуже,
Её не год, не два писал всерьёз.
Поймёт народ, что я народу нужен.
Не скоро, но придёт и мой черёд.

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Алина ВАЛГЕ

Венок из васильков

Медвежка жила в берлоге с мамой и папой в глубине леса. Каждый день Медвежка любила плескаться в небольшом озере, возле которого росли душистые травы. Ей нравилось, что шерстка после этого становилась гладкой и блестящей. И радостная Медвежка каждый раз спешила после купания к родителям, чтобы вместе пить чай с кизилковым вареньем и медом. Папа-медведь обычно весело прихлебывал чай, периодически подмигивая подлетавшим к открытому окошку воробьям, подбрасывал им очередную горсть крошек. Мама-медведица пекла блины и то и дело незаметно подкладывала их Медвежке и папе-медведю, стараясь накормить их вдоволь. Медвежка постоянно хихикала, когда папа-медведь начинал по-доброму ворчать на маму, обнаружив на тарелке очередную порцию блинов.

После завтрака Медвежка обычно бежала на поляну гоняться за бабочками и плести венки из васильков. Прибежав в очередной раз на свое любимое место, она обнаружила, что сегодня здесь уже кто-то побывал. Расстроенная Медвежка стала бегать и искать того, кто вторгся в ее владения. Оббежав поляну, она нашла искусно сплетенный венок из васильков и долго вертела его в лапах, восхищаясь все больше и больше. Тут у нее за спиной раздался голос:

– Это мой венок. Отдай, пожалуйста.

Медвежка обернулась и увидела медвежонка с такой же гладкой шерсткой, как у нее.

– Возьми, – ответила она и протянула венок медвежонку. – А ты сам его сплел?

– Сам, – пошаркав лапой по земле, – сказал медвежонок.

– Я тоже хочу такой венок. Ты сплетишь еще один?

– Я могу тебя научить плести такие венки. Хочешь?

– Конечно! – радостно воскликнула Медвежка.

– Тогда приходи сюда каждый день. Я буду учить тебя.

– Хорошо. Я приду завтра.

– Договорились. До завтра, – сказал медвежонок и помахал лапой на прощание.

– До завтра, – ответила Медвежка.

И они разошлись по домам. Медвежка шла и почему-то загадочно улыбалась, предвкушая завтрашний день и вспоминая этого таинственного медвежонка, так внезапно появившегося на ее любимой поляне.

Домой

Сумрак объял холм, на котором в ожидании луны сидел золотистый пёс динго по имени Па. Зябкий ночной ветер предательски пробирался сквозь подшерсток до самой кожи, и динго периодически вздрагивал от холода. Время от времени он чувствовал, что морской ветер приносит чужие запахи рыбацких лодок. Этот запах казался ему отвратительным, так как отдавал дешевым спиртным и запахом немых тел рыбаков.

Па прищурил глаза и перестал дышать в надежде, что запах уйдет, а возможно, и ветер поменяет свое направление. В этот вечер он хотел не чувствовать ничего, а просто погрузиться в свои мысли. И был готов перегрызть глотку любому, кто нарушит его идиллию, даже если это будет ветер. Па ждал луну...

Ночной ветер сгонял облака над морем, словно в отместку за неведомые ему проступки. Ночь предвещала быть темной и мрачной. Внезапно динго почувствовал знакомый до боли запах. Шерсть поднялась дыбом, и в тот самый момент перестало существовать все вокруг. Воспоминания...

Воспоминания раздирали тело изнутри, они бередили разум, вызывали желание бежать без оглядки только для того, чтобы умчаться прочь. И он побежал.

Под лапами мелькали километры пути, ветер все так же предательски приносил случайные неприятные запахи и тысячи песчинок, которые застилали глаза. За динго гнались его мысли, воспоминания, странные человеческие слова, которые он не раз слышал, когда подходил к селениям. К горлу подступала тошнота от всего обилия раздирающей информации, хранящейся в его голове, и он продолжал бежать, пытаясь обогнать все боли вчерашних дней, бежать навстречу новому дню. Динго знал, что где-то на востоке должно взойти солнце, и обжигающие австралийские лучи пронзят его душу, согреют и уничтожат все темное. Он бежал навстречу новой жизни, где солнце будит по утрам золотистыми зайчиками, резвящимися на кончиках шерсти динго. Где небо чистое и звездное, а в полночь из облаков вальяжно появляется серебристая луна и окутывает своим спокойствием скалу на берегу океана, на которой улыбающийся пес, положив морду на лапы будет видеть сны о стремительной погоне за степными кроликами, где он неизменно выходит победителем. И нелепый ветер, наконец, смягчится, наполняя воздух щекотливым ароматом жареного мяса и звуками песен морских сирен.

Динго бежал туда, где будет мягкая подстилка из сухой травы и кусков шкур кроликов, где из пещеры на высокой скале под самым небом можно будет любоваться океаном. Кометы, отражаясь в его серо-зеленых глазах, будут приветливо махать своим хвостом, а улыбающийся пес, щурясь от радости, подергивать кончиком своего хвоста им в ответ.

Динго бежал домой.

Мышка в ромашках

Где-то на белом свете, в маленьком доме на краю леса, жил писатель. Больше всего писатель любил сочинять сказки. И каждый вечер, сидя у камина с листами бумаги и чашкой горячего шоколада, он сочинял новые истории. А вечером к нему приходила мышка. Она усаживалась на столике и ждала окончания сказки, попивая горячий шоколад и рисуя поле ромашек. Мышка очень любила ромашки. Все ее гнездышко было забито ромашками: живыми и неживыми, настоящими и искусственными, бумажными и стеклянными, всякими. Пока писатель сочинял очередную сказку, Мышка представляла себя в огромном поле с ромашками. Что она сидит такая маленькая-маленькая, а кругом пахнет ромашками, и они везде, и за весь день невозможно оббежать это поле. Она купается в них, перемазывается пыльцой, подбрасывает вверх лепестки и радостно бежит под этим белым дождем.

Когда писатель заканчивал писать, Мыша усаживалась к нему на плечо и с наслаждением слушала очередную сказку. Так они проводили каждый вечер.

Однажды Мыша спросила писателя: «А почему ты не напишешь сказку обо мне?» Писатель задумался: «А ведь действительно – почему?».

– Я никогда не думал об этом. Что ж, завтра я обязательно напишу про тебя.

– Здорово! – обрадовалась Мышка и начала прыгать вокруг чашки с шоколадом. – Тогда я побегу, а завтра снова приду к тебе, и у меня будет своя сказка, про меня, и только про меня.

– Да, – ответил писатель, улыбнувшись. – Я напишу отличную сказку про мышку с ромашками. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – пискнула Мышка и убежала к себе.

На следующий вечер она, счастливая, прибежала к писателю, деловито уселась, обняв чашку горячего шоколада, и стала ждать сказку. Писатель же, напротив, не мог спокойно сидеть в кресле. Он то и дело вскакивал, бродил из угла в угол, черкал что-то на листе бумаги, затем комкал его, брал следующий лист – и так весь вечер. Наконец, писатель упал, обессиленный, в кресло у камина, посмотрел на Мышу и сказал:

– Прости... Я не могу написать сказку про тебя.

– Почему? – грустно спросила мышка.

– Потому что ты такая милая и моя самая верная слушательница. Я не хочу, чтобы у тебя была плохая сказка, потому что ты достойна самой лучшей. Может, завтра я снова попробую написать?

– Хорошо. Я приду завтра, – уже веселее сказала мышка и убежала к себе.

Следующим вечером Мыша снова пришла к писателю, но не нашла его в комнате с камином. Она стала бегать по дому и искать сказочника. Забежав в спальню, она увидела разбросанные кругом смятые листы бумаги и спящего на кровати писателя. А на столике, возле кровати, лежал один-единственный листочек, на котором было написано: «В большом-пребольшом поле, которое распростерлось от бесконечной линии горизонта до самого леса, среди огромного числа ромашек сидела Мыша с бело-желтым цветком за ухом, на куче лепестков и маленькой ромашкой в крошечных лапках...»

Книжки – не еда

Однажды зимним утром маленький панда Айра, вертясь в своей кровати и сладко зевая, отгонял лапкой солнечных зайчиков, разыгравшихся на его одеялке. Мама-панда заглянула к нему в комнату.

– Вставай, малыш Айра, солнышко уже давно светит, а ты все лежишь, мой медвежонок.

Мама достала его из кровати и понесла на кухню с огромной верандой. На веранде лежал снег, и маленькие белые мухи кружились в быстром танце, забавляя Айру. Айра звонко смеялся и покачивался в такт этому озорному танцу.

Вообще маленький Айра очень любил книжки. Он не умел читать, но яркие обложки завораживали его. Больше всего ему нравились книжки с картинками. Айра мог часами рассматривать их, аккуратно трогая лапкой красивые цветные рисунки. Яркие краски напоминали ему цветы. Он вспоминал их запах, их нежную пыльцу и чудных бабочек, летавших вокруг

этих цветов. Поэтому Айра иногда нюхал книжки, думая, что они должны пахнуть, как его любимые цветы. Каждый раз он грустно откладывал книжку, понимая, что ее запах не похож на цветочный. Мама-панда подходила к нему и ласково говорила: «Малыш, ты же еще не умеешь читать, зачем ты берешь книжки?» Но маленький Айра был еще слишком крохотный, чтобы понимать, что такое чтение. Он только смотрел на маму большими черными глазками и удивленно хлопал ресничками. И от смущения он начал волноваться. И он неожиданно стал жевать книжку. Больше всего ему понравились вкусные желтоватые странички – ведь они так легко отрывались. С тех пор он стал есть книжки. Мама-панда забирала их у него и убирала в шкаф, но Айра все равно находил их и жевал.

Он ел книжки до тех пор, пока не вырос и не научился читать. И с тех пор он жалел, что съел так много интересных книжек, которые так и не смог прочесть.

Любовь по имени Звезда

Уже миллионы лет на небе каждую ночь загораются звезды: голубые, красные, желтые, белые, серебристые, золотые. Каждую ночь тысячи глаз смотрят на небо, любясь мерцанием огоньков и надеясь увидеть падающую звезду или найти среди миллиона ту единственную, самую красивую и желанную. А в далеком уголке планеты жил щенок. И каждый вечер он выходил на крышу, садился на край и ждал темноты. И каждый раз он долго смотрел в одну точку, желая увидеть одну-единственную звезду.

Эта звезда зажглась задолго до его рождения, да и щенок не сразу стал замечать звезды. Просто однажды звезда засверкала настолько ярко, что щенок не смог не заметить ее, а, заметив, не захотел уже отвести глаза.

Он мечтал, что однажды она заговорит с ним, но каждое утро звезда исчезала, а грустный щенок уходил домой, не дождавшись ни слова. Звезда заметила щенка в одну из ночей, но не придала значения. На следующую ночь она снова увидела щенка, и ей стало интересно, что он делает на крыше вторую ночь, но не решилась спросить. Прошло много ночей, щенок все сидел на крыше, а звезда удивлялась этому. Очередной ночью она не выдержала и спросила:

- Что ты делаешь на крыше по ночам?
- Я люблюсь тобой, – ответил щенок.
- И что? Я хороша? – гордо вздернув нос, спросила звезда.
- Ты восхитительна! – смущенно ответил щенок.
- И сколько ночей ты сидишь на крыше?
- Не помню. Много.
- И чего же ты хочешь от меня?
- Я хочу, чтобы ты была рядом, – с блеском в глазах ответил щенок.
- Глупенький! Я – звезда! Я сияю на небе. А ты всего лишь щенок, который живет на земле. Мы не можем быть вместе, – смеясь сказала звезда.
- Но ведь звезды часто спускаются на землю! – возразил щенок.
- Да, бывает, но я молодая звезда, и мне хорошо здесь, среди звезд, и пока я не собираюсь спускаться на землю.
- Но, возможно, ты изменишь свое решение когда-нибудь. Правда? – почти со слезами на глазах спросил щенок.
- Возможно. А разве ты готов ждать?

- Да, готов.
- А если ждать придется слишком долго?
- Ну что ж. Я буду ждать столько, сколько нужно.
- Тогда жди. А сейчас я пойду. До завтра.
- До завтра.

Наступило утро, и звезда исчезла. В то утро щенок не мог уснуть, он был слишком счастлив от того, что наконец звезда заговорила с ним. Он ждал наступления следующей ночи, чтобы увидеть свою любимую звезду.

Наступила ночь. Щенок снова сидел на крыше, а далекая звезда сияла в небе. Они болтали всю ночь, а под утро расстались до следующей ночи. Так продолжалось очень долго. И каждую ночь щенок просил ее быть рядом, но звезда лишь улыбалась и исчезала в утренней дымке. Шли годы. И щенок неизменно ждал свою звезду, а звезда неизменно исчезала под утро.

P.S. У каждого человека рано или поздно появляется мечта. Настолько неосуществимая, насколько желанная. И человек в погоне за этой мечтой может свернуть горы, может изменить себе, может превратиться в тень, лишь бы желанное стало реальностью. Чем больше человек понимает ее недостижимость, тем более он становится уязвимым. Он балансирует между жизнью и смертью, между рассудком и сумасшествием. Готовый отдать все, он живет ради одного мгновения, ради встречи с мечтой. Но должна ли она осуществляться? Мечта должна оставаться лишь мечтой, ведь если она исполнится, то ему не о чем будет мечтать. И, сидя на голых камнях, держа в руках то самое ценное, он будет осознавать всю ничтожность такого желания. Человек рожден, чтобы летать. И самая далекая звездочка на краю Вселенной и есть конец его полета.

Дикобраз

«Фыр» – недовольно буркнул дикобраз на хихикающих белочек, кидających в него орешками, и пошел в свою норку. Дикобраз шел по тропинке, прихрамывая на одну лапку и думая о чем-то своем, дикобразьем.

Целыми днями дикобраз Хистрикс бродил по лесу, собирая созревшие плоды, а вечерами, уставший, приходил в норку, мазал больную синюю лапку снадобьем из трав, садился у окна с чашкой ароматного чая из лепестков роз и напевал: «С тобой, с тобой я проведу тысячу счастливых дней, тысячу спокойных ночей». Синяя лапка начинала ныть от боли, и Хистрикс уходил плескаться в ванну из лисьев лопуха. Когда роса наполняла ванну, в отражении воды сияла луна. Дикобраз залезал в нее, напевая «С тобой, с тобой я проведу тысячу счастливых дней...».

Свернувшись клубком под теплым одеялом и вдыхая свежий ночной воздух, Хистрикс засыпал. Ему часто снилось, что он стоит на самом большом выступе скалы и поет: «С тобой, с тобой я проведу тысячу счастливых дней, тысячу спокойных ночей», и его голос разносится по всей округе. Ему снилось, что обитатели леса и гор плачут от счастья, когда начинает звучать его нежный голос. Утром он просыпался, завтракал и снова, прихрамывая, уходил в лес на поиски еды, тихонько напевая любимую песню. Хистрикс очень любил музыку. В природе он слышал мелодию, которая не кончалась, поэтому он тихонько пел, вторя этим звукам. Дикобраз и не подозревал, что его голос слушают обитатели леса и гор, а они не говорили ему, боясь, что он от смущения больше не будет петь.

Шли годы, жизнь текла своим чередом, и однажды Хистрикс, собрав свои пожитки, ушел из этого леса. Дикобраз любил перемены, а здесь он прожил уже слишком долго. Ему наскучило это место, одна и та же дорога каждый день, и каждый день постоянно хихикающие глупые белочки. Он ушел в другой лес, и никто здесь его больше не видел. Обитатели сразу загрустили, ведь больше они не услышат поющего дикобраза с синей лапкой. И только беззаботные белочки смеялись, бросаясь орешками и задорно перепрыгивая с ветки на ветку. Но каждую ночь в лесу грустное эхо повторяло старые слова: «С тобой, с тобой я проведу тысячу счастливых дней, тысячу спокойных ночей...».

Сказка про совёнка

Где-то в окрестностях огромной реки наступала темная ночь. Прохладный осенний ветер засыпал под колыбельную старой ели, а маленькие звездочки спросонья протирали еще не раскрывшиеся глазки-щелочки. На ветвях большого дерева тихонько мурлыкала рысь, предвкушая удачную охоту.

Маленький совенок тихонько приоткрыл один глаз. Ночь была лунной. От звука упавшего с дерева листа совенок встрепенулся и выглянул из дупла. Оглядевшись по сторонам, он понял, что опасность ему не грозит, и аккуратно вылез на краешек входа. Полусонный ветер потрепал его перья и улетел к себе в горы. Совенок съежился от холода и начал размышлять о завтраке. Он представлял себе целую полянку мышей, которые в своей возне не замечают опасности, и их можно ловить без особого труда.

На самом деле совенок был настолько очарователен, что пищу ему приносили более взрослые совики, которые млели от одного его вида. Каждая из них мечтала, чтобы у неё были такие же совята, как он: не по годам умные, веселые, пушистые, с совершенно изумительной мордочкой и выразительными зелеными глазами. Так или иначе, совенок уже давно начал размышлять о том, чтобы самому добывать себе пищу и в очередной раз вызвать восхищение у других сов своей ловкостью. Представляя себя ловким охотником, он чуть не свалился с дерева.

В этот момент совенок окончательно проснулся, расправил крылья и полетел к верхушкам деревьев, чтобы размяться после сладкого сна. Сделав круг на фоне луны, он спустился на самую нижнюю ветку высохшей сосны, затих и начал выслеживать добычу. Правда, никакого представления об охоте он не имел и мог лишь довериться своим совиным инстинктам. Внезапно под деревом послышался шорох, и совенок, летя на звук, грациозно спикировал вниз в надежде поймать заветную добычу. Часть ветки отломилась и с треском упала на землю. Мышь-малютка, почуввав опасность, забилась обратно в норку. Совенок растерянно огляделся по сторонам и вернулся на ветку. С соседнего дерева раздался сдавленный смех. Совёнок с интересом глянул туда и увидел упитанную рысь, уплетавшую только что пойманного кролика.

– Что? В первый раз охотишься? – спросила с ухмылкой рысь.

– Если честно, да. Раньше мне не приходилось добывать себе пропитание, – уныло ответил совенок. – А вы же умеете охотиться, тетенька рысь. Научите меня.

– Нууу, – протянула она, опешив от внезапной просьбы. – Я не знаю, что обычно едят совы.

– Мясо. Сейчас я хотел полакомиться чем-нибудь сытным, типа жирной мышкы, чтобы всю ночь не мучиться от голода, – ободрившись сказал соенок.

– Тогда начнем учиться, – вальяжно ответила рысь, дожевывая остатки кролика.

Рысь наострила уши-кисточки и прикрыла глаза. Через некоторое время трава внизу зашевелилась, и рысь прошептала: «Видишь, где находится добыча? Ты должен бесшумно и как можно стремительней прыгнуть вниз, только не забудь выпустить когти и схватить ее. Только учти, что за ней, возможно, придется погоняться. Готов?». Соенок кивнул и кинулся в траву. Толстая и вялая мышь попыталась ускользнуть, но соенок успел ухватить её клювом и отбросить к дереву. Пока мышь не пришла в себя, он бросился за ней, вонзил в серую шкурку острые когти. С трудом поднимаясь в небо от тяжести добычи, он решил сразу полететь к остальным совам, чтобы похвастаться удачной охотой. В тишине ночи среди шума крыльев с высоты донесся его радостный голос: «Спасибо, тетенька рысь! Спасииибо!»

Периодически соенок садился на ветку и клевал мышь, чтобы она не пыталась вырваться, так как лететь ему было далековато. После пятой посадки мышь прекратила дергаться, и он спокойно продолжил свой путь. Подлетев к старой ели, где уже собрались молодые совы со всей округи, он элегантно опустил на ветку и, гордо поглядывая по сторонам, положил добычу.

– Смотрите! Смотрите, какой великолепный охотник наш милый соенок, – зашептались юные совихи.

– Я добыл это для вас, милые дамы. Угощайтесь! – надуваясь от важности, заявил он.

Правда, когда он увидел, как совы стали растаскивать его добычу на куски, вспомнил, что сегодня еще не ел, и загрустил. «Я так и думал, что мне не достанется ни кусочка. Надо было поймать двух мышей», – подумал он.

– Простите, а как вас зовут? – спросил чей-то тонкий голос за его спиной. Он обернулся и увидел симпатичную молоденькую сову с темным пятнышком на лбу.

– Если честно, не знаю, но обычно меня называют милашкой, – улыбувшись, ответил он. – А вас, прелестная дама?

– Можно, мое имя останется втайне? Обычно я не разговариваю с незнакомцами, но вы показались мне хорошим.

– Знаете, я видел много разных сов, но вы кажетесь мне интересной и необычной, а еще очень доброй, – произнес он и, придвинувшись к ней поближе, спросил:

– А хотите, я вам расскажу, как поймал эту мышь?

Сова кивнула своей большой головой, моргнула огромными глазами, и он начал смущенно рассказывать об охоте, больших и толстых мышях и о своей мечте.

Небо начинало светлеть, а соенок и молодая сова все еще болтали о своих приключениях и мечтах, прижавшись друг к другу. Их глаза потихоньку закрывались, но время замедлялось, понимая, что этот разговор очень важен для обоих. Они расстались, когда первые лучи солнца стали прогонять остальных сов, и соенка позвали помочь с утренней охотой, а она полетела домой, думая о том, что познакомилась с самым очаровательным существом на земле.

Утро Ежонка

Однажды весенним утром солнышко заглянуло в окно к Ежонку и начало щекотать озорным лучом его черный нос. Ежонок недовольно фыркнул от такой неприятной ему шалости, перевернулся на бочок и стал сладко зевать, не желая прогонять остатки сна. Зевнув уже в десятый раз, Ежонок, фыркая, поднялся с кровати и потопал к раковине. Вода была холодной, и Ежонок, в очередной раз фыркнув и окончательно проснувшись, начал плескаться. Вскоре закипел самовар, и, заварив ромашку в чайнике, ежонок начал накрывать на стол. Неожиданно в дверь кто-то осторожно постучал. Оказалось, что пришел Кролик. Кролик, надо сказать, был хорошо воспитан и никогда не приходил в гости без предупреждения, но в этот раз пришел совсем неожиданно.

– Доброе утро, Ежонок! – смущенно сказа Кролик и протянул Ежонку букет цветов.

– Привет, Кролик!

– Знаешь, Ежонок, я проснулся утром, и мне очень захотелось погулять. Я шел через лес и увидел красивую полянку с цветами. Они были настолько восхитительны, что я решил подарить их кому-нибудь, и первым на ум пришел ты, Ежонок.

– Спасибо, Кролик! – радостно сказал Ежонок. – Мне еще никогда не дарили таких красивых цветов.

– Не за что. Я пойду. У меня еще очень много дел. Прощай.

– До свидания, Кролик, – прошептал Ежонок и уткнулся своим носом-бусинкой в букет.

Кролик ушел, а Ежонок еще долго стоял на пороге и махал лапкой вслед удаляющемуся Кролику.

Утро уже заканчивалось, а Ежонок все стоял на пороге, обнимая букет. «Какие приятные неожиданности иногда происходят», – подумал Ежонок, и, радостно подпрыгивая, побежал наконец-то пить чай.

Светлана РАДАЕВА

КОТ, ИДУЩИЙ ПО РАДУГЕ *Сказочная повесть (отдельные главы)*

Волшебный сон

Небо посветлело. Из серого оно стало прозрачным, а потом – лазурно-голубым. Края столпившихся у горизонта облаков зарозовели и вдруг оказались золотисто-желтого цвета. Первый солнечный луч упал на белые деревья. Второй – на козырек крыши, укрытый пушистым снегом. Третий, четвертый и пятый полетели к сверкающим окнам многоэтажного дома. И, наконец, шестой луч протиснулся между задернутых штор и плюхнулся на Кирину подушку. Но Кира повернулась на другой бок. В конце концов, человек, который ухитрился закончить первое полугодие с одними пятерками, имеет право полениться и поспать подольше!

Луч заелозил и переполз Кире на кончик носа. Кира, не просыпаясь, натянула на голову простыню. А пока луч нетерпеливо разгуливал по простыне в поисках парадного хода... и черного хода... и просто какой-нибудь дырочки... Кира уже вовсю смотрела новогодний сон.

Перед ней стоял самый настоящий Дед Мороз: с усами и бородой, в длиннющей белой шубе и в валенках, расшитых золотыми и серебряными снежинками. За спиной у Деда виднелся завязанный мешок. А в руках он держал посох, озаренный сказочным светом.

– Что тебе подарить на Новый год, Кирочка? – спрашивал зимний волшебник. – Я видел твой дневник. Можешь выбирать себе любой подарок, какой захочешь. Праздничное платье... – тут Дед Мороз негромко стукнул посохом о землю.

Зазвенели хрустальные колокольчики – и перед Кирой в воздухе повисло сияющее платье. Сотканное из множества крохотных звездочек, платье шелестело и весело махало девочке атласным поясом.

– Хрустальные туфельки... – посох снова стукнул о землю.

И вокруг Киры сами собой запрыгали изящные туфельки. Украшенные чудесными камушками туфельки выстукивали каблучками задорную мелодию.

– Елку из моих владений...

Откуда ни возьмись, прилетела елка: пушистая, зеленая, с ярко-алой звездой. А какие на ней висели гирлянды, какие игрушки!

У Киры глаза разбежались, она открыла рот, но сделать выбор оказалось так трудно!

– Может, ты хочешь сани-самоезды? – спросил Дед Мороз. – Или даже мой волшебный талисман?

– А... подарок может быть только один? – наконец выговорила Кира.

Волшебник сдвинул мохнатые брови:

– Тебе разве мама не говорила...

– Говорила. Жадничать – нехорошо, – быстро сказала Кира. – А тогда... Можно мне кота?

– Кота?

– Только настоящего. Живого. Такого, чтобы был добрый, умный, красивый и чтоб с ним – не соскучишься.

– Ты, я вижу, животных любишь, – похвалил Дед Мороз. – Молодец!

– Так можно?
– Да, пожалуйста! – сказал волшебник. – Сегодня Новый год, сегодня – всё можно.

Дед Мороз опустил свой мешок с подарками – мешок оказался большой-пребольшой, больше Киры – развязал на мешке тесемки и полез в него...

Кира даже дыхание затаила.

И тут раздался громкий дребезжащий звук.

Ну, кто, скажите, выдумал эти вредные будильники?

А главное, почему они всегда звонят на самом интересном месте?!

Происшествие в зачарованном парке

Сидеть дома в такой чудесный день было бы самым скучным занятием на свете! Да, это было просто невозможно. Поэтому Кира облачилась в теплую кофту и джинсы, залезла в шубу, шапку и сапоги, сунула руки в варежки и отправилась на прогулку. Накануне в городе бушевал сильный ветер, а после случился потрясающий снегопад. Какие уж тут прогулки! Зато теперь Кира вдоволь насмотрелась на огромные сугробы, превратившиеся в снежные тропинки тротуары и облепленные снегом деревья. Все выглядело каким-то необыкновенным, не таким, как раньше. Но вместе со всей этой красотой на улице становилось все холоднее и холоднее, и скоро Кира поняла, что ей тоже становится холодно. А ведь она еще не побывала в своем любимом старом парке!

Прикрывая нос варежкой, Кира упрямо направилась дальше.

Парк стоял пустой и безмолвный, никому и в голову не пришло идти сюда сегодня.

Кира миновала кирпичную арку и в изумлении остановилась. Вот это да! Теперь это не парк, а самое настоящее зачарованное место! Деревья, по пояс утопавшие в снегу, выглядели точь-в-точь как причудливые белые скульптуры и колонны, словно Кира попала в сказочный замок. Пни – это заросшие длинной седой бородой гномы, заметенная карусель – причудливая колесница, свисающие с деревьев одетые в иней прошлогодние листья – волшебные фонарики. Вот здорово!

Плохо только, что в парке не осталось ни одной тропинки. Впрочем, бескрайний мигающий радужными вспышками пушистый ковер под ногами был куда красивее. И его тут же украсили цепочки Кириных следов.

Кира знала, что в центре парка растет огромное старое дерево, крона которого усыпана аккуратными маленькими шишечками. Но только это не сосна и не ель. Потому что на зиму дерево всегда сбрасывало свои иголки.

Надо обязательно посмотреть, не повредило ли дерево ветром. А может, ветер ухитрился сдуть с ветвей несколько хорошеньких шишечек? Тогда можно будет повесить их дома на новогоднюю елку...

А еще, на прошлый Новый год, Кира умудрилась найти под деревом овальный плоский камушек размером с медальон. Камушек был молочного цвета и прозрачный, как льдинка. А если посмотреть сквозь него на солнце – внутри возникнет клубящийся кусочек тумана.

Как знать, вдруг на этот Новый год тут тоже что-нибудь отыщется?

Но приблизиться к дереву Кира не смогла – дорогу преграждал толстенный тополь, поваленный бурей. Он растопырил свои мощные ветви на полполяны. Ничего себе, дерево! Кира подошла ближе, потрогала шершавый ствол и удивилась, как это ветер уронил такого исполина. Да через

него не то что перешагнуть – даже не перелезть. И случилось же ему упасть именно здесь!

Кира прошлась вдоль ствола. Потом попрыгала, чтобы согреться...

И тут внизу, под ветвями упавшего тополя, зажглись два ярких золотисто-зеленых фонаря с янтарными искорками. Фонари моргнули, еще раз... и устались прямо на Киру.

Какое-то время Кира и неизвестное существо смотрели друг на друга.

– Да это же кот! – удивленно сказала Кира.

Так оно и было. Кот застрял под ветвями и никак не мог выбраться самостоятельно. Он уже оставил тщетные попытки скрести и царапаться и просто мерз от ушей до хвоста, весь покрытый снегом.

– Не бойся, – сказала Кира. – Сейчас я тебя освобожу.

Сказать это было легко, а вот сделать – не так-то просто.

Сперва Кира пыталась отломить мешающие ветви, но у нее ничего не вышло.

– Эх, каши надо было больше есть, – проворчала Кира. – И зачем я бабку не слушала? Ладно, попробуем по-другому.

И Кира стала отодвигать ветви в сторону.

– Ну да, размечталась! – пропыхтела она. – Просто не дерево, а гора какая-то... Интересно, под деревом снег такой же мягкий? Сейчас проверим!

Опустившись на корточки, Кира принялась разгребать снег. Скоро руки девочки обнаружили твердый ледяной наст. Какой уж тут подкоп!

– Вот бедняга! – сказала Кира коту. – Да ты, наверное, совсем замерз здесь торчать. Эх, лучше б тебе достался какой-нибудь мастер спорта, чем я! Он бы это дерево одним махом – раз и...

С этими словами Кира вцепилась в крепкий сук, поскользнулась и всей тяжестью повисла на ветвях. Зато сук, наконец, сдвинулся, образовав просвет, и довольный кот выскочил на свободу.

– Ну, вот и все! – заключила Кира. Дерево качнулось – видимо, они с котом нарушили равновесие, и через секунду Кира поняла, что лежит в сугробе. – Опять не угадала!

И тут же почувствовала: кот настойчиво тянет ее за подол шубы.

– Эй, ты чего? – удивилась Кира. – Вытаскиваешь меня из сугроба? Вот спасибо! А я думала, ты уже давно убежал. Тогда я сейчас выберусь – и мы с тобой познакомимся.

Кира на четвереньках вылезла из сугроба и оказалась нос к носу с котом.

– Привет! – сказала она ему. – Меня зовут Кира.

Кот сел на снег, поднял правую переднюю лапку и протянул Кире.

От неожиданности Кира сама села в снег. Конечно, она знала, что есть кошки, которые умеют подавать лапку и выделывать разные фокусы. Но кота, который подает лапку, когда с ним знакомятся, девочка не встречала ни разу. Чтобы не показаться коту невежливой, Кира протянула в ответ свою руку в варежке.

Только теперь она его хорошенечко рассмотрела.

Да, вот это был кот так кот! Всем котам кот. Огненно-рыжий, словно солнце, с пышными усами, завивающимися на концах. Глаза были нахальные и умные одновременно, а хвост – длинный и пушистый, в совершенно немыслимую бело-рыжую полоску. В довершение ко всему, на лбу у кота сидело белое пятнышко в форме полумесяца. А на ушах заодно торчали кисточки. Что же касается веса и размера – то кот легко мог посоревноваться с упитанной собачкой.

– Вот это да! – сказала Кира и даже глаза протерла. – У нас по городу бегают новая порода, а я и не знала! Ой, – спохватилась она, – а что, если он ко мне привяжется? Его же дома потеряют! И расстроятся. Я бы, например, ужасно расстроилась. Хотя, если бы у меня был такой кот, я бы его не отпустила без присмотра.

Тут Кира встала и сказала коту:

– Беги домой! Ну, чего ты на меня смотришь? Ты где живешь?

Кот невозмутимо обошел вокруг Киры, заглянул ей в глаза и уселся на сапог, как будто так и надо.

– Ты должен пойти домой, – сказала Кира коту. – Понимаешь?

Кот фыркнул.

– Не хочешь? А может, ты заблудился?

При этих словах кот умильно потерся мордочкой о Кирины брюки.

– Так тебе жить негде? – воскликнула Кира. – И ты замерзаешь на улице?

А знаешь что? Пошли ко мне! Хочешь? Я дам тебе молока.

Кот встал с Кириных сапог, поднял хвост трубой и оглянулся на девочку.

– Ну что, идем? – вопросительно шевельнулись уши с кисточками.

Кира захлопала в ладоши:

– Идем!

Новогодний кот

Кира в сопровождении удивительного кота прошла по заснеженным тротуарам и свернула к дому. На лифт кот покосился с неодобрением. Пришлось топать пешком на седьмой этаж. Наконец Кира вынула ключ, открыла дверь и запустила кота в прихожую. Тут только она обратила внимание на появившиеся на полу следы грязных кошачьих лапок. И земля, и даже прилипшие травинки. Причем не сухие, а зеленые.

– Ты где бегал? – удивилась Кира. – На всех улицах снег лежит, не запачкаешься.

Кот с сомнением фыркнул и задорно покосился на Киру лучистым глазом.

– Понимаю: кошки гуляют сами по себе. Так? Но вот вымыть лапы после улицы все-таки придется. Кстати, заодно и погреешься. Сиди здесь, я сейчас.

Девочка сбегала, принесла мамин старый таз с облупившейся краской – для грязных хозяйственных работ, и сунула его коту под нос. На этот раз кот фыркнул с неодобрением и отвернулся.

– Тебе что, таз не нравится? Странно. Я почему-то думала, что котам все равно... Придумала! Сейчас принесу тебе таз на выбор. Так что кончай дуться, Пушистик!

«Таз на выбор» закончился тем, что из четырех предложенных тазов кот выбрал фаянсовый с цветочками (мамин любимый), залез туда и развалился, встопорщив усы. Вид у него был жутко довольный. Кира преспокойно смогла влить в тазик семь ковшиков с теплой водой. Кот и ухом не повел.

Кира удивиться не успела – в зале «грянул» телефон. Сперва подпрыгнула трубка, потом – вазочка с конфетами и кот в тазике.

Кира поспешила снять трубку.

– Кира! – сказал папин голос. – Ты почему так долго не подходила? Я уж подумал, что телефон сломался.

– Нет, он не сломался. Просто это я гуляла. У меня же сегодня первый день каникул!

– Чуть не забыл тебя поздравить! – спохватился папа.
– Спасибо. Мама меня уже поздравила.
– Мама звонила?
– Она сказала, что вернется к Новому году.
– Ура!
– Еще бы!
– Кстати, чем ты там занимаешься? Тебе не скучно?
– Ни капельки. Да, пап, теперь нам с тобой будет веселее.
– Это почему?
– Потому что у нас теперь есть кот. Настоящий. Живой.
– А где ты его взяла? – удивился папа.
– Я его нашла. Даже спасла... Пап, пожалуйста, пусть он у нас поживет. Можно, это будет мой Новогодний кот? Я уже сейчас мою ему лапы.
– Ну, если уже моешь... тогда можно.
– Спасибо, пап!
– Да, вспомнил! Кира, дружок, ты не сходишь за хлебом? Если наш кот не обидится.
– Я с ним договорюсь, – заверила Кира. – Пока, пап! Я пошла мыть кошачьи лапы.
– Пока! Привет коту.
Кира положила трубку и вернулась в прихожую.
Кот блаженствовал в тазу с теплой водой. Он даже глаза прижмурил от удовольствия.
– Тебе привет от папы, – сказала Кира. – Папа сказал, ты можешь жить у нас, сколько хочешь, когда лапы помоем.
Кот не возражал. Он по очереди протягивал Кире лапы – Кира уже привыкла.
Когда с мытьем было покончено, она вылила воду из тазика. Потом тряпкой собрала с пола землю и вытряхнула ее в горшок с кактусом. Ушла за полотенцем – а когда вернулась, оказалось, что кот уже совершенно сухой!
Пока Кира стояла с полотенцем, раздумывая, кого же ей теперь вытирать, кот прошествовал в зал. Осмотрелся. Понюхал воздух. И направился прямым ходом на кухню.
– Ой! – сказала Кира. – Я же обещала дать тебе молока!
Как выяснилось, кот успел облюбовать для себя фарфоровую пиалочку. Что же касается пластиковой тарелочки – то на нее он ни в какую не желал соглашаться.
Кира налила молоко и сказала:
– Ты пока пей, а я схожу за хлебом. Не скучай, Пушистик! И смотри тут, не безобразничай без меня.
Кот, наруливая хвостом, пил молоко. Вот и пойми этих котов! Согласен он или нет? «Если не фыркает – значит, согласен», – решила Кира.

«Я – не Пушистик»

Кира пулей слетала в ближайший магазин и обратно. Ей было ужасно интересно узнать, чем там кот занимается в ее отсутствие. И она решила потихоньку зайти в квартиру и подгляднуть – одним глазком.

Вместо лифта Кира снова отправилась пешком по лестнице. Ведь лифт жутко гроыхает и скрипит, пока едет – какое уж тут «потихоньку»!

Дверь Кира тоже открывала очень-очень осторожно, стараясь не звякнуть ключами. Наконец ей это удалось, и Кира очутилась в сумраке при-

хожей. Она поставила на пол пакет, прислушалась и стала снимать сапоги. Пока Кира пробовала бесшумно расстегнуть замки, откуда-то послышался такой сочный бархатистый голос:

– Пушистик – ну и имечко! Хотя... Да, я – пушистый. Но Пушистик – это не про меня!

«Может, я радио забыла выключить? – гадала Кира. – Но я ведь вроде его сегодня не включала... Может, это папа раньше вернулся с работы и включил? Тогда почему радио в зале, а голос идет из моей комнаты?»

– Да, вот здесь отлично видно, что я – пушистый, – говорил голос. – И даже симпатичный... Надо же, у меня здесь вполне представительный вид! Интересно, а это шкафное зеркало может еще что-нибудь показывать или только меня?

Кира не выдержала и на цыпочках прокралась через зал. Голос продолжал:

– Ну-ка, зеркало, покажи мне, куда я попал! Я что, непонятно говорю? Или тебе жалко? Вот жадное зеркало! А может, оно неправильное? Ну да, бывают же такие зеркальные сони... А когда зеркало спит, оно может показывать только то, что рядом с тобой, и ни на пол-уса дальше. Ладно, хоть меня показывает! А что это там такое красивое на подоконнике? Надо понюхать. Да, пожалуй, вполне можно носить за ухом. Наверное, эти цветики специально и выращивают, чтоб носить за ушами. Осталось выбрать, какой самый подходящий. Так, фиолетовый мне не подходит, розовый – не мое, значит, возьму белый...

Тут Кирино терпение лопнуло. Забыв, что она хотела подкрасться незаметно, Кира с криком:

– Нет! Не смей трогать мамины фиалки, кто бы ты ни был! – влетела в комнату.

Здоровенный рыжий котяра, восседающий на подоконнике рядом с горшочком белых фиалок, протянул Кире переднюю лапку:

– Не шуми, не трогаю – вот, видишь! И попрошу не кричать. Не выношу, когда на меня кричат!

Кот с Кирой уставились друг на друга.

Потом Кира сказала:

– Переучилась. И как мама догадалась? – и села на пол посреди комнаты. – Интересно, почему люди понимают, что они переучились, только когда коты с ними разговаривать начинают?

На всякий случай Кира посмотрела на свое отражение в зеркале и сказала:

– Коты не разговаривают. Они только мяукают.

– В жизни ничего более глупого не слыхал! – заявил кот с подоконника. – «Коты не разговаривают, они только мяукают»! Кстати, а как это – мяукать?

– Это... Это когда говорят «мяу»...

– А что значит это «мяу»?

– Что значит «мяу»?

– Это я спрашиваю у тебя!

– Э... Не знаю... Этого никто не знает. Оно всегда значит что-нибудь разное. Коты говорят «мяу» и когда скучно, и когда хотят есть, и когда сердятся, и когда радуются...

– Всего одно «мяу»? Смешно! А зачем вообще говорить «мяу», когда можно просто сказать, что ты хочешь есть? Кстати, когда в этом доме ужинают?

– Когда папа придет с работы...

Тут Кира замолчала и попробовала собраться с мыслями.

– Наверное, я простудилась на улице, – сказала вслух Кира. – И у меня температура. А может, это грипп?

– Кто – грипп? Это я – грипп? – спросил кот.

Кира посмотрела на него и сказала:

– Я тебе сейчас докажу, что говорящих котов не бывает. Это температура.

– Ага, размечталась!

– Нет, ты послушай! – очень убедительно сказала Кира. – Во-первых, ты – мой кот Пушистик. Во-вторых, во всем мире ни разу не было случая, чтобы кошка сказала хоть одно слово. В-третьих, ты – кот, а не попугай. В-четвертых – я сейчас себе градусник поставлю...

Кира вскочила и бросилась за градусником. Кот, легко спрыгнув с подоконника, шел за ней следом, поводил длинным полосатым хвостом и рассуждал:

– Не понимаю, что здесь непонятного! И вообще, может, хватит ругаться? То гриппом обзовут, то температурой... Это просто невежливо! Я обижусь.

Кира торопливо сунула градусник под мышку.

– Вот сейчас мне покажет 40 градусов – и говори, что хочешь! А пока я тебя даже слушать не буду.

– Это почему еще? – возмутился кот. – Я же тебя слушал. Между прочим, не перебивал. Хотя ничего более возмутительного, клянусь усами, не слышал! Во-первых, я не Пушистик какой-то там. Я – Тимка. Во-вторых, не знаю, как тут, у вас, но у нас точно не было ни одного случая, чтобы кошка молчала. Кошки, между прочим, иногда дают совсем не плохие советы. Недаром Совет Семи Мудрецов состоит из кошек, а точнее – из котов!

Кира вытащила градусник и посмотрела его на свет:

– 36 и 6...

Кот, между тем, не умолкал:

– Я тебе докажу, что у тебя неправильное мнение о кошках!

Кира положила бесполезный градусник. Она уже не знала, плакать ей или смеяться. Стоит она в зале у шкафа, рядом сидит говорящий кот, и они оба что-то друг другу доказывают!

– Стоп! – воскликнула Кира. – Придумала! Сейчас я папину видеокамеру принесу.

Кира кинулась за камерой. Конечно, папа не разрешал брать ее без спросу, но тут – случай особый! Кира включила камеру, поднесла к коту и приказала:

– Пушистик, смотри вот сюда и говори!

– Сколько можно повторять, что я – не Пушистик. Я – Тимка. Да, конечно, я – пушистый. Но у меня и имя есть!

– Готово!

Кира нажала кнопку «Воспроизвести». На экранчике появилась усатая мордочка с белым пятнышком в форме полумесяца.

– Это кто? Я? – удивился Тимка.

– Помолчи, пожалуйста, – нетерпеливо сказала Кира. – А ну-ка...

– А как я туда попал?

– Ой, молчи! – воскликнула Кира.

Тем временем Тимкина копия в видеокамере тем же голосом произнесла:

– Я – не Пушистик. Я – Тимка...

На этом месте Кира выпустила камеру из рук, и она с печальным стуком упала на ковер. А сама Кира снова села на пол.

– Ну вот, доигрались! – сказала девочка, увидев валяющуюся камеру с потухшим экраном. – Папа с работы придет – нам такое будет...

– Что будет? Колбаса?

– Нагоняй хороший будет, – мрачно сказала Кира. – Мы с тобой его точно заслужили. Я – за то, что тебе не верила. А ты тоже хорош! Не мог осторожнее признаваться, что разговаривать умеешь! Ты почему сразу этого не сказал?

– Ну, ты даешь! – на Киру смотрели удивленные зеленые глазищи. – То говоришь – осторожнее надо было, то – сразу! Может, я тебя пугать не хотел?

– А с чего ты взял, что я испугаюсь?

– Очень просто. После того как я поблагодарил одну бабушку...

Кире стало любопытно:

– Какая еще бабушка?

– Хорошая такая бабушка. Шла себе по тротуару мимо парка, ну и услышала, как я там царапаюсь, выбраться пытаюсь. Увидела меня и говорит: «Ах ты, бедолага! Подожди, сейчас позову кого-нибудь, и мы тебя вытащим». Я только и успел ей сказать: «Спасибо, буду очень признателен!» А она сразу как дунет по сугробам! Я думал, она за помощью. Ждал-ждал... Не дождался. Вот и решил молчать.

– Как я эту бабушку понимаю!

Кира подобрала видеокамеру, понажимала кнопки.

– Сломалась... Уж лучше б мы вазу разбили, чем папину видеокамеру! Что я папе буду говорить? Не представляю... Он так радовался, когда эту камеру купил!

– Хочешь, я тебе совет дам? – предложил кот. – Скажи всё, как есть. Уверен, я твоему папе понравлюсь. У меня куча талантов! Папа мне обрадуется куда больше, чем какой-то камере.

– Это чтоб я папе доказывала, что коты умеют разговаривать? Ну уж нет! Меня на обследование отправят, а тебя ученым сдадут. Для опытов.

– Это что еще за опыты?

– Тебе этого лучше не знать... И папе лучше не знать про все твои таланты!

Кот подумал и вздохнул:

– Все понятно. У вас тут котов совершенно не уважают. Того и гляди, на лапу наступят. Или на хвост. Или накормить забудут. Кстати, папа с работы скоро придет?

Кира поглядела на часы и подпрыгнула:

– Да он уже, наверное, к дому подходит... Сейчас в дверь позвонит!

– Ур-р-р! Ужинать будем!

– Ты еще можешь думать об ужине? – возмутилась Кира.

– Об ужине всегда надо думать, – заявил кот. – Особенно если ты провел весь день на одном молоке. А что тут дают на ужин?

– Нагоняй за сломанную видеокамеру...

– Распушись пушистики, у вас эта видеокамера даже главнее ужина? Ладно, ради ужина можешь сказать, что это я ее уронил.

– И запрут тебя в ванную на всю ночь, – вздохнула Кира.

– Это зачем это?

– В воспитательных целях.

– Ничего себе, клянусь усиками! У вас всегда так по-дикому воспитывают?

– Ну...

– Ясно, сейчас придет папа и запрет тебя в ванную на всю ночь. Без ужина. Ну-ка, дай мне взглянуть на эту шерстчатую камеру! И побыстрее.

Кира послушно положила камеру перед котом. Тот сел, обернул хвостом лапы, распушил усы и замер.

– Ну, вот видишь – она не работает!

– Конечно, она работает, – спокойно заметил кот.

Кира удивленно уставилась на экранчик – он светился как ни в чем не бывало! Кира осторожно взяла камеру, для проверки нажала несколько кнопок...

– Положи на место, – вмешался кот снизу. – А то опять сломаешь!

От удивления Кира не нашлась, что сказать, убрала камеру на полку и вспомнила:

– А ты откуда умеешь камеры чинить?

Кот поднялся, хвост трубой и сказал:

– У нас коты и не такое умеют.

– И разговаривать тоже умеют?

– Разговаривать у нас все умеют.

– Я вот всё думаю, – сказала Кира, – что это за место такое?

Кот спину дугой выгнул:

– У нас все разговаривают, с кем хотят, а ты мне запрещаешь со своим папой разговаривать! Я обижен.

– Ну, ты же сам говорил, что у тебя куча талантов, – попробовала схитрить Кира. – Чем умение молчать – не талант?

– Значит, вот так? Ну, я докажу тебе, что у меня есть этот талант!

– Вот и хорошо.

– И попрошу ни о чем меня не спрашивать. Я тебе все равно ничего не стану рассказывать. Даже и не надейся!

Кира вздохнула.

Тимка ужинает

– Ну, как вы тут с котом поживаете? – спросил папа, когда дочка открыла дверь.

– Замечательно, – сказала Кира. – Я ему лапы вымыла и молока дала... И хлеба я тоже купила.

– Молодцы! – сказал папа. – Хорошо хозяйничаете!

Папа разделся и пошел мыть руки.

– Ну что, ужинать будем? – спросил кот, когда Кира вошла в зал.

– Тс-с! – шикнула Кира. – Сиди тихо! Что я папе скажу? Что сама с собой разговаривала?

– Не с собой, а со мной!

– Ой, молчи! – сказала Кира. – Неужели это так сложно?

– Да уж посложнее, чем чинить вашу шерстчатую видеокамеру, – обиженно заявил кот. – Между прочим, мне даже «спасибо» не сказали! Всё молчи да молчи... Да у вас тут скоро совсем разговаривать разучишься!

В ванной скрипнула дверь. Кира посмотрела на кота. Кот – на Киру.

– Ладно, молчу, – проворчал он. Свернулся клубочком и добавил: – А то папа сейчас услышит, развернется, дунет отсюда вниз по лестнице – и остались мы без ужина!

Тут появился папа.

– Кира, зови кота – будем знакомиться!

Потом перевел взгляд на пушистый рыжий «клубок», лежащий на ковре:

– Так это он?
– Э... да, – осторожно сказала Кира.
– Наш Новогодний кот?
– Ну да, – сказала Кира.
– Я думал, он будет поменьше... Надо же, сколько живу, а таких котов ни разу не видел! – поразился папа. – Ну, просто кот ученый! Как у Пушкина. Он случайно сказки не говорит?
– Пап, ты чего?
– Это я так, шучу. Ты ему имя уже придумала? Пушок там или Барсик?
– Вообще-то его зовут Тимка...
– Ну что, Тимка, пошли ужинать! – сказал папа. – А ты, Кира, иди мой руки.

Руки Кира, если честно, вымыла кое-как. Боялась, что кот чего-нибудь начудит. Но когда она появилась на кухне, из-под стола, где стояла Тимкина миска, торчал только кончик пушистого хвоста в бело-рыжую полосочку. И на том спасибо.

На ужин были спагетти. Потому что пельмени закончились, а вареники уже надоели.

Не успела Кира сесть на свою табуретку, как почувствовала, что кот барабанит ей лапой по ноге. Кира покосилась на папу и заглянула под скатерть:

– Тебе чего?

Кот сидел, склонив голову набок и встопорщив усы, деловито нюхал спагеттину:

– Это что?

– Еда.

– А колбаса где?

– А это и есть такая колбаса. Новый вид, понимаешь?

– Кира! – сказал папин голос. – Пусть кот спокойно ужинает.

Кира послушно выпрямилась и намотала спагетти на вилку.

Если б только кот умел спокойно ужинать!

Не успела Кира намотать спагетти во второй раз, как снизу уже раздалось:

– А почему так мало?

Папа удивленно поглядел на Киру:

– Тебе добавки положить? Но ты ведь еще этого не съела.

– Это я так... про запас, – сказала Кира, чтобы хоть что-нибудь сказать. – На всякий случай. Например, вдруг свет выключится...

Стоило Кире произнести эту фразу, как слова немедленно сбылись: свет и правда выключился, и на кухню с улицы проникли зимние сумерки.

– Ой! – сказала Кира, пытаясь разглядеть на столе тарелку со спагетти. – Пап, как мы теперь есть будем?

– А я уже поел. И даже чаю выпил, – ответил папа. – погоди, сейчас я тебе фонарик принесу. Кира, нельзя же так тихо есть!

Едва папа покинул кухню, как перед Кирой зажглись кошачьи глаза:

– Твой папа прав. Кстати, где моя добавка про «запас»? Раз свет выключился – я имею право ее получить!

– Слушай, – подозрительно спросила Кира у кота. – Ты случайно свет выключать не умеешь?

– Я тебе уже говорил, что на твои вопросы отвечать не намерен! – напомнил кот.

Тут папа принес фонарик:
– Давай ешь – и спать.
Под столом воцарилась тишина.
Кира доела спагетти, выпила чай... И услышала какие-то странные звуки.
– Эй, ты что там делаешь?
– Ужинаю, – ответили из-под стола.
Кира взяла фонарик и осветила им вниз. Под столом стояла большая кастрюля со спагетти и сидел Тимка – чистил усы. Кира бы рассердилась, но это выглядело так забавно!
– Знаешь, – сообщил кот, – эта новая колбаса на колбасу совершенно не похожа... Но что-то в ней определенно есть!
– Ты хоть кастрюлю верни!
– Пожалуйста! – кот пододвинул кастрюлю лапой.
Кира взяла кастрюлю, заглянула в нее и ойкнула.
– Ну, что еще? – спросил кот.
– Но ведь тут пусто!
– А ты разве не знаешь, что после того, как поедят, остается пусто?
– Теперь знаю... Вот бы тебя моей бабушке вместо внука! А то она вечно: скушай ложечку кашки, тарелочку картошки, выпей чаю с пирожками и булочками...
– Думаю, мы бы легко договорились, – заверил кот. – Пожалуй, я с твоей бабушкой с удовольствием познакомлюсь! Я так люблю, когда кто-нибудь говорит: «Тимка, скушай колбаску, выпей молочка с котлеткой! Приятного аппетита, Тимка!»
– Приятного аппетита, Тимка! – сказала Кира.
– Спасибо. Вот теперь можно и поспать...
Кира хихикнула:
– После сытного обеда по закону Архимеда полагается поспать!
– Мировой закон, между прочим. А после ужина – вдвойне. Чего смеешься?
– Кира, неужели ты еще не поела?
Это папа из зала. Сонным голосом.
– Уже поела!
Кира в сопровождении кота отправилась к себе.
– Спокойной ночи, папа!
– Спокойной ночи, Кира!
В Кириной комнате кот огляделся:
– Так, а где мое спальное место?
Кира задумалась.
– Залезай на кресло. Там мягкие подушечки, тебе будет удобно... Ой!
Говоря с котом, Кира воткнулась коленкой во что-то твердое. Раздалось «Дзинь!», потом «Бряк!»
– Может, все-таки включишь свет? – не выдержала Кира.
– Зачем? Кошки прекрасно видят в темноте.
– Да, но я не кошка!
– Конечно. Не всем же быть кошками...
– Тимка!
– Ну ладно, свет!
Люстра зажглась под потолком всеми лампочками. От неожиданности Кира зажмурилась и принялась тереть глаза.
– Ну, я же говорил, что раньше было лучше!
Кира посмотрела в щелочки между пальцев:

– Как ты это делаешь?

Но кот уже уютно сопел на кресле, расправив усы и откинув хвост. На Кирин вопрос он то ли предпочел не отвечать, то ли так крепко спал, что не услышал. Кто его знает?

На полу у Кириных ног валялся многострадальный будильник. Кира подняла его, осмотрела – будильник и на этот раз уцелел! – и задумалась: умеет ли Тимка чинить будильники? Да и вообще, после такого дня действительно было о чем задуматься. Хотя бы о том, откуда Тимка взялся?

Честно говоря, глаза у Киры слипались, а в голове была «каша»: и мамин звонок, и Тимкина болтовня, и заснеженный парк, и папина видеокамера... Целую неделю ничего особенного не происходило – и тут...

Может, потому что наступают предновогодние дни? А они-то уж точно не похожи ни на какие другие.

Как Кирин сегодняшней сон абсолютно не походил на все прошлые Кирины сны.

Поэтому перед тем как лечь в постель, Кира подошла к окну и постояла перед ним, высматривая в темноте что-нибудь волшебное. Но ничего такого, кроме горящих фонарей и пролетающих снежинок, там так и не увидела. А может, на сегодня волшебства с нее и правда хватит?

Хотя нет – интересно, что ей сейчас приснится?

Кира забралась на кровать, закрыла глаза и стала ждать.

Но в этот раз Дед Мороз не спешил приходить в ее сон. Наверное, у него было много работы. Ведь на свете столько ждущих чуда мальчиков и девочек...

Место для Радужника и волшебные слезинки

Проснулась Кира не сама. Ее разбудил какой-то шум. У нее в комнате кто-то ворчал. Точнее – не ворчал, а просто скандалил.

– Катастрофа! – возмущался тонкий шелестящий голосок. – Оказаться рядом с этим невоспитанным колючим молчуном! Он даже не захотел со мной разговаривать! Кошмар! Он сделал вид, что меня не замечает! Я весь дрожу от возмущения! И у него еще есть свой собственный участок! Нет, вы это представляете?! Я буду жаловаться! Я уже жалуюсь! Почему здесь нет ни одного приличного места, где можно пустить корни?

Кира открыла глаза. Спустила ноги с кровати. И тут же, ойкнув, забралась обратно.

По ковру, сам собой, двигался пухлый зеленый бутон на толстом стебле, утыканном листочками. Все листочки трепетали – нет, размахивали из стороны в сторону. Причем вразнобой. В комнате поднялся маленький ураган. Кирин блокнот зашелестел страницами, взлетел в воздух и упал на кресло...

– Никакого уважения к котам! Наступать на хвост в такую рань! Безобразия!

Послышалась возня, потом Кирин блокнот снова очутился в воздухе и плюхнулся в угол.

Из-за кресельной спинки высунулись встопорщенные усы:

– Где это невоспитанное существо, которое меня разбудило?

Кира, сидя у изголовья кровати, натянула простыню до самого подборodka – на всякий случай – и указала на пол:

– Вот... оно.

– Тебя только здесь и не хватало! – заметил кот, увидев движущийся по комнате зеленый бутон.

– Меня везде не хватает! – заявил тот в ответ. – Поэтому я постоянно путешествую.

– Тимка, ты это... знаешь?! – спросила Кира из простыни.

– Я не «это»! – возмутился зеленый бутон. – Я – растение!

– Но ведь ты живое...

– Все растения живые! Ты что, не знала?

Кира почувствовала, что ляпнула глупость.

– Но ведь ты разговариваешь!

И поняла, что это прозвучало еще глупее. Тогда Кира с надеждой посмотрела на Тимку. Кот, вылизав переднюю лапку, принялся умываться.

– Это Радужник обыкновенный непоседливый, – все-таки сказал он, моя лапой за ушами. – Самое безобидное растение...

– Ты хотел сказать – необыкновенный? – переспросила Кира.

– Я хотел сказать то, что сказал! – заявил кот. – Радужники всегда чем-то недовольны. И поэтому переселяются с места на место.

– А как он сюда попал?

– Я не «попал»! – капризно сказал цветок. – Я пророс!

– У всех Радужников есть скверная привычка – разбрасывать семена, где попало. А семена повадились использовать кошачьи лапы в качестве средства для передвижения... – Тимка кончил умываться и выглядел несколько смущенным.

– Ну конечно! – вспомнила Кира. – Я же сама выкинула землю с твоих лап в горшок с кактусом!

Тут она задумалась:

– Но ведь это было вчера днем! Как бы он успел прорасти за одну ночь? Я точно знаю: семя сначала лежит в земле, потом выпускает корешок. Еще потом – первый листик... За одну ночь тут никак не управиться!

– А я копать не люблю, – ответил Радужник. – Столько возни: сперва корешки, потом – листики... А я взял и сразу весь вырос! И даже бутон набрал.

– Молодец! – сказала Кира.

Она уже начала понемногу привыкать к чудесам. А кроме того, Кира поняла, что Радужник обыкновенный непоседливый бояться не стоит и слезла с кровати.

– Ну, наконец-то кто-то сказал мне приятное слово! – обрадовался цветок. – Ух, я прямо чувствую, как у меня появляются новые листочки! Если бы я и дальше оставался рядом с тем угрюмым молчуном, я бы просто завял!

– Да, Радужник, на тебя – просто не похоже! – сказал Тимка, спрыгивая с кресла. – Ты же вечно ворчишь!

– Я не ворчу. Я возмущаюсь! – тут же сказал цветок. – Разве это не возмутительно: я обошел весь дом в поисках приличного места, где можно поселиться – и ничего не нашел!

– Конечно, возмутительно! – фыркнув, сказал Тимка. – В этом доме полно приличных мест. Например, кухня.

– Нет, кухня мне не подходит! Да и где там жить? В кастрюле? Кстати, эта комната, скорей всего, мне тоже не подойдет... Не могу же я, как ты, сидеть на кресле!

– Не можешь. Хотя бы потому, что кресло – это уже мое место!

– А где мое место?! Кто-нибудь знает?!

– Кажется, я знаю, – сказала Кира.

Она, наконец, заправила кровать.

– Что я слышу! – воскликнул цветок. – Неужели кто-то знает мое место?

– Я не «кто-то». Меня зовут Кира.

– А как зовут тот колючий кошмар на тумбочке?
– Его зовут кактус...
– Кактус? Ну и имечко! А почему он не пожелал со мной разговаривать?
– Кактусы вообще не разговаривают, – сказала Кира. – Ни с кем.
– Но это же ужасно невежливо! Он торчит целыми днями на тумбочке – и даже не знаешь, что он про тебя думает! То ли дело я – что думаю, то и говорю.

– Зато кактусы все время растут на одном месте... – попыталась защитить кактус Кира.

Она вдруг представила себе, как просыпается утром – а кактус всю разгуливает по квартире. И жалуется вслух: «Вчера меня недополили. А позавчера – залили». И что вообще его постоянно поливают неправильно! А потом мамыны фиалки спрыгивают с подоконника и сообщают, что их напекло солнышком, и они хотят принять освежающий душ...

– Слушай, Кира, тебе не говорили, что обманывать нехорошо? – раздался под рукой тонкий шелестящий голос.

Кира пришла в себя и посмотрела на Радужник с его зеленым бутонем:

– Когда это я тебя обманывала?

– Напомнить? С удовольствием! Ты говорила, что знаешь, что мне нужно. А на самом деле ты этого не знаешь. Потому что я сам это не знаю!

Вместо того, чтобы спорить, Кира сказала:

– Жди здесь. Я сейчас!

– А ты куда? – забеспокоился Радужник.

– Пойду, принесу то, что тебе нужно.

Кира уже поняла, что умыться и позавтракать ей точно не удастся. Во всяком случае, не теперь. Потому что кот и Радужник дружно путались у нее под ногами.

Она пошла в ванную, вытащила пустой керамический цветочный горшок и насыпала туда питательной земли для мамыных фиалок.

Потом принесла горшок в комнату и поставила перед Радужником:

– Залезай!

Радужник недоверчиво покачал зеленым бутонем, запрыгнул в горшок и принялся ерзать там, устраиваясь.

– Ну, вот! – сказала Кира. – Теперь это – твое место.

– Как... ты сказала? – встрепенулся Радужник.

– Я говорю, этот горшок – теперь твой.

– Правда?! У меня еще никогда в жизни не было собственного горшка... – Радужник замер, затем затрепетал всеми листиками, на которых враз выступили прозрачные капли. – Я растроган! Кстати, в качестве моей благодарности можешь забрать эти слезинки...

– Зачем они мне? – удивилась Кира.

– Слезы Радужников обладают чудодейственным свойством, – важно пояснил Радужник.

– Потому что Радужники всегда недовольные, – сказал Тимка. – Довольный Радужник – это большая редкость. А уж чтобы Радужник плакал от того, что он доволен... Такого я еще не видел!

Кира взяла кисточку и принялась осторожно смахивать слезинки с листиков в маленький пузырек. Этот пузырек она как-то принесла от бабушки. Все равно он пылился зря в шкафу.

Радужник вертелся и хихикал:

– Ой, щекотно! Может, ты меня каждый день будешь чистить кисточкой? Мне ужасно нравится!

Наконец, Кира закупорила горлышко пробкой и спросила:

– А как их хранить?

– Хранят в сухом чистом прохладном месте, – ответил Радужник. – Ты хоть знаешь, как ими пользоваться?

– Нет, – призналась Кира.

– Их нужно капнуть на Радугу-Дугу. Хорошо запомнила?

– Да, – сказала Кира.

А про себя подумала: «Как я могу капнуть их на радугу, ведь она всегда так высоко! Никто еще не видел того места, где радуга встречается с землей».

Вслух Кира спросила:

– А что будет, когда я их капну?

– Разве я забыл сказать? – удивился Радужник. – Упав на Радугу-Дугу, они смогут исполнить твоё желание.

– Желание?

– И не забудь: прежде чем загадать желание – хорошенько подумай! Слышишь? Как следует подумай, чего хочешь. Потому что исполнить желание они могут только один раз. Не забудешь?

– Не забуду, – сказала Кира. – Спасибо.

Перед тем как отправиться умываться, Кира посмотрела на Тимку:

– Надеюсь, в горшке с кактусом больше ничего не прорастет?

– Что ж, понадеемся на это, – философски сказал кот. – Хотя у других растений тоже есть привычка разбрасывать свои семена...

– Вот теперь я понимаю, почему кошкам после улицы всегда моют лапы!

Батарея вместо солнца

Завтрак прошел на удивление спокойно. В холодильнике обнаружилась пачка творога, которую Кира поделила с котом.

Когда Кира допивала свой чай, а Тимка – молоко, на кухню заявился Радужник обыкновенный непоседливый и спросил:

– А где здесь вода?

– Ой! – сказала Кира. – Я же тебя полить забыла!

– Не надо меня поливать, – сказал цветок. – Я попить и сам могу.

На глазах у удивленной Киры он вскочил на табурет, с него – на тумбу, с тумбы перескочил в раковину, вцепился листьями в рукоятку, повернул ее и тут же заверещал:

– Ой-ой-ой! Холодная! Ну, теперь я точно заболел!

Кира поспешно встала и выключила воду.

– Хорошо еще, что ты горячую не включил, – сказала она. – Иначе бы ошпарился.

Несчастный Радужник дрожал всеми листочками.

– Во-во-вода должна быть но-но-нормальная... пчхи! Как вы вообще ею пользуетесь! Или вы постоянно ходите простуженные и с ожогами? Апчхи! Говорил же, что заболел! Пчхи! Ну, что ты стоишь? Делай же что-нибудь!

– Тимка! – позвала Кира кота. – Как лечить Радужника?

Кот оторвался от пиалы с молоком, с усов свисали белые капельки и сказал:

– Отнеси его на солнышко. Солнечные лучи для Радужников – лучше всего на свете.

Кира осторожно взяла цветок в руки и подбежала с ним к окну. Но едва она откинула в сторону капроновую штору, как солнечные лучи угасли. Небо затягивали снежные тяжелые тучи.

– Тимка! Тучи закрыли солнце! Что делать?
Кот запрыгнул на стол. Со стола он перелез на подоконник, где с неба уже вовсю сыпалась мелкая снежная крупа.

– Понятно... Дед Морозыч старается.
– Какой такой Дед Морозыч? – с любопытством спросила Кира.
– Злой, вредный старикашка! – откликнулся Радужник, прижимаясь к Кире.
Порыв ветра ударил в окно, и стекло зазвенело.
– Смотри, Радужник, рассердишь Морозыча! – Тимка строго посмотрел на цветок.
– Ап-пчхи!
– Будь здоров! – сказала Кира.
– Как я могу быть здоров, когда нету солнца?! – возмутился цветок.
– Тимка, ты говорил, что коты могут давать советы, – напомнила Кира. Тимка немного подумал.
– Положи его в таз с теплой водой. Ему станет лучше, как только он согреется.
– Нет, нет, нет! Меня нельзя в таз! – запротестовал Радужник. – Я плавать не умею. Нет, нет и нет!
– Успокойся, я тебя к батарее отнесу, – нашлась Кира. – Там тоже тепло. Она принесла Радужник к себе в комнату, водворила его в горшок и придвинула горшок к батарее.
– Сиди здесь и грейся.
Радужник расправил свои листочки, протянул их навстречу потоку теплого воздуха и сказал:
– Удивительная вещь! Как будто лето пришло!
– А если потом задернуть шторку – то тебя вообще никто не заметит... – размышляла Кира.
– Как это можно меня не заметить?! – запротестовал Радужник. – Меня нельзя не замечать!
– Послушай, – с озабоченным видом сказала Кира. – Если, когда придет мой папа, ты скажешь хоть слово... Или начнешь бегать по комнате...
– То тебя станут воспитывать, – заключил Тимка. – Меня уже предупреждали.
– А как это воспитывают? – с любопытством спросил Радужник.
– Запирают в ванную на всю ночь, – пояснил Тимка.
– А там свет ночью горит? – забеспокоился Радужник.
– Зачем? – удивилась Кира.
– В темноте?! – ужаснулся цветок. – Всё ясно, твой папа не любит цветы. Куда я попал!
– Хороший вопрос! – одобрил Тимка. – Мне тоже интересно, почему здесь всё наоборот: кошек не уважают, цветы не любят! И почему мы разговаривать можем только с тобой?
– Вы только не обижайтесь! – смутившись, сказала Кира. – Но у нас другие кошки... И цветы другие. Кошки не дают советов и не умеют разговаривать. Цветы всегда растут на одном месте и никогда не бегают и не прыгают. Поэтому для нас это всё – самые настоящие чудеса. А когда человек не привык к чудесам, то для него это может быть вредно. Помнишь, Тимка, как я сначала решила, что переучилась, потом – что у меня температура и под конец сломала видеокамеру? Теперь-то я, конечно, к чудесам уже немножко привыкла, но ведь остальные к ним еще совершенно не привыкли!

Пешком по Радуге

Откуда-то из темноты вынырнули огромные сугробы и деревья, утонувшие в снегу. И, прежде чем Кира успела спросить, куда они попали, санки плюхнулись на что-то, накренились – и Кира вмиг оказалась в каком-то сугробе.

– Тимка!

– Да здесь я, – сказал рядом бархатистый баритон, и в темноте, как два ярких зеленых фонаря, зажглись кошачьи глаза. – Предупреждал же, что у твоих санок жесткая посадка! В следующий раз будь готова.

– Постараюсь...

Кира выплюнула снег, выбралась из сугроба и огляделась. Место показалось ей странно знакомым...

У нее за спиной лежал здоровенный тополь, поваленный снежной бурей.

А на белой поляне, в самом центре, росло высокое-превысокое старое дерево, усыпанное маленькими шишечками...

– Ух ты! Да это же парк! – воскликнула Кира.

Ночью парк казался еще зачарованнее, чем днем после снегопада.

– Семицветик! – позвала Кира. – Ты там живая?

– Уже утро? – сонно раздалось из шубы.

– Мы уже в парке! – сообщила Кира.

Непоседа зашароборилась, потянув Киру за шарф.

– Эй, ты что там делаешь?

– Торчу из твоей шубы, – прозвучало в ответ, и наружу высунулась золотистая головка. – У, и это называется – парк! Какое тут всё темное... и огромное... и холодное!

– Хватит торчать! – распорядился кот. – Вылезай сюда и распряги меня.

Семицветик неохотно выпорхнула из-под шубы и залетала вокруг Тимки.

Упряжь упала на снег, сверкнула – и исчезла.

– Ой! – сказала Кира.

– Смотри, Кира! – Тимка встряхнулся. – Это – Страж Прохода.

Кира, запрокинув голову, рассматривала дерево.

– А... где же Проход?

– Его может открыть только очень сильный волшебник, – заметила Семицветик, зависнув у Тимки над головой. Ее крылышки светились в темноте, и сама непоседа была похожа на крохотное пятнышко света. – Ап-пчи! А сам Проход открывается один раз, 31 декабря в двенадцать часов ночи!

– Но мы не можем ждать так долго! – Кира смотрела на Тимку.

Семицветик тоже смотрела на Тимку, упершись ручками в бока:

– И что теперь?

Кот, прищурившись, посмотрел на непоседу:

– Ты говорила, что понимаешь растения...

– Я говорила про цветы! – Какая разница – цветок или дерево? Думаю, вы найдете общий язык со Стражем Прохода. Объясни ему, почему Кире надо на Иренон!

– Пожалуйста, Семицветик, попробуй! – попросила Кира.

– Ну ладно... Уговорили!

Семицветик вылетела вперед и громко затрещала крыльями. К немалому удивлению Киры, дерево начало шуметь и раскачивать ветвями. В том, что это разговор, не было никакого сомнения. Вот только язык крыльев и ветвей Кира не понимала. Зато она увидела, как на стволе дерева появилась тоненькая трещина. Трещина начала расти и шириться и скоро превратилась в темную щель. Миг – и из щели вырвалось радужное сияние.

– Открылся! – урчащим полусшепотом сообщил Тимка. – Клянусь усами, Страж Прохода сделал исключение! Первое исключение за всю тысячелетнюю историю... Ну и Семицветик!

– Что Семицветик? Семицветик – молодец! – заявила непоседа, зависая у кота перед носом. – Так? Семицветик – нежное, ранимое и изящное создание, родня самой Радуге-Дуге! Даже сам Страж Прохода это понимает. Ведь он – не то, что ты!

– А что я? Я – простой кот с волшебными талантами, – мирно сказал Тимка. – Мне далеко до Стража Прохода, великого волшебного дерева!

– Ну, мы идем? – Семицветик нетерпеливо взмахнула крылышками. – Мне тут холодно! Я замерзаю! И заставлять Стража Прохода ждать – это невежливо! – И непоседа первой полетела к образовавшемуся проему.

Кира подняла санки и с удивлением поглядела на Тимку, который направился за непоседой, задрвав рыжий полосатый хвост.

– Мы что... полезем внутрь дерева? – спросила она. – Там, наверное, темно и тесно... И, мне кажется, щель для меня мала.

– Это не щель, это – Проход! – заворчал Тимка.

Тогда Кира молча пошла за котом и скоро уже протискивалась между краями толстой шершавой коры. Сперва застряли санки, потом – рюкзак, и Кира уж было совсем испугалась, что останется здесь навсегда и не сможет ни вернуться домой, ни попасть на Иренон – как вдруг прямо вокруг нее закружилась радужная воронка. И неожиданно Кира поняла, что она уже не протискивается и даже ни во что не упирается, а значит, внутри дерево оказалось гораздо больше, чем снаружи.

– Что – не ожидала? – донесся откуда-то звонкий голосок Семицветика.

– Ой! – сказала Кира.

Потому что вокруг творились удивительные вещи.

Она стояла на мягкой курчавой зеленой траве – такой густой и сочной, какой не то что ни на одном из городских газонов – даже в лесу на опушке не увидишь. Было непонятно, день тут или утро, но воздух был удивительно свеж и прозрачен. Трава росла на высоком холме, полого спускавшемся куда-то, но куда – Кира не разглядела. А за ним, далеко впереди, высился еще один зеленый холм. И между холмами, упираясь в них концами и сияя, висела Радуга-Дуга – такая большая и прекрасная, что Кира забыла обо всем на свете.

Под ногами у нее что-то шевельнулось, и Тимкин голос произнес:

– Чтобы попасть на Иренон, надо перейти на ту сторону.

– Как – перейти? – Кира еще раз оглянулась, но никаких других мостов, кроме самой Радуги, не было.

– Смотри! – Семицветик, сложив крылья, устремилась вниз и шагнула на Радугу.

– Ну, чего вы ждете? – воскликнула она, пройдя пешком два десятка шажков. – Идите за мной!

– А как же твои крылья? – удивленно спросила Кира. – Ты бы могла перелететь за пару секунд!

– Чтобы попасть по ту сторону Прохода, нужно перейти через Радугу, – важно сказала Семицветик. – Перейти, а не перелететь! Иначе ты никуда не попадешь. Да, и если ты будешь стоять на одном месте – то тем более!

– Смелее, Кира! – подбодрил Тимка и тоже шагнул на Радугу.

Но Кира всё еще медлила. Во-первых, она никогда раньше не видела кота, идущего по Радуге. Во-вторых, ей вдруг стало неловко за свои зимние сапоги, на которых начал таять снег. Разве можно в сапогах ходить

по Радуге-Дуге? Дома по паласам и то неудобно. И в школе все в чистое переобуваются...

Кира решительно сняла с себя сапоги и с сапогами в одной руке и санками – в другой сделала свой первый шаг. Вот это да! Она стояла на Радуге! Если б кто-нибудь сказал ей про такое месяц назад – Кира ни за что бы ему не поверила. Да и ей, наверное, тоже дома не поверят... Придет вот она в гости к бабушке и скажет: «Знаешь, бабушка, где я была? Я на Радуге была!» А традиционное школьное сочинение на тему: «Как я провел каникулы?» Кирино, наверное, выглядело бы вот так: «Я познакомилась с говорящим котом, у которого есть целая куча разных талантов. Его зовут Тимка, и с ним не соскучишься. Он умеет чинить видеокамеры, гасить и включать свет и очень любит меня учить и воспитывать... А потом у нас вырос Радужник непоседливый, и из его цветка появилась непоседа Семицветик – нежное и изящное создание, как говорит она сама. У Семицветика есть крылья и волшебная пыльца. Она спасла мамины фиалки, когда их заморозила Снежная Королева. Вот только ее пыльца не действует на людей с волшебными талантами, она действует на волшебников и волшебных существ. А мой папа – он не волшебник, хотя и самый лучший папа на свете. Так жалко, что Семицветик не смогла снять с него снежные чары! Ну ничего, я эти чары всё равно одолею, локон даю, как говорит Семицветик. Да, чуть не забыла – я узнала, что я волшебница. Это называется седьмая степень волшебного таланта, так Тимка говорит. А еще я узнала, что столько всего не знаю! Например, что такое Шишка Волшебства. И что есть Страж Прохода и Иренон. И что Самая Главная Карта – это Карта Проходов. А еще оказалось, что я не знаю Историю, даже назвала Деда Морозыча Дедом Морозом. Я так удивилась, что я первое полугодие на «отлично» закончила... А оказалось, всё удивительное – еще впереди. Потому что я уже больше не волшебница и снова самая обычная девочка. И я увидела Проход, ведущий на Иренон. Теперь я знаю, что Иренон – это волшебное государство. Вот здорово его увидеть! И немножко страшно. И самое удивительное – Радуга не всегда бывает такой далекой, что не дотянуться. На ней можно стоять! И я стою. Босиком. Оказывается, она теплая и пружинит под ногами...»

Тут Кира увидела, что Семицветик и Тимка уже подходят к середине Радуги, и отправилась их догонять.

Небо, что простиралось вверх, было радужное, с белыми пушистыми облаками. А небо под Радугой – обычное, ярко-синее и безоблачное. И полос у Радуги действительно семь, сосчитала Кира: красная, оранжевая, желтая, зеленая, голубая, синяя и фиолетовая!

Семицветик первой ступила на зеленый холм и тотчас снова вспорхнула в воздух. За ней на мягкий бархат травы ступил Тимка. И, наконец, последней с Радуги-Дуги спустилась Кира – она всё время оглядывалась по сторонам и никак не могла поверить, что всё это происходит с ней. И даже украдкой несколько раз ущипнула себя за руку. Но «сон» и не думал кончаться.

– Кира, ну ты там уснула? – нетерпеливо воскликнула Семицветик. – Нас ждет Иренон!

Кира только было открыла рот, собираясь спросить, как же отсюда туда попасть – ведь на зеленом холме нет ни арки, ни двери. Ну ничего, похожего на вход. И тут вокруг нее снова закружилась радужная воронка. И Кира почувствовала, что опять становится очень тесно. И что у нее застревают рюкзаки и санки.

ПОЭЗИЯ

Роман ПОПЛАВСКИЙ

* * *

Рисуй с меня всё, что хочешь,
За музою следуй, автор!
Я буду в твоих натюрмортах сочных,
Портретах, особенно авто.

Придай мне любую форму,
Представь, что я – заготовка.
Великим ваятелям дашь ты фору –
Ведь лепишь живое, чертовка!

Вложи в меня страсть и рвенье,
Вкус мёда и ногку мяты –
Чтоб, как неудавшееся творенье,
В сердцах не сожгла меня ты!

А впрочем, сожги, если хочешь!
На то твоя воля, автор!
Я вновь проступлю в натюрмортах сочных,
Портретах, особенно авто.

2015

* * *

Замшелый памятник, и никого	И это понимают однозначно
окрест,	Стоящий на морозе человек
Как водится зимою нелюдимой.	И тот, что в бронзе пережил
Смегают воробьи в один присест,	свой век,
Смеясь медлительности голубиной,	И ёлка, сбросившая с веток снег,
Ржаные крошки – суета и бег,	Как балерина, сбросившая пачку.

2009, 2011

* * *

На еврейском кладбище ни души –
Поищи
На надгробьях тех письма –
Имена.
И на каждом и в дождь, и в снег
Сад камней,
Тех, что мёртвый при жизни сам
Разбросал.
Смерть пришла – и пришла пора
Собирать.

2014, 2015

* * *

В этом небе бродил и бродил бы вечно:
По лучам-мостам от звезды к звезде,
Предпочтя самой чистой – святой – воде
Погружение в поток, что зовётся Млечным, –
И, устроив на одном из светил привал,
Наблюдал бы, в лучах умиленно лёжа,
Как в Туманности Конская Голова
Тоже бродит заблудившийся ёжик.

2005

* * *

Я – реакция Манту На людскую доброту:	Для детей – не для себя, На похлёбку малышам. Если редкая душа
У церковных у ворот Сидя, руки на живот,	Мне протянет звон монет, Я краснею, спасу нет,
Я прошу на хлеб дитя У идущих мимо дам.	Как реакция Манту На людскую доброту.
У мужчин прошу, хрипя,	2011

* * *

Я останусь в квартире твоей навсегда:
Будет капля за каплей шептать непрерывно
Моё имя на кухне из крана вода
(Потому что я пил из-под этого крана),
Ты не сможешь заснуть – о покое моля,
С полки книгу возьмёшь (мне и автор известен),
Но заметки, что я оставлял на полях,
Вновь напомнят... И книгу поставишь на место,
И кота позовёшь, как всегда: «Кис-кис-кис»
(И меня ты звала, помню, ласково «котик»), –
Только спит он с тех пор, как с тобой разошлись,
Не в ногах у тебя, а на кресле напротив –
Даже глаз не откроет. Кота прокляня,
Отвернёшься к стене (как укладывал папа),
И под утро уснёшь, и увидишь меня,
А вода будет капать, и капать, и капать...

2007

Утро. Зарисовка

Вода не самого горячего разлива,
Какой-то серый день календаря.
Сосед на лавке глушит рыбу пивом,
Рыбак ни к чёрту, к слову говоря.

2010

* * *

Оттого, что из ребра
Создана я,
Кожей я белым-бела,
Как Даная.

Было к сердцу близко слишком
Ребро то –
Ты – моя, первомальчишка,
Забота.

Ты – моя, первомужчина,
Морока,

Моя радость и кручина
От бога.

Добывать тебе еду –
Добывала
И плоды в святом саду
Собирала.

Лишь однажды хитрый змей
(Бог ли, бог ли)... –
Мать и мачеха твоей
Я эпохи.

2010

* * *

Вновь то письмо от тебя перечту:
В нём утишаешь и счастье мне прочишь,
Но пустотой – частотой многоточья
Рушишь надежду, и – не вмоготу! –

Скомкаю лист! и представлю воочью,
Как ты подводишь под нами черту,
Пряча за тем частоколом отточья
Злобу, обиды и дней суету;

Снова расправлю, взгляну через силу –
Буквы текут, как сквозь пальцы вода.
Вроде, клялись: «Никогда!». – «Никогда!»,
Но впопыхах ухватившийся, было,
За восклицательный знак после «милый!»,
Взгляд мой скользнёт по «прощай навсегда...»

2012

* * *

Сквозь ледовую корку окна
Зимнего
Лишь колонна видна одна
Зимнего.
На душе оттого до поры
Мунково,
Будто город сей стал вторым
Мюнхеном;
Будто слышишь – слова навзрыд
Встречены:
Разводите мосты! – Разводить
Нечего!

Пальцы к стёклам – и смотришь
сквозь
Проруби,
Как летают в седой мороз
Голуби,
Как, застывшие, ждут весны
Заводи –
Всё в порядке, и нет войны.
Слава те!

2011

* * *

Зеркальную гладь озёрную легко рассекают вёсла.
Так мы с тобою расходимся. Проходят зимы и вёсны –
Озёрная гладь качается и снова встаёт, как была.
Так мы с тобою встречаемся – до следующего весла.

2008, 2015

* * *

Как спокойно вечером
В роще у вокзала!
Ветер машет веером –
Огромным опахалом.
Дует он на раны мне,
Улетают страхи.
Я рождаюсь заново
В ветряной рубаше.

2008, 2010, 2015

* * *

Как ты думаешь, кто ты мне,
Если я за тобой, как хвост?
Как ты думаешь, сколько дней
И ночей – всё коту под хвост?

Как ты думаешь, кто ты мне,
Если рана ещё свежа?
Если, стоит слегка нажать,
Я в огне? По тебе в огне!

Как ты думаешь, сколько лун
Я провёл под твоим окном?
Понял я, что не суждено,
Но в твоих глазах утонул.

Как ты думаешь, долго ли?
Я хотел сжечь мосты, прости:
Спички мокрые подвели,
Да из камня мои мосты.

2009, 2015

* * *

Я несу разное:
Хорошее и плохое.
Я – несуразная.
И тебя не оставлю в покое.

Я несу светлое,
Хоть темна как ворона я.
Я – несусветная,
Но поюсторонняя.

Я несу мнимое
И подлинное без грима.
Ну же, обними меня,
А то пронесу мимо.

2015

Догалак ОСПАНОВ

Девчонке, ставшей мне женой, – Наташе

Моя девчонка не умела петь,
Но молча слушал я неправильное пенье
Не потому, что я умел терпеть,
А потому, что есть в любви терпенье.

Я с той девчонкой уходил от всех
Друзей-подруг, мне с ними было скушно
Не потому, что ждал меня успех –
Она мне пела, а я молча слушал.

Не рассказать, как я её любил,
На эту тему и сегодня молчалив я,
Я просто помню, что счастливым был...
Да и сейчас я – слушатель счастливый!

* * *

Мы жили иначе,
Чем мамы желали,
Мы юность оплачем,
Ведь мы отпылали.

Ах, что нам советы, –
Мы взрослые, дескать...
Какие рассветы
Будили нас дерзко!

Мы юными были,
Нет юности краше:
Нас крепко любили
Красавицы наши!
Без верхней одежды
Бродили в апрелях,
Какие надежды
Светили и грели!

Не рыцари в латах, –
Нас помнят земными,
Мы юность оплатим
Кудрями седыми.
И всё же, ребята,
Уйдём, не покаясь!
Мы жили когда-то
Потомкам на зависть!!!

Постскриптум

Получилось письмо с приложением,
Бег без финиша, без дороги.
Но... да здравствует это движенье,
Лишь бы не было в нем эпилога,
Эпилога, в котором – даты
Окончательных окончаний,
И оргвыводы: «Было когда-то,
Но теперь не гуляют ночами,
Не торопятся высказать честно,
Что полезнее умолчать бы,
Ведь не он её помнит невестой,
Не её целовал он на свадьбе!»
...Лучше пусть недописанным будет,
Коль до финиша – с ноготочек!
Если сон ты, то пусть не будят,
Если явь – ставлю я многоточье...

* * *

Ты неспроста сейчас молчишь, И неспроста ты так бледна, Нас двое, милая, в ночи, И эта ночь у нас – одна.	Попьём разлуки горький мёд, – Дай Бог нам не сойти с ума! Как громко тишина кричит, И как понять – о чем она? Нас двое, милая, в ночи, И эта ночь у нас – одна.
Цветист над нами Млечный Путь, Сегодня наш он, только наш, Ты по нему когда-нибудь Привет мне тихий передашь?	Все против нас: и поезда, Что будут мимо каждый час, И люди, горы, города, Что так разделят завтра нас.
А утром – плачь или кричи! – В разлуку-бездну, что без дна! Нас двое, милая, в ночи, И эта ночь у нас – одна.	И не об этом ли молчишь? Не потому ль ты так бледна? Нас двое, милая, в ночи, И эта ночь у нас – одна.
Растает в небе самолёт, Накатят осень да зима...	

Степной ветер

Мне такого вот ветра давно не хватало!
Пусть в лицо, лишь бы смог не развлечь, так отвлечь,
А отвлечь от Тебя, чтоб Тебя стало мало,
Чтоб из сердца долой, как тяжелое – с плеч.

Ухожу – уезжаю все дальше и дальше,
Но затылок мне жжет Твой насмешливый взгляд,
И напрасно пытаюсь окутаться фальшью,
Все твердя: «Разошлись аки два корабля».

Мне такого вот ветра давно не хватало!
Пусть остудит мне тело и душу мою!
В этом ветре – мужское, в нём привкус металла,
Он, однако, найдет Твой приглаженный юг.

Города и деревни... а вот уже страны,
Он дойдет до Тебя, день со мною пробыв,
Если ж так – передаст, что люблю, как ни странно,
Что всё помню, но... очень хотел бы забыть.

Бумеранг

Мост взорван мной! Я любовался дымом, Которым стал К тебе мой путь обратный. Я был в тот год таким невозмутимым, Каким я не был Даже с младшим братом. Любовь, хрипя, Отчаянно боролась, Но ясно видел Я исход борьбы,	Ведь верил я: Смогу твой образ, голос Не вспоминать, Не сравнивать – забыть! Как верил я: Другая улыбнётся, И боль пройдет, Ведь вылечит другая! Кто б мне сказал, Что эта боль вернётся, Через года И вёрсты настигая...
---	--

Написалось вот...

(Памяти ушедших друзей-товарищей-коллег)

На коленях, ссутуливши плечи,
Мы друзьям закрываем глаза,
Обещаем мы помнить их вечно
И потомкам о них рассказать.

Полумесяц иль крест над могилой,
Прорастают ребята травой...
Номера оставляем в мобилах,
И гудки – как прерывистый вой.

Мы, не чокаясь, их поминаем,
Вспоминая, тоскуем до слёз,
Мы в живых, а им доля иная:
Кому – нож, кому – туберкулёз...

Нам не встретиться, нам не обняться
Ни в читалках, ни в значных местах.
...Пацанами друзья мои снятся,
Им забавно, что старым я стал.

Дорожная песенка

Утром, звонко раскрашенным,
Попрощавшись, прости и забудь,
У цыганки не спрашивай,
Чем окончиться может твой путь, –

Что там, в прошлом, разглядывать,
Кроме лёгких неискренних слёз?
Так не стоит гадать и загадывать, –
Слушай песню колёс!

Вспоминать невесёлое
Ни к чему перед встречей с судьбой,
С городами да сёлами
Оставляй всё, что было с тобой,

День вчерашний пролистывай,
Даже в памяти он отзвенит.
Видишь, как на востоке неистово
Рвётся солнце в зенит?

И девчонкой отчаянной,
Той, кому ты поверишь, любя.
Вдруг надежда встречается,
Чтоб уже не уйти от тебя...

Да, сестры она ласковей!
Да, любимой нежней и верней!
Ты из слов, до тебя незатасканных
Песню сложишь о ней?

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЕВА

В.И. СУРИКОВ И ТЮМЕНСКИЙ КОВЕР

*К 100-летию со дня смерти В.И. Сурикова
и 125-летию со времени написания картины «Взятие снежного
городка».*

В 90-е годы XIX столетия в Сибири еще бытовали многие старинные народные обряды. Настоящим праздником была яркая, шумная Масленица с широким гуляньем, катанием на санях, взятием «потешных» крепостей изо льда и снега.

«...Есть у крестьян и другие заботы. Во время Масленицы ездят по деревне с песнями, а молодые парни, девицы и молодичи сверх того катаются на санках с катушек, которые устраивают из снега и обливают водою, бывает, и с берега на реку или, если не широка река, то прямо по длине ее. Мужчины, а особенно молодые парни, делают из снега и обливают водою городок, отчего и называется эта забава «братъ город». Участвующие в этой забаве разделяются на две партии: одни пешие, другие верхом на конях. Первые стоят около городка, для защиты его, а вторые, отъехав с полверсты, пускаются во весь мах на пеших, стараясь подъехать к городку и сломать хоть верхнюю часть его, что и признается за победу, но пешие защищают город, бросая в наступающих комки снега и тем не допускают их и обращают в тыл. Если кто из конных, в сильном порыве, успеет вбежать на лошади к городку в толпу пеших и не успеет сломать его и вырваться из толпы, то она, столкнув его с лошади, бросает в снег и накладывает в рот снегу. Таким образом забава продолжается до тех пор, пока не возьмут городка. Но случается, что нападавшие на него, измучившись, убегают, и городок остается цел». Так описывается эта исконно сибирская забава на страницах газеты «Тобольские губернские ведомости».

Момент взятия городка выбрал для своей знаменитой картины выдающийся русский живописец Василий Иванович Суриков. Она написана в 1891 году в Сибири, в Красноярске, где художник родился и куда часто приезжал. По его собственным словам, в ней он хотел «передать впечатление своеобразной сибирской жизни, краски ее зимы, удаль казачьей молодежи».

Общую атмосферу веселья, праздничного масленичного гуляния усиливает яркая декоративность предметов народного искусства: празднично убраны кони, расписаны узорами выездные дорожные сани и дуги, высокая спинка возка украшена нарядным махровым ковром, где на черном фоне сверкают огромные алые и голубые цветы в окружении пышных изумрудно-зеленых листьев.

«Этот любимый Суриковым тюменский ковер является подлинным шедевром народного ковроткачества, – отметил в одной из статей исследователь творчества великого живописца В.С. Кеменов. – Для того чтобы полюбоваться цельностью и красотой его декоративного узора, художник расправляет ковер на прямоугольной спинке саней. На густом черном фоне крупные алые и голубые цветы и зеленые листья сверкают, как кри-

сталлы драгоценных самоцветов. У вытканых лепестков прямоугольно-ступенчатые контуры. Градация каждого цвета от бледно-розового до темно-малинового, от светло-голубого до глубокого ультрамарина и густого синего, от светло-салатно-зеленого до темно-изумрудного передана также ступенчатыми переходами. Внутри каждого контура цвет неодинаков, в нем, как в мозаичном наборе, есть плоские «островки» разных тонов, объемные формы переданы не затемнениями светотени, а этими цветовыми грациями. Цвета сохраняют свою яркость и в то же время создают переливчатость великолепных оттенков. Те части цветков и листьев, которые вытканы насыщенными глубокими темными тонами, хорошо связаны с черным фоном ковра, а тона светлые, голубовато-белые, словно изморозь, отлично связаны со снегом».

«Ковер, покрывающий спинку саней у правого угла картины, – подлинный шедевр, своего рода вершина суриковского мастерства в области колорита», – присоединяется к этой оценке искусствовед В. Никольский.

«Секрет» появления тюменского ковра на картине Сурикова прост. В 1880–1890-е годы художник нередко бывал в первом русском городе Сибири. Здесь во время кратких остановок в ожидании ближайшего парохода до Томска он посещал местные торжки и большие ярмарки, на которых всегда продавались тканые из овечьей шерсти яркие и пушистые махровые ковры. В письме от 23 сентября 1887 года, адресованном родственникам, В.И. Суриков спешит сообщить: «В дороге я рисовал кое-что. В Тюмени купил три ковра на 15 рублей. Такие в Москве стоят гораздо дороже». Можно предположить, что тюменский махровый ковер, привезенный художником в родной дом в Красноярске, позднее станет одним из главных «героев» его картины «Взятие снежного городка».

ИЗ ИСТОРИИ ТЮМЕНСКОГО КОВРОВОГО ПРОМЫСЛА

Тюменский ковер – уникальный сибирский народный промысел. Он имеет богатую историю, уходящую в глубь веков. Документы свидетельствуют о том, что ковровое производство завезли в Тюмень бухарцы еще в XVII веке. В то время Бухарская слобода за рекой Турой была большой, шумной, там, кроме стука ткацкого станка, слышался звон меди – делали посуду, работали гончары...

Первые тюменские ковры, созданные руками сибирских мастериц, были украшены геометрическим орнаментом, лишь потом на них появились близкие и любимые их сердцу цветы и травы.

Почему так «прижились» ковры в Тюмени, да еще и расцвели своими небывалыми в далекой Бухаре цветами?

Тюмень стояла на великом Сибирском тракте. На горке, за Троицким собором, в XVII веке раскинулась Ямская слобода (до сих пор сохранилась Ямская улица). Отсюда в любое время года и на восток, и на запад России мчались повозки с ямщиками «на облучках» (неслучайно в Тюмени лили звонкие колокольчики, по звуку не уступавшие валдайским). Зимой сани и кошевки утепляли пушистыми, с высоким густым ворсом коврами, ими укрывались. Итак, первое применение тюменские ковры получили. Затем совершенно естественно они вошли в повседневный быт крестьян, мещан, а также сибирского купечества. В интерьере крестьянской избы нарядными махровыми коврами украшали стены, ими покрывали сундуки, лавки, на пол стелили яркие шерстяные паласы-тропинки, цветные дорожки, разноцветные половики.

Тюменский ковер играл важную роль и в старинных сибирских обрядах и празднествах. На ковре благословляли невесту, ковром покрывали сундук с приданым, узорной дорожкой застилали ступеньки крыльца, встречая молодых из-под венца, коврами украшали свадебный поезд. Подлинными выставками искусства местных ковровщиц были рождественские и масленичные катания, в которых участвовало больше сотни лошадей, запряженных в расписные узорные сани, покрываемые в Сибири яркими тюменскими махровыми коврами.

Мировой триумф тюменского ковра

В конце XIX – начале XX века тюменский ковровый промысел переживает период своего наивысшего расцвета. Он становится местной достопримечательностью и гордостью края. Тюменские махровые ковры с густым высоким ворсом и ярким цветочным орнаментом на черном фоне с триумфальным успехом представляли Тобольскую губернию на всех самых крупных всероссийских и международных кустарно-промышленных выставках: в Москве (1882), Кургане (1895), Нижнем Новгороде (1896), Петербурге (1902; 1913), Омске (1911), а также в Париже (1900) и Генуе (1913).

Документальные свидетельства, каталоги выставок, газетные публикации сохранили имена многих тюменских мастериц, чьи работы удостоились наград и премий. Творчество их было подготовлено всем ходом развития народного ковроткачества на протяжении XIX в.

Наивысшим международным признанием художественного промысла стало участие тюменских ковровщиц в Парижской выставке (1900).

Благодаря архивным разысканиям удалось установить имя мастерицы Василисы Викуловой – «самой искусной ковровщицы из старинного сибирского села Каменского Тюменского уезда». Именно ее произведения, исполненные по заказу специально для выставки, украшали кустарный отдел экспозиции Тобольской губернии. По мнению жюри, яркие цветочные махровые ковры сибирской мастерицы отвечали двум требованиям, предъявляемым к художественным произведениям: «наличностью сильной индивидуальности и ясно выраженной национальности».

Имя Василисы Викуловой, принесшей всемирную славу тюменским коврам, навсегда войдет в историю сибирского народного искусства.

Интересно отметить: недалеко от Русского окраинного отдела, в экспозиции которого демонстрировались тюменские ковры, в специальном павильоне разместился художественный отдел выставки. Здесь наряду с произведениями выдающихся русских художников экспонировалась и картина Василия Ивановича Сурикова «Взятие снежного городка». По решению жюри картина была удостоена именной награды – серебряной медали.

КУЛЬТУРНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ

«ТЮМЕНСКИЙ КОВЕР. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

За свою более чем трехсотлетнюю историю тюменский ковровый промысел пережил многое: и периоды блистательного расцвета, и годы, десятилетия почти полного забвения.

В начале XXI века благодаря культурно-выставочному проекту «Галерея тюменских ковров. От эскиза к ковру» мы имеем возможность

«открыть» новые, ранее неизвестные страницы в истории тюменского коврового промысла второй половины XX столетия.

Проект осуществлен в рамках областной «Программы сохранения, возрождения и развития тюменского коврового промысла» на базе Центра прикладного творчества и ремесел, ООО «Сибирская ковровая фабрика» при участии Тюменского музея изобразительных искусств.

На первом этапе были исследованы сибирские и столичные архивы. В музейных коллекциях, научных библиотеках, а также в собраниях московских художников, бывших сотрудников ковровой лаборатории НИИХП и мастериц ковровых фабрик Тюмени, Тобольска, Ишима выявлены сотни авторских эскизов ковров, разработанных для сибирских и некоторых других российских ковровых фабрик. Этот уникальный изобразительный материал позволил приступить к созданию эксклюзивной коллекции «Галерея тюменских ковров. От эскиза к ковру».

Коллекция формировалась в течение нескольких лет: с 2009-го по 2014 годы. В настоящее время в ней представлено 70 ковров, изготовленных потомственными мастерами ООО «Сибирская ковровая фабрика» по эскизам трех поколений ведущих художников Московского научно-исследовательского института художественной промышленности. Все эскизы, отобранные для реализации проекта, были разработаны в экспериментальной ковровой лаборатории в 1950 – 1980-е годы специально для фабрик Тюмени, Ишима, Тобольска, а также Омска, Свердловска, Кургана, Ставрополя, Курска. Некоторые эскизы были внедрены в производство, другие использовались для создания уникальных выставочных произведений.

Реализация этого крупномасштабного проекта была возможна лишь на базе ООО «Сибирская ковровая фабрика» – единственного в настоящее время центра по реализации программы возрождения сибирского (шире – русского) коврового промысла.

В ноябре 2010 года состоялось открытие выставки «Тюменский ковер. Традиции и современность». В экспозиции представлено лишь часть коллекционных ковров, созданных руками современных мастериц Сибирской ковровой фабрики по рисункам московских художников 1950 – 1990-х годов.

18 ковров – 18 импровизаций на тему цветочного букета. Но при этом каждый ковер – это самостоятельный вариант цветочной темы, ее композиционного, образного, живописного решения.

Эффект яркого цветочного узора на традиционном черном фоне был одним из любимых декоративных приемов в сибирском народном ковроткачестве. Этот прием получил дальнейшее развитие в творчестве художников.

Самым любимым цветочным орнаментальным мотивом у художников, как и у народных мастериц XIX – начала XX века, были розы и маки. Эти царственные цветы – красные, розовые, малиновые, бордовые, окруженные бутонами и яркой густой зеленью листьев, собранные в букеты, венки и гирлянды, – обязательно присутствуют почти в каждом ковровом узоре. Нередко изображения садовых и полевых цветов: пионов, георгинов, незабудок, колокольчиков, дополняют и рисунок, и цветовую гамму ковров, передавая красоту и разнообразие окружающего мира природы, ее разноцветье. Творчески перерабатывая, изменяя характер ковровых узоров, художники находили новые композиционные и цветовые решения. Отсутствие четкой границы между центром и каймой давало им

возможность варьировать размещение цветочных мотивов, то собирая цветы в пышные букеты, венки, гирлянды, то свободно разбрасывая их по всему полю. В коврах нет и не может быть повторений. Цветы сами по себе – символ красоты природы, ее жизненных сил. Своими букетами художники отдают дань любви народа к природе, ее разнотравью. Эта тема вечная и неисчерпаемая.

Данная коллекция не претендует на всестороннее и полное освещение всех вопросов, связанных с развитием сибирского, шире – русского коврового промысла второй половины XX века, в ней отражены лишь основные периоды его художественного развития – развития через творческий поиск, постоянный научный эксперимент. В новом прочтении традиций сибирского ковроткачества большое участие принимали профессиональные художники, которые во многом определили образно-стилевые особенности развития тюменского коврового промысла на протяжении четырех десятилетий. В своих поисках и экспериментах они также опирались на народные художественные традиции в русском декоративно-прикладном искусстве.

Реализация столь крупномасштабного проекта позволила продолжить «фабричный эксперимент» второй половины XX века и наметить новые направления в развитии ООО «Сибирская ковровая фабрика» в начале XXI столетия.

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей СМЕТАНИН

О ФИЛОСОФИИ ПОЭТИКИ

Два подхода к поэтике

Произведение поэзии есть элементарная единица духовного производства, следовательно подлежит изучению с философских позиций. Исторически сложилось так, что подходов со стороны философии немного. В первую очередь это формально-логический и диалектический подходы.

С точки зрения формальной логики, поэзия есть раздел литературы, использующий систематическое нарушение логических законов и правил для достижения особой выразительности речи.

С точки зрения диалектики, поэзия есть раздел литературы необходимо предшествующий духовной жизни общества в новых обстоятельствах. Другими словами, это есть способ предварительного освоения действительности необходимо творческим образом. Постоянное выделение поэзии из синкретичной праздничной «пьесы», играемой людьми на сцене эпохи. Поэзия есть первая часть триединой литературы, состоящей из родов поэзии, прозы и драматургии.

По аналогии с предметом философии, предметом поэтики является отношение действительности и поэтического слова. Но если с формально-логических позиций это действительность прежде всего самого поэтического текста (соотношение частей текста друг с другом), то с позиций диалектики – это отношение общественного бытия к поэтическому сознанию, выраженному в тексте целиком. Сознание может быть как индивидуальным, так и коллективным, национальным или общечеловеческим.

По-разному воспроизводится поэтами многообразие бытия. В первую очередь, оно отражается традиционно-мифологическим (народно-бытовым, героическим и религиозным) способом, затем философски (материалистически и идеалистически), затем под влиянием различных прикладных практик и наук.

При условии удачного изображения действительности, которое не надо путать с логически верным её отражением, оно обретает характер художественной правды. То есть первообраз корректного, с научной точки зрения, отражения действительности достигается именно поэтическим способом. Пусть приближенно, грубо, но прогностически достаточно для постановки стратегических целей. О тактике, видимо, говорить в данном случае не стоит, так как теория любой тактики исчерпывается требованием готовности гибко реагировать на любые изменения положения вещей.

Формально-логический подход к поэтике обычно исчерпывается перечислением и исследованием способов применения поэтических средств, таких, как инверсия, аллитерация, рифма, поэтический метр и тропы, и в сущности не является глубоким и по большому счету философским подходом. Но на первом этапе овладения поэтикой он является необходимым и наиболее эффективным.

Диалектический подход к ней чаще всего сводится к рекомендациям противоположного свойства. Это или призыв к полной свободе самовы-

ражения, под которой подразумеваются новейшие способы «расширения сознания», или требование непрременной ангажированности» личности поэта до полного растворения её в религиозной общине, партии либо классе.

Сами авторы могут и не думать о том, что возможно научное осмысление их увлеченной, иногда весьма хлопотной и восторженной деятельности, тем более поиск в ней каких-то правил мудрости. Но лучшие из них, сами того не подозревая, неизбежно действуют так, как этого требуют законы поэтики.

Третья поэтика

Поэтика устной речи ориентирована на звуко-образное творчество, опирающееся в первую очередь на слуховое чувство и инстинкты. Материалом её является сама звуковая речь, инструментом – моменты, возникающие в первую очередь из звукового повтора и в последующем развившиеся до единиц, которые реально могут уместиться в памяти отдельного человека.

Если обратиться к поэзии народов, у которых до сих пор сохранены отношения первобытности, например, к народной поэзии народов Крайнего Севера, то можно удивиться количеству наглядных примеров композиционной привязки произведений устного творчества к среде обитания. Это и названия примет местности, и какие-то памятные события, и факты сезонной смены погоды. Существуют даже произведения, которые связаны с каждым индивидуумом в отдельности, так называемые личные песни. Что-то вроде устной визитной карточки или паспорта.

Дописьменные знаки, которыми могли быть природные, архитектурные, бытовые, культовые предметы и процессы, служили формированию содержания и содержательному оформлению этих инструментов. Племя и род как таковые могли только косвенно определять их объём. Принцип выделения из среды посредством называния или указания, принцип звукового сопровождения и наложения звуковых форм друг на друга был важнейшим на этом этапе развития человечества. Среда метилась деятельностью, сопровождаемой звуком и затем звуком самим по себе.

Принципом поэтики устной речи является мифосообразное отражение действительности в гармонии звука и соответствия его среде. Грубо говоря, это указание на значение, которое несут природные условия человеку для улучшения его жизни в них.

Поэтика письменной речи направлена на зрительно-смысловое творчество, которое опирается не только на чувство, но и на крепнущий разум. Письменная речь позволила обойтись без звукового повтора как организующего момента, для логики речи образовались иные ориентиры, кроме реалий мифа. Отпала необходимость запоминания огромного количества структурированных для устного воспроизведения сведений. Появилась возможность многократно возвращаться к единожды зафиксированной иероглифической, а потом буквенной записи.

Литературоцентричность культурной жизни Советской России была ярким примером бытования этой поэтики. Можно сказать, что принципом поэтики письменной речи стало уяснение смысла действительности и подход к возможному максимальному освоению сил природы.

В устных преданиях со временем накапливались тёмные места, непонятные для следующих поколений, но добросовестно передававшиеся далее и далее. Точно такие же темные места есть и в памятниках письменной речи. Значение и смысл их утрачены, их невозможно понять на уровне

современных отношений. Но сам факт закреплённости на материальном источнике даёт надежду на расшифрование в будущем, то есть в любом случае возможности письменной речи здесь оказываются богаче. И как носитель знания книга находится значительно выше устного предания, особенно специальная книга, рассчитанная на сохранение и передачу знания.

И поэтика информационной эпохи имеет свой принцип. Он основан на главном преимуществе, которое даёт машино-авторский текст, сменивший носитель с бумажного на электронный. Преимущество это заключается в возможности связать любую часть осмысленного текста с другим посредством гиперссылки.

Если в устной речи звуком можно было воспроизвести реальный звук и указать на реальный предмет или процесс, а в письменной посредством знака (буквы) закрепить для многократного осмысления особо оформленную значимую часть речи, то с помощью гипертекстового языка возможно как иллюстрировать речь схемами и рисунками, так и отсылать в доступные места мировой электронной библиотеки к конкретному документу. Это на порядок увеличивает возможности уяснения и усвоения необходимого знания, подкрепляет его доказательностью и оптимизирует творческий процесс самопознания, без которого не обойтись человеку, выбравшему путь знаний.

Принципом новой поэтики (виртуального реализма) является межтекстовое формирование явления машино-человеческой речи посредством языка разметки.

Возможно, за поэтикой виртуального реализма следует ещё одна поэтика, поэтика, принципом которой явится прямое осмысленное и законосообразное воздействие на действительность. Это когда ссылка приобретёт характер регулирующего сигнала в системе воздействия на природу не только слова, но и природу как таковую.

Поэтическое мышление

Когда названы философские и практические подходы к поэзии, понятно, что нужно определиться с тем, какого же рода эта духовная деятельность, чем она схожа с другими её видами и в чем её особенность. Чем характеризуется поэзия как мышление? Можно ли её исследовать с этой стороны?

Исторически поэтическое мышление древнее и глубже научного. Исторически поэтическое мышление предшествует философскому и научному, будучи орудием человека в эпоху перехода от дикости к цивилизации. Варварство, глиняный горшок и бронза – время становления поэтического мышления, в ту пору оно было большей своей частью мифологично (религиозно).

Поэзия по своему происхождению и сути – дело женское, видимо, поэтому наибольшего успеха в ней добиваются мужчины, сохранившие в себе душу ребенка. Важным свойством поэтического мышления является очеловечение природы, а также оприродствление (обожествление) собственных душевных свойств и исторических достижений человека.

Поэтическое понятие сохраняет еще черты представления, поэтическое суждение – ближе к композиции образов, а поэтическое умозаключение практически равно эстетическому переживанию – таковы формы поэтического мышления.

Будучи необходимым продуктом общения, оно никогда не было вытеснено прозой и наверняка не будет вытеснено в обозримую эпоху. Сохранению его способствует и то, что оно принадлежит к женскому типу мышления, остается в семейном воспитании в виде колыбельных песен, стишков и сказок. Его творческая суть всегда будет востребована в любом виде искусства и изобретательства.

Изобретение, открытие, первопроходство не просто поэтичны, но часто исключительно поэтичны хотя и не словесны. Поэтичными делает их ощущение, которое вызывает необходимость в описании и пересказывании. Это ощущение нового, юного, свежего, которое всегда волнует женщин и не оставляет равнодушными мужчин. Это чувство свободы.

Поэтическое мышление обнаруживается в содержании и композиции произведений искусства и приписывается автору как авторский замысел или, соответственно, идея. Кроме того оно возникает в душе зрителей, читателей, слушателей в форме эстетического переживания. Эстетическое переживание может быть индивидуальным и групповым, коллективным, массовым.

Поэтическое мышление художника предлагает нам прежде всего свои плоды, в то время как эстетическое переживание – это процесс потребления этих плодов, сопровождаемый удовольствием, процесс свободного возникновения в душе необходимого сочетания представлений, образов, в рамках задуманного автором. Иначе говоря, идея произведения имеет художественное значение, а публика, переживающая это значение эстетически, получает художественное понятие (представление) об этом значении. Наслаждаться поэзией, не обладая развитым слухом, всё равно что смотреть кино с повязкой на глазах.

Замысел, идея произведения, поскольку они имеют отношение к готовому произведению, кажутся статичными, не подлежащими какому-либо изменению. Всякое изменение, которое может быть произведено с ними, обычно относят к предварительной работе художника. Безразлично, производилась ли эта работа осмысленно, планомерно или вылилась сама собой в результате вдохновения, озарения. Но на самом деле подвижность в духовной жизни царит точно так же, как движение в природе.

Художественное общение автора и публики всегда происходит на фоне какого-то количества положительных или отрицательных чувств. Публика не только удостоверяется в приеме информации, но одобряет, восторгается, заражается желанием передать ее другому, распространить как можно шире либо выражает свое недовольство по поводу напрасно потерянного времени. От уровня культуры публики зависит восприятие произведения, порою восприятие высокодуховной вещи может стать для массы непосильным трудом.

Поэтическое мышление – есть возникновение, сочетание и соподчинение представлений, возникающих у читателя, зрителя в процессе чтения, созерцания либо иного восприятия произведения искусства. Уничтожение нелепых представлений – тоже в какой-то мере дело поэзии.

Поэтическая мысль – есть звуко-(образно-) смысловое единство так или иначе оформленных образов, дающих возможность аккумулировать и передать открытую или вновь изобретенную автором духовную ценность. Элементы поэтической мысли суть фрагменты картины, возникающей перед читателем, зрителем.

Автор и публика одновременно влияют на выбор и жизнь жанра в поэзии. Долговечность успешного поэтического произведения, кажется, не зависит от жанра. В каждую эпоху сосуществуют образцы великого творчества мировых авторов, которые достойно представляют духовность человечества в любом виде – от эпиграммы до эпопеи. А злоба дня выдвигает на передний план то, что требуется именно сейчас. Следовательно потребность правильного выбора стоит всегда как перед автором, так и перед читателем.

Если автор написал гениальное произведение, им нужно восхищаться. Чем глубже его понимаешь, тем более обогащаешься как личность.

Если автор не позаботился о том, чтобы его произведение было ясно и трогательно в целом, то понимание произведения состоит в соображениях по его разделению на части и восприятию их раздельно.

Если автор пишет преднамеренно темно и резко с целью отпугнуть непосвященных, то понимание ему не нужно, следовательно, такое произведение нужно отложить в сторону.

Отсюда три вида эстетической деятельности с текстом: сопереживание, домысливание, забвение.

Как при помощи слова получается знание?

Слово – это элементарная единица речи. Оно же является элементарной единицей поэтики. Правда, при этом основным в слове является представление. Тот факт, что речь имеет форму какого-либо языка, не должен вводить в заблуждение относительно материала, который изучает филология. Филология, занимаясь изучением речи, увлеклась этой стороной его формы и длительное время пыталась речь как предмет исследования подменить плодом своей деятельности – метаречью (языком).

Слово – то, что человек в речевом общении славливает (улавливает) из проводящей среды (воздуха, другого материального носителя звуковых колебаний). Слово в речи – это некий ряд звуковых или письменных знаков, называемых звуками или буквами. Звуковая форма слова проявляется в устной речи, в аудио- и видеозаписи, буквенная – в речи письменной, в виде записей, документов, книг или электронных текстов.

Слово в языке – то, что является предметом изучения лингвистики, и по существу есть некая абстракция, могущая в реальной речевой действительности существовать от случая к случаю, а для некоторых носителей языка (потенциальных производителей речи) и вовсе не существовать.

Знаковая форма слова – другим словом, его значение – позволяет ему не просто быть носителем смысла, но аккумулировать этот смысл, накапливать словесное знание.

Внешняя форма слова – его прямое значение, фиксируемое обычно толковыми словарями, несет бытовое или школьное знание.

На втором уровне форма слова несет расширенное значение, так называемое понятие слова, о понятиях слов информация находится в энциклопедических и специальных словарях и отражает научное знание.

Внутренняя форма слова несет глубинное этимологическое значение, является выражением его поэтической сути и несет культурное знание (знание культуры).

Духовное богатство человечества во многом состоит из слов речи. Из слов состоят философские трактаты, священные книги, учебники, сце-

нарии фильмов и игр, информационные сообщения, планы и молитвы, произведения поэзии, прозы и драматургии.

Художественное произведение обычно представляет собой некое целое, направленное на эстетическое переживание и по форме должно напоминать слово.

Слово имеет два основных свойства. Оно служит для пользы человека и заполняет его досуг.

Как знаковое единство слово имеет количественные и качественные характеристики. С количественной стороны оно имеет определенное число звуков (фонем), выразимых на письме некоторым числом букв.

Качественно звучащее слово отличается от письменного слова воспринимающим аппаратом. Для устной речи это уши. Для письменной – глаза. Хотя оба сводятся к воздействию на артикуляционный аппарат. Известно, что дети в процессе обучения читают, шевеля губами – беззвучно проговаривают каждое слово.

Навык чтения без шевеления губ, одними глазами, не снимает механизма воздействия на аппарат проговаривания.

Говорение (внутреннее проговаривание) слова может происходить автоматически, без участия чувства и сознания и с их участием, когда происходит выразительное чтение (декламация) или научение (понимание) с помощью слова. В последнем случае говорение сопровождается переживанием представлений и соображением понятий.

Поскольку переживание представлений заставляет подключиться организм человека от мышц до всех систем организма, оно представляет собой нечто вроде сна наяву, сопровождаемое сопутствующими сну явлениями: отдыхом и восстановлением сил. Соображение понятий в ходе проговаривания позволяет оценить их правильность или оригинальность и отметить в памяти истинность говоримого.

Речевой (артикуляционный) аппарат – результат долгой эволюции. Слово шлифовало аппарат, аппарат влиял на слово. Взаимодействие их несомненно.

Слово – элемент не только речи, устной или письменной. Слово – элемент оперативной и долговременной памяти человека говорящего.

Одним из результатов артикуляционно-словесного взаимодействия является аллитерация. В сущности, все слова русского языка, включая заимствованные, приспособлены к произнесению речевым аппаратом русского человека. Коль скоро число звуков ограничено, повторяемость созвучий – закон как устной, так и письменной речи. Художественное слово ориентировано на использование этой повторяемости в качестве косвенного средства передачи единства в многообразии.

Художественное слово нацелено на максимальную выразительность и многократную воспроизводимость. Не исключено его действие как нравственного регуляторного механизма общества.

Кроме того, звучащее слово имеет определенную силу звука, тембр, высоту тона, которые тоже поддаются количественному выражению. Письменное слово тоже имеет количественные характеристики: четкость, контрастность, величину букв, наклон и толщину линии, цвет, фон, расположение относительно строки.

Суть поэтики – знание того, что к поэзии относится и действует на создание художественного целого, а также того, что в ней лишнее и не может быть полезным в стихосложении.

Знание при помощи слов получается двояко. Во-первых, с помощью значений из толкового и энциклопедического словаря, во-вторых, благодаря этимологии. Спорно, что знание появляется благодаря художественному воздействию слова. Но пока существуют люди, они будут обнаруживать смысл во всём, ведь любая бессмыслица, отделенная разумом от прочего, обретает тем самым какой-то оттенок значения.

Какова причина поэзии? Потребность в возвышенном, в красоте (эстетическом переживании = эстетическом освоении действительности) порождает поэзию. Поэзия есть очеловечение, одомашнение природы. Почему очеловечение речи возникает благодаря ее ритмизации?

Поэтические размеры напоминают ритм сердца, слышимый в минуты волнения, возбуждения или, наоборот, засыпания, то есть в моменты интимные, следовательно, особо человеческие.

Для чего нужна поэзия? Кажется, скорее для развлечения, но если иметь в виду то, что поэтика есть творчество, то становится ясным его значение для развития общей культуры человека.

Как с помощью слова возникает поэзия?

Слово – это некий ряд звуковых или письменных знаков, называемых звуками в устной речи, буквами в речи письменной.

Первая и главная форма слова есть его телесная, внутренняя форма, форма, которую создавали на протяжении веков органы говорения: рот, язык, губы, легкие, гортань человека. Это форма движения и положения этих органов, которая даёт о себе знать прежде всего звуком – непосредственным продолжением их колебания в воздухе.

Слово – то, что человеку, проще говоря, нужно словить из воздуха, имея возможность произнести самому.

В поэзии основным в слове является представление. Поэтическим можно назвать произведение, в котором каждое слово помогает в выполнении особой задачи автора. Эта задача – создание единого представления. Неважно, на каком языке создается стихотворение. Яркое представление помогают составить особым образом подобранные слова. Поэтика помогает составлять слова иначе, чем обычно принято, следовательно, элементарная единица поэтики – поэтический инструмент. Иногда это слово, иногда – словесный оборот, иногда – метод построения слов.

Знаковая форма слова – иначе говоря, его значение – позволяет ему не просто быть носителем смысла, но аккумулировать этот смысл, накапливать словесное знание, помогать представлению превращаться в понятие и наоборот. Форма стихотворения помогает запомнить уникальный порядок слов, из которых оно сложено, и дает возможность неоднократно возвращаться к поэтическому произведению или отрывку.

Внутренняя форма слова несет глубинное этимологическое значение, является выражением его поэтической сути и несет культурное знание (знание культуры). Эта форма отражает потребность поэта в высказывании, а означает его заявление о себе, о своем месте в жизни. Способствует этому практическая неотделённость этой формы слова от тела человека. Сложно судить о выразительности чтения, не видя глаз и жестов автора, но знатоки говорят, что даже походка поэта незримо отражается в его «походке» слов.

Надо понимать, что поэтика не может отказаться от многовекового культурного развития человечества, поэтому современное отдельное сти-

хотворное произведение несет признаки не только внутренней формы но и внешней, и высшей. То есть оно должно не только представлять собой факт культуры, но и подлежать толкованию на чувственном уровне, оно должно быть доступно пониманию.

Иначе говоря, стихи непременно должны быть связаны с побуждением, чувством и мыслью, как любой акт духовной деятельности.

Тем не менее грубую ошибку сделаем мы, если будем считать, что если стихи непонятны или недостаточно понятны, то это уже не стихи.

Ошибка поменьше ожидает нас, если мы откажемся считать стихами те произведения, которые недостаточно воздействуют на наши чувства. Множество читателей могут быть не только взволнованы, но и потрясены тем, что для нас почти безразлично. Просто мы по-разному чувствуем.

Но наверняка невозможно сделать ошибки, если отказать в праве называться стихами тем сообщениям, которые не имеют отношения к внутренней форме слова. Стихотворения, написанные бесцельно, ни за чем и ни для чего, после чтения которых невозможно ничего сказать об авторе и его отношении к жизни, не заслуживают названия стихотворений. Пусть они даже каким-то таинственным образом воздействуют на наши чувства, пусть самым высоконаучным смыслом наделены слова, из которых они состоят, поверьте, – это не стихи.

Мария СИНЮКОВА

«ТАК БЫЛО»: ВОЕННЫЙ РОМАН К.Я. ЛАГУНОВА В ПЕРСПЕКТИВЕ ЕГО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

Писатель Константин Лагунов все детство и юность, на время которой пришлось Великая Отечественная война, провел на Тюменской земле. Потом он, пройдя обучение в Центральной комсомольской школе (Москва), был на ответственной комсомольской работе в Литве и Таджикистане. Только в 1961 году Константин Лагунов возвращается в Тюмень.

Первым большим художественным произведением, которое писатель создает на малой родине, становится автобиографический роман «Так было», выпущенный в Свердловске в 1966 году. Замысел основывается на личном опыте автора, руководившего работой комсомольцев в Голышмановском районе с 1942 года до завершения войны. Поскольку генетически слабое и ухудшающееся зрение лишило молодого человека возможности воевать на передовой, он вел активную работу в тылу, вместе с крестьянами, комсомольцами и своими старшими наставниками помогая фронту продуктами и вещами.

Характеры, представленные в тексте, мы находим и в дальнейшем творчестве писателя. Типы героев со временем усложняются, однако черты, описанные в первом «сибирском» романе Лагунова, присущи главным персонажам всех его знаковых произведений.

Об автобиографичности романа известно из книги-эссе Константина Яковлевича «Пред Богом и людьми», написанной в 1991 году. Читатель понимает, что главный герой произведения, первый секретарь райкома комсомола Степан Синельников, как бы «списан» с самого Лагунова. Персонажу присущи черты характера и внешности молодого писателя, сюжет же строится на основании реальной истории районной сибирской жизни в годы войны и работы комсомола, в том числе он включает отдельные факты биографии автора. Молодым людям приходилось брать на себя совершенно разные обязанности: они стимулировали крестьян к работе через полевые концерты и вечерки, собирали и отправляли на фронт то, что требовала партия, зачастую наравне с жителями деревень работали в поле – выполняли множество задач, которые ставило перед ними время.

«Прав поэт: “Кто сказал, что надо бросить песню на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне...” Да, не хлебом единым жив человек», – утверждает Константин Яковлевич в эссе, вспоминая деятельность своей агитбригады, в подробностях описанную в романе. Комсомольцы взяли в привычку готовить по две концертные программы в рабочий сезон: пока ездили из колхоза в колхоз во время сева, подходило время создавать свежую подборку номеров к сенокосу. Особой любовью крестьян пользовались карикатурные частушки, которые писал Лагунов о жителях деревень. «Каждую частушку встречали хохотом, криками, аплодисментами. Помню, спел я такую частушку:

*Председатель сельсовета
Уработалась за лето:
Просидела стул, списала,
Печь до дырок пролежала...*

<...> Частушек боялись. Их подхватывали, запоминали и начинали распевать на улицах, на вечеринках. Я сочинил и пропел их многие сотни».

В тяжелейшее для страны время редко когда крестьяне могли забыть о несчастье, послушать воодушевляющие песни и развлечься. Комсомольцы не только помогали отдохнуть, но и укрепляли в вере в победу, стимулировали к ежедневному труду, объединяли. Вероятно, поэтому в романе «Так было» значительная часть повествования строится вокруг этой стороны работы молодежи.

Важная фигура в тексте – первый секретарь райкома партии Василий Рыбаков, который, как признается Лагунов в эссе, является реально существовавшим «наставником и кумиром» молодого Константина. Писатель не изменил даже его имени. Вспоминая далекое военное время, Лагунов пишет: «Деревни сибирские обезмужичены... Хирело, кренилось, шаталось начавшее было крепнуть хозяйство колхозов и совхозов. Рассыпались, глохли и вязли стареющие трактора, комбайны, молотилки. Все чаще в борону впрягали коров.

Изматывали крестьян принудительные, добровольно-обязательные поборы, поборы и поборы: в фонд обороны, в фонд помощи блокированному Ленинграду, в фонд помощи детям-сиротам, на танковую колонну «Сибиряк» и т.д.». Текст «Так было» изобилует подробными описаниями таких поборов, когда от района требовалось предоставить фронту определенное количество хлеба или денег. Сборы осуществляли в том числе и комсомольцы. В условиях всеобщего разорения молодым людям требовалось искать подход к крестьянам, тщательно подбирать слова и доводы, чтобы колхозники делились последним с армией. Этому они учились у таких людей, как Рыбаков или его соратница Полина Федорова, в романе «сменившая фамилию» на Федотову.

«Надо о людях подумать. Мало о них думаем. Шумим, требуем, приказываем, даже угрожаем. А вот поговорить по душам с человеком нам зачастую недосуг. Привыкли “работать с массами”. А ведь они состоят из отдельных людей, разных по характеру и взглядам на жизнь», – сетует Федотова на одном из собраний. Рыбаков придерживается того же мнения: «Вообще мы слишком много заставляем».

Именно на таких людей равняются комсомольцы. Так, Лагунов в эссе пишет, что никогда ничего не требовал у крестьян, а «мог лишь ПРОСИТЬ», что «почти всегда находило положительный отклик председателя колхоза или сельсовета, привыкших к команде, окрику, кулачному стуку...». И молодые герои, и их наставники вместе с крестьянами работают на земле, когда требуется мобилизовать все силы в борьбе за урожай, всегда выслушивают жалобы колхозников, стараются помогать жителям села, когда это в их силах. Поэтому такие персонажи пользуются уважением сибиряков.

Вспоминая в эссе прототип Федотовой, К.Я. Лагунов рассказывает, как она порвала донос на молодого человека, хотя прокурор уже успел завести дело: «Вот так ПАРТИЯ предстала передо мной силой ВЕРХОВНОЙ, СТОЯЩЕЙ НАД ЗАКОНОМ, но доброй и справедливой». Эта же женщина познакомила его с основами марксизма и дала ему первую рекомендацию для вступления в партию. «...вступая в партию, я вступал в рыбаковскую команду», – подчеркивает Константин Яковлевич. Именно Рыбаков в личной беседе со Степаном в романе выражает суть жизни партии: «Но есть на земле одна должность... И тот, кто ее занимает, не может рассчитывать

на снисхождение. Он должен быть чист, как родниковая вода. И честен, безгранично честен <...> Таким должен быть партийный работник».

Как в воспоминаниях писателя, так и в художественном тексте, конечно, находятся и противоположные этим героям фигуры, отчасти на борьбе с которыми строится сюжет. В эссе Лагунов отмечает: «За нужды фронта легко было упрятать любые просчеты, ошибки, нелепости, даже пакости. “Война все спишет” – и ОНА списывала...».

Постоянные поборы и контроль за выполнением норм не могли не злить крестьян, что находило отражение, например, в насмешках над уполномоченными, которые часто не знали деревни с ее особенностями, но требовали выполнения планов. Некоторые реальные истории с небольшими изменениями вошли в роман.

Так, герой книги, школьник Колька Долин, остановивший свою машину во время сева, чтоб протереть свечи, на раздраженный окрик уполномоченного Богдана Шамова, почему тот остановился, ответил, что потерялась «главная контргайка, которая колесо к мотору прикрепляет». Когда Шамов принялся отчитывать колхозников за низкие темпы сева, не забыл упомянуть и о контргайке, за что был высмеян и отчитан другими уполномоченными: «Никакой контргайки он не терял, потому что... в тракторе ее не существует <...> вам, товарищ Шамов, следовало знать, какими гайками и что крепится у трактора, прежде чем разговаривать с трактористом. А то мы привыкли давать общие указания да общие советы, а в деле не разбираемся».

В романе констатируются и факты воровства районным начальством (тем же Шамовым), и попытки единоличников (крестьян, не входивших в колхозы) нажиться на войне, продавая артелям запасы сена и зерна, и случаи вредительства, в которых обвиняли субботников и разбойников, и равнодушие – последнее отчетливо проявлялось в мироощущении жены Рыбакова Вари, не интересовавшейся ничем, кроме блага собственной семьи. Это, возможно, и стало причиной измены Рыбакова, полюбившего ее противоположность – председателя колхоза Настасью Ускову, целиком отдававшую себя работе.

Почти полвека спустя Лагунов переосмысливает происходившее в ту пору: «Теперь, оглядываясь назад... я понимаю, какой убогой и жалкой была... жизнь сибирского крестьянина. Почему-то советская власть, вернее, подлинные властители страны – большевики – с первых дней своего владычества относились к крестьянству как к бессловесному, безропотному, работному тяглу, которое по ленинско-сталинскому предначертанию обязано было кормить, одевать, обувать и оборонять великую, донельзя разоренную Советскую державу, получая за свой тяжкий, подневольный труд ничтожно малую часть произведенного им продукта.

Жестоким насилием и террором добились большевики покорности и послушания крестьян. А можно ли по-другому? А надо ли по-другому? А как по-другому? Над этими вопросами я тогда не задумывался, воспринимая как что-то неизбежное и непреходящее окружающую реальность, а значит, и положение крестьян, которых большевики столкнули в бездну, превратив в удобрение грядущего коммунистического рая...».

Эти слова равно характеризуют и события, описанные в романе К.Я. Лагунова «Красные петухи» (1978) о начале Западно-Сибирского крестьянского восстания зимой на рубеже 1920 и 1921 гг. В этом тексте, как и в «Так было», на сибирских крестьян надеялась вся разоренная и голодающая страна. И, согласно официальной версии власти, которой при-

держивался и писатель, мятеж случился по вине контрреволюционеров и продкомиссаров, жестоко обращавшихся с народом и силой забирающих хлеб у мужиков. Противоположной политики следовал чекист Чижиков, который пытался объяснить крестьянам необходимость продрозверстки и внушить преданным власти продкомиссарам, что с исторически вольными сибирскими мужиками требуется быть мягче и комментировать им каждый запрос власти.

Таким образом, эти два романа схожи своей проблематикой и решениями, которые принимают представители власти для достижения схожих целей. А в образе Чижикова и его рассуждениях угадывается характер Рыбакова – цельной личности, преданной новой идеологии, выполняющей долг перед страной, но делающей это человечно. И ему, как и Рыбакову, не удается удержаться от запретной любви, только, в отличие от женатого героя романа «Так было», холостой чекист влюбляется в замужнюю красавицу. Эти поступки персонажей «оживляют» образы, делают их объемными, менее однозначными, показывают их человеческую природу, которой свойственны слабости.

В дальнейшем творчестве К.Я. Лагунов не раз использует этот прием: главные герои романов «Больно берег крут» и «Бронзовый дог» – преданные своему делу руководители в нефтегазовой отрасли Гурий Бакутин и Максим Бурлак, на идеях и внутренней силе которых держится производство, – тоже не могут совладать со своими чувствами, страстями и оставляют семьи, рискуя потерять уважение друзей и коллег.

Этим же персонажам присуща «одержимость» (именно это слово при их описании используется в романах) в постоянной борьбе за общее дело, начиная от обеспечения фронта хлебом («Так было»), заканчивая строительством газоперерабатывающего завода ради сохранения попутного газа при нефтедобыче («Больно берег крут»). И на пути к цели герои сплачивают вокруг себя команды сторонников, готовых биться вместе с ними, а также приобретают врагов, для которых наибольшую важность имеют частные интересы и личное спокойствие.

В романе «Так было» наиболее полно прорисован этот тип в образе Шамова – образованного партийного деятеля, который может любую ситуацию представить в выгодном для себя свете, подкрепляя доводы меткими цитатами Сталина или Маркса. В дальнейшем творчестве писателя появятся более сложные фигуры пытающихся разобраться в себе журналиста Ивася («Больно берег крут»), секретаря крайкома партии Серафима Бархударова («Отрицание отрицания») и других персонажей, обладающих достаточными знаниями для того, чтобы давать однозначные ответы обществу, но при этом противоречащих собственной природе.

В последующих романах автор будет использовать слова «двурушник» и «фарисей» для обозначения таких героев. Одновременно Шамов трус: ссылаясь на плохое здоровье, он не идет на войну, пережидая ее в далекой Сибири и мечтая позже вернуться в Москву; отрекается от родных (сначала от арестованного в 1937-м брата и защищавшей его матери, а во время войны – от жены-немки).

Эта же черта характеризует одного из персонажей романа «Отрицание отрицания», начальника нефтяного главка Виктора Вандышева, который боится своего прошлого (он не знает о судьбе отца и страшится открыть правду), не может ответить отказом начальству, которое постоянно требует увеличения добычи нефти, даже будучи уверенным, что повышение показателей загубит месторождение (нефть нужна государству так же, как

когда-то был необходим сибирский хлеб). Он равнодушен к общему делу, скорее даже ему препятствует – на противостоянии таким персонажам, как было отмечено выше, построен не один роман Лагунова.

В «Так было» Шамов никого не любит: пока ему выгодно жить с женой, поддерживающей их быт, он с ней, однако вскоре после ее ухода берет в жены молодую секретаршу Валу, которая отлично справляется с их хозяйством, но когда дело доходит до беременности, герой вынуждает ее пойти на аборт. Ситуация повторяется в «Отрицании отрицания», когда амбициозный внук известного геолога Галий Барбьек уговаривает влюбленную в него девушку отказаться от ребенка и в конечном счете доводит ее до самоубийства.

В романах писателя таким персонажам часто противопоставляются члены их же семей. Так, сын Шамова Вадим чувствует, что мать покинула дом не по собственной воле, и винит в этом отца. Он же первый осознает, что тот лукавит, утверждая собственную непригодность к службе: «Сам подальше от фронта уехал и меня хочешь?», обвиняет отца в нечестности и в итоге отправляется на войну. Аналогичная ситуация возникает между Серафимом Бархударовым и его сыном, который оказывается в результате их первого столкновения в Афганистане, а вернувшись, возглавляет оппозиционную режиму группу молодых людей.

Итак, очевидно влияние первого «сибирского» текста К.Я. Лагунова на последующие романы писателя. Это выражается как в сюжетных параллелях, общих нравственных коллизиях, литературных приемах автора, так и в типологической схожести персонажей. При этом отметим, что образы родились благодаря наблюдению будущего романиста за реальными героями, с которыми сводила его судьба в военные годы. И если в тексте «Так было» они описаны Константином Яковлевым почти без изменений, то в дальнейших произведениях характеры усложняются, становятся более объемными, появляются внутренние монологи персонажей, которые ищут ответы на вопросы различного порядка: от производственных и политических до вневременных, касающихся проблемы существования Бога и цели человеческого существования.

ПУБЛИЦИСТИКА

Мария СИЛЬНЯГИНА

ЧЕТЫРЕ ЛИЦА ОЛЕГА ПЕЧЁРИНА

*Не разбив скорлупу у яйца –
Не понять его степени тухлости...
Вот и маску сдирая с лица –
Берегись неожиданной сущности...*

Человек не может быть плохим или хорошим, потому что каждый видит его своими глазами. На каждом этапе жизни мы встречаем разных людей и играем какую-то роль в их судьбе. У Олега Печёрина было четыре женщины. Каждая из них любила его по-своему. Только женщина может рассказать о мужчине то, что, возможно, не знает он сам. Не может этого сделать одна женщина, потому что с каждой он был разным. Их судьбы переплелись, он объединил их. Он стал их общей любовью, общим горем, общим воспоминанием. Олег Печёрин родился на Севере в 1966 году. Его мать Галина Яковлевна, которую все называли баба Галя, рано осталась без мужа. Олега от отца было не отличить. Он женился в 1988 году на Элле Семеновой, за которой долго ухаживал. Читал стихи, стоя на руках, отгонял навязчивых соперников. Детей у него не было, но он любил племянницу Эллы – Маришку, как свою родную дочь и сам об этом говорил. Света, фамилии которой никто не знает, называет себя Светланой Печериной. Она была кем-то между женой и любовницей, хотя Марина никогда не поймет, как эта чужая во всех смыслах женщина могла быть рядом с ее Олежкой. Есть такая картина «Женщина без лица», есть такой мужчина Олег Печёрин – у него было «четыре лица»

Лицо 1-е – Марина

– В садике Катька Магомедова всегда была безвкусной Снежинкой, Дашка Басова мечтала когда-нибудь превратиться в Памелу Андерсен, а я хотела выйти замуж за Олежку. Да, в три года, с трудом выговаривая букву «р», я планировала нашу свадьбу. Олежке тогда было уже лет тридцать, но мне он казался самым красивым на свете. Даже принц мне так не нравился... Кто он мне? Трудно сказать, ведь он не отец, не брат, не дядя... Он – воспоминание, лучшее воспоминание в моей жизни.

Помню, я опускала пробки в ручей и бежала за ними, чтобы посмотреть, какой «кораблик» будет быстрее. Олежка приезжал нечасто, обычно это был день рождения или еще какой-то праздник, почему он оказался рядом в этот раз, я, если честно, не знаю, но мне захотелось, чтобы мы вместе бежали за этими пробками. Он всегда подсмеивался над моими рисунками, на которых голова была больше, чем туловище, над моими поделками и вообще над всякой ерундой, которую я делала. На это и правда смотреть без смеха было невозможно. За пять минут он сделал три кораблика, просто взял кору, бересту для паруса и выстругал их. Мне тогда показалось, что он волшебник, ведь никогда до этого у меня не было своего маленького детского флота. Мы позвали с собой Эллу. Элла – это

его жена. Вернее, тогда она была его женой. Если бы меня спросили, что такое счастье, я обязательно рассказала бы эту историю.

«Сумчатый дьявол», «Винторогий козел», «Антилопа Гну» – догадываетесь, откуда я знаю эти названия? Конечно, нет. Примерно в то же время, когда я так мечтала быть Олежкиной женой, он подарил мне лото. Лото, представляете. Детям в это время обычно дарят дурацких кукол, кубики, видеокассеты, а мне он подарил лото. В этом был весь Олежка. Потом я старалась читать Григория Остера, Сергея Есенина, все, что ему нравилось. Даже сейчас, спустя много лет, я играю в покер, только потому, что он любил это делать

Знаете, у меня всегда было много подарков: трехколесный велосипед, Микки-Маус, расписной столик, до которого я еле дотягивалась, огромные куклы, медведи. Я много всего помню и люблю. Но это лото, книжка, которую он мне подписал, шуточные стишки, красивейшие шарики и конфеты «Мерси» – все это как будто хранится в отдельном шкафчике в моем сердце. И шкафчик этот нельзя открыть, что-то из него вытащить. Ничто не может затеряться на полочке, ничего нельзя случайно выкинуть или забыть. Всегда, понимаете, всегда он меня поздравлял, но вот однажды утром в мой день рождения он позвонил и сказал, что оставил подарок за дверью, а еще через год он позвонил только через несколько дней. Мы долго разговаривали, наверное, он уже тогда знал, что это будет последний разговор. Спросил, видела ли я «Девочку на шаре»? Теперь часто бывает, что я смотрю на эту картину и пытаюсь в ней что-то увидеть, пытаюсь понять, что он хотел мне сказать, надеюсь, что все-таки что-то хотел...

Я так не люблю подростков, это самые мерзостные люди, которые бывают на свете. О том, что Олежка умер, мне сообщила мама. Она пришла домой заплаканная, а я клеила вазу. У меня были планы, у всех четырнадцатилетних девиц бывают планы. Нет, я, конечно, поревела, но как-то недолго, ведь в девять нужно было накрасить ресницы и пойти на дискотеку. Как он умер, я тогда не знала, Элла с Олежкой уже несколько лет не жили вместе. Может, они стали чужими? Она не плакала, она не говорила о его смерти, она не ездила на похороны. Она курила. Я никогда раньше не видела ее такой. Она держала в руках сигарету и просто была далеко. Они не стали чужими, они ими стать не могли.

Лицо 2-е – Элла

– Эта сигарета... Я помню... Баба Галя меня не поняла. Не поняла, почему я не приехала на похороны. А я просто не могла. Олежка – это мой первый мужчина, мы с ним прожили больше десяти лет, и вдруг он умирает. Я знала, что у него проблемы с наркотиками. Когда мы разводились, он уже покуривал траву, я говорила и бабе Гале, и сестре его Тамаре, но мне как-то не поверили, подумали, что оговариваю его из-за развода. Какого мне было узнать, что его нашли на станции с передозом?! Раньше я думала, что любовь может все стерпеть, что она не заканчивается никогда... А Олежка ведь меня правда любил, он начал бегать за мной сразу после армии, я тогда еще училась в школе. Он устроился шофером, заезжал за мной на «ГАЗ-66м». Потом я уехала учиться, а он приезжал часто, письма писал:

Здравствуй, мое сердце!

На улице метет, и мне стало грустно, и фотография не помогает, очень уж неживая ты на ней, она у меня сзади так и подписана: «Льдинка», 1987

год. Я хочу новую совершенно, можно вместе, если желаешь. В общем, я же не знаю еще, приеду на Новый год или нет, скорее всего, нет, но после-то обязательно приеду...

Вот ночь на дворе. 5 ч 10 мин., через три часа пойду работать, работать в такую погоду – вообще адское занятие. Я вот что думаю, пока время есть, я что-нибудь напишу тебе, а завтра постараюсь отправить, хоть я и не поэт, но у тебя же день рождения, и ты в юности как-то попрекнула меня, что я тебе ни строки не посвятил. Ну а там уж что получится...

*Дорогая, любимая Элла!
С днем рождения тебя – моя роза!
В голове моей музы так мало,
Что я предпочел бы прозу.
Но, вспомнив давние просьбы,
Что просила когда-то меня ты,
Написать про рябины грозди
Или что-то про класс десятый.
Я исполню свой долг «поэта».
Вспомню два наших ярких года,
И любви получу за это,
До трех тысяч десятого года.
Мы не жили, мы существовали
И от жизни так мало брали,
В чувства нежные долго играли
Что и вспомнить приятно едва ли.
Но теперь все у нас по-другому.
Перемены в тебе мне понятны.
Ты мечтаешь по нашему дому?..
Помечтай, это «во как» приятно...*

Олежка, конечно, не поэт, да и любви до трех тысяч десятого года у нас не получилось... Он художником мечтал быть. Картину мне как-то подарил, на которой сзади подписал «Олег Матис. «Танец». Когда мы решили пожениться, никто особо не обрадовался, не очень подходящей женой меня считали. У нас семья большая, отец умер рано, мамы постоянно дома не было, она в столовой работала с утра до ночи, жили бедненько. А у Олежки семья по тем временам считалась богатая, тетка Зинка работала продавцом продовольственного магазина, приворовывала понемногу, как и все тогда. Это сейчас я для нее «Эллочка», а раньше...

Детей у нас с Олежкой не получилось, Маришу – мою племянницу – любили, как своего ребенка, и спаниэльку Эммку. Я ее кормила, расчесывала, выгуливала, но если мы ее звали вместе, то шла она всегда к нему. Олежка и раньше дурной был, вечно боялась, что с ним что-то случится, уйдет с Эммкой гулять и нету три дня... Возвращается весь избитый, то магнитола у него вытащат, то документы потеряет, то с гаишниками сцепится, тот еще тоже... был. Но зато с ним всегда весело, беспроблемный он, что ли. На море – так на море, в лес – так в лес. Машина сломается где-нибудь в поле, а он посидит, подумает, поковыряет что-нибудь в капоте, да и едет себе дальше. Однажды, на самолет опаздывали. Вызвали такси, а оно не приехало. Я бегаю возле него, ругаюсь, руками размахиваю, а он стоит и говорит мне так спокойненько: «Не кричи, я же думаю над этим вопросом».

На море мы всегда ездили вчетвером: я, сестра моя Аня, Мариша и Олежка. Когда мы уже развелись, Олежка все равно за нами увязывался. Один раз приехал к нам в Кабардинку, умудрился нас как-то на пляже отыскать, телефонов ведь тогда не было, привез билеты в аквапарк, сказал, что завтра поедем. В итоге напился, и мы поехали втроем, он не мог без приключений. Вот Олежки уже нет, а мы до сих пор вспоминаем этот аквапарк, как его из вытрезвителя выкупали, как шаурмой в жару объедались, как раков ловили и как нам весело всегда вместе было. Сейчас и с Олежкиной матерью снова стали отношения налаживаться, ездим к ней на дачу, яблоки едим.

Лицо 3-е – Галина Яковлевна. Баба Галя

– Яблоньку эту Олежа сажал. Он ведь дом этот выбирал, он меня заставил переехать, а то жила бы в квартире одна, никто ко мне бы не ездил. Сейчас на дачке этой все собираются, и внуки приезжают, и правнуков привозят. Элла зря думает, что я на нее обижаюсь, я Олежу-то сильно любила, да и сейчас люблю не меньше, скучаю, не могу. Смотрю на фотографию сначала, где мы с ним вдвоем на скамеечке сидим, а потом на фотографию, где на той же скамеечке только теперь я одна сижу. Плачу... Я ведь понимаю все, Элла раньше красавицей была, ох, какой еще красавицей, Олежа-то ее как сильно любил, вот только Бог им деток не дал, он и нашел себе Ленку какую-то. А она молодая, деньги с него выкачала, да и бросила. Он ведь бизнесом занимался, у них с Эллой всегда деньги были. Он книги возил, это прибыльное тогда дело было. У меня вон сколько книг осталось, у Эллы там библиотека целая, он читать любил, «Мастера и Маргариту» всегда с собой в машине возил. Наркотики эти проклятые не дали ему пожить. Я себя только во всем и виною. Надо было его на фазенду к Сергею – сыну моему старшему – увезти и там оставить. С фазенды с этой так просто не выедешь, она далеко, и озеро там в лесу, может и спасли бы его тогда. Страшно в последнее время уже на него смотреть было, зашла к нему как-то, а у него там в кресле шприцы воткнуты, ну как вот так получилось-то?!

Да и как я Эллу винить буду. Он тоже кредит решил взять, а ее поручителем позвал, даже сумму не сказал, ей потом выплачивать под двести тысяч пришлось самой. Я говорю: «Ну как же так-то?» А Элла испугалась, что он денег должен и что убьют его, да и согласилась, хоть и увидела уже, сколько он берет-то. А они тогда уже лет шесть вместе не жили. Он вот последние несколько лет со Светой жил, не жена она ему была, так...

Нет, не могу себя простить, не могу всех нас простить.

4-е лицо – Света

– Может, я и не была его женой, но я Олега любила. Я еще девчонкой была, когда его первый раз увидела, с братом моим они знакомы были. Вот тогда и влюбилась. Олег – он красивый, умный, добрый. Но на меня внимания, конечно, не обращал. Мне повезло, что он вообще со мной был, хотя я понимаю, что это только потому, что ему совсем стало плохо, он потерялся. А мне не привыкать, я всегда так жила, мать с отцом дрались постоянно, братья дома появлялись редко, я никому дома-то и не нужна была особо. Вот мы, наверное, и стали жить вместе, потому что были никому не нужны. Он уже не нужен, а я никогда не нужна.

Со мной он был другим. Бесплезно было учить его жизни, он считал, что я его не достойна. Я его как-то упрекнула, а он сжал меня, как губку и толкнул на диван. Но я все равно была рада, что Олег со мной.

Он как из другого мира... и Элла тоже. Можете себе представить, мы приезжали к ней в гости, и меня принимали, как будто так и надо. Они были семьей. Не мужем и женой, но семьей – родственниками, друзьями. Я им так завидовала. А тетя Галя... А Тамара, Вася, Никитка, Алиса... У него столько родных, они так друг друга любили. У них другой мир, новый для меня, далекий, я постоянно думала, как же мне повезло, что хоть немного я побуду в этом мире. За несколько лет до смерти он уже не хотел ездить к ним, он уже был совсем наркоманом, настоящим! Сказал мне как-то: «К ним нельзя, я их люблю». Поэтому последнее время он был со мной, потому что к ним было нельзя, потому что их он любил.

Олег Валентинович Печёрин умер шесть лет назад от передозировки наркотиками. Наркоманы относятся к самоубийцам, поэтому провести отпевание было нельзя. Марина смотрит на «Девочку на шаре», Элла – на «Танец» Олега Матиса. Баба Галя плачет, глядя на две фотографии, а Света с гордостью представляется Светланой Печериной. Олега больше нет, но у каждой из этих женщин остались воспоминания. Четыре женщины – четыре лица Олега Печёрина.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр ЯРКОВ

КОЗЬМА ПРУТКОВ И ДРУГИЕ СИБИРЯКИ НА КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

Какое отношение имеет Козьма, по сути – литературная маска, к Сибири и тем более к Крымской кампании? Конечно, не прямое, а опосредованное. Оттого еще более интригующее.

Итак, под именем Козьмы Пруткова в 1850–1860-е годы в журналах «Современник», «Искра» и других выступали Алексей Толстой и три брата Жемчужниковы – Алексей, Владимир и Александр. Но в коллективном псевдониме не указано еще одно имя. Дело в том, что, по мнению ряда исследователей, причастны к творчеству Козьмы и наши земляки – Петр Павлович Ершов и ... Владимир Михайлович Жемчужников.

Да, именно так. Если с Ершовым все понятно – наш, «кондовый», то второй... Но и здесь ситуация объяснима – в 1854 году, не окончив курса Санкт-Петербургского университета, В.М. Жемчужников приехал в Тобольск, где служил чиновником по особым поручениям при тамошнем губернаторе Арцимовиче. Ситуация «хитра» тем, что Виктор Антонович Арцимович был женат на родной сестре Владимира Михайловича – Анне.

Неизвестно, являлось ли выявленное родство причиной добровольной отправка поэта на Крымскую войну или патриотический пафос? А может, сыграла роль усталость от провинциальной жизни, на которую тот был обречен, подписав контракт на три года. По крайней мере, известно, что Казенная палата не стала взыскивать с него полученные прогонные (на две лошади от Санкт-Петербурга до Тобольска) и пособие, сославшись на царский манифест от 26 августа 1856 г. списавшего все долги с дворянина В.М. Жемчужникова. Он, поразительно, отслужил в Тобольском губернском правлении день в день ровно один год – с 24 апреля 1854 г. по 24 апреля 1855 г.

За тот год Владимир Михайлович подружился с П.П. Ершовым, а на его просьбу пристроить куда-либо сцену «Черепослов, сиречь «Френолог»» ответил, но спустя пять лет: в «Современнике» в 1860 году она была напечатана от имени отца Пруткова, «...дабы не портить уже вполне очертившегося образа самого Косьмы».

Между тем в апреле 1855 года Владимир Михайлович Жемчужников отправился на Крымскую войну прапорщиком, поступив в Стрелковый полк Императорской Фамилии. Петр Павлович Ершов откликнулся посланием на его отъезд из Тобольска так:

В.М. Жемчужникову

*Прощай! Под знаменем отчизны,
Железо в руки, крест на грудь! –
Как Руси сын, без укоризны,
Или свершить твой новый путь.
Неси избыток сил кипящих*

*Царю, Отечеству в оплот,
И светлым роем дел блестящих
Ознаменуй твой ратный год.
Да будет Бог твоим покровом –
В бою мечом, в огне щитом!
И возвратись в венце лавровом
И жив и здрав в твой отчий дом.*

Однако участвовать в Крымской войне Жемчужникову не пришлось: в начале 1856 года, в Одессе, он тяжело заболел тифом, а уже в ноябре вышел в отставку.

Что же касается стрелкового полка, то он был сформирован, в основном, из удельных крестьян Новгородской, Архангельской и Вологодской губерний. Сибиряков там было мало, как в принципе, и в более знаменитом 38-м Тобольском графа Милорадовича пехотном полку, которому Лев Николаевич Толстой посвятил свои «Севастопольские рассказы».

Оба полка доблестно сражались в Севастополе, да так, что в 1856 году изрядно поредевший, но героический полк, в котором не довелось дослужить В.М. Жемчужникову, преобразован в лейб-гвардии Стрелковый батальон Императорской Фамилии.

Об истории же 38-го пехотного полка, принимавшего участие в войне с Наполеоном и в Крымской войне 1853–1856 годов, известно гораздо больше, а в Тобольском архиве собрано немало уникальных исторических документов, среди которых есть и воспоминания самих воинов, и фотографии полка.

Во время Крымской войны не только два упомянутых полка, но и вся императорская армия (значительно уступавшая в качестве вооружения и технической оснащённости армиям Великобритании и Франции) проявила чудеса храбрости. Со времен Отечественной войны 1812 года она сохранила высокий боевой дух и военную выучку. Были среди оборонявших Севастополь люди, соединившие своей судьбой эти две войны и сибирское прошлое, подобные Александру Николаевичу Муравьеву. Отставной полковник Генерального штаба, участник тридцати больших и малых сражений, он стал основателем первой декабристской организации «Союз Спасения», но в 1818 году вышел в отставку и отошел от движения. Тем не менее был привлечен к ответственности и осужден по VI разряду (правда, без лишения чинов и дворянства). Примечательно, что он в 1832–1834 годах даже исполнял должность тобольского гражданского губернатора. Успел «сибиряк поневоле» поучаствовать и в Крымской войне, а после нее занялся подготовкой крестьянской реформы. Так всю свою жизнь Муравьев – основатель первой декабристской организации – оставался верен идеалам юности.

Р.С. Губернатор Тюменской области Владимир Якушев выделил средства на восстановление Братского кладбища в Севастополе, на котором захоронены герои Крымской войны 1853–1856 годов, в том числе более 4,5 тыс. солдат и офицеров 38-го Тобольского пехотного полка.

Аркадий ЗАХАРОВ

ПО СЛЕДУ БАБЫ ЯГИ

Эссе

Когда во втором (13) номере за 2004 год альманаха «Врата Сибири» вышло мое исследование «Наина – хранительница очага рода Яги», я не испытал особенной радости. Не покидало ощущение незавершенности, недосказанности сведений по ее происхождению и родственным связям. В огромном фольклорном материале, который мне пришлось для этого перевероршить, не нашлось ответа на вопросы:

- Почему Яга в сказках всегда старая и живет отшельницей, подобно Агафье Лыковой?

- Из того, что в ряде сказок у Яги присутствуют сестры, следует, что молодой Яга все-таки когда-то была. А если так, то кто ее мать и отец?

- В некоторых сказках у Яги обнаруживается дочка. Значит, у Яги был муж. И кто же муж Яги? Он обязательно должен был обнаружиться. Но даже следок не отыскался.

В сборниках записей русских старинных сказок Афанасьева, Зеленина, Ончукова информации по этим вопросам найти не удалось. Не прояснил ситуацию и замечательный исследователь русского фольклора В.Я. Пропп в труде «Исторические корни русской волшебной сказки». Как впоследствии оказалось, искал я не там, где хранится клад, а «под фонарем», там где светлее и привычнее разыскивать.

Ответы на все перечисленные выше вопросы обнаружили неожиданно и ближе, чем можно было ожидать. Виной этому стал профессор Тюменского госуниверситета Юрий Лукич Мандрика, кропотливый архивист и книгоиздатель забытой с годами тюменской литературы. Именно он обнаружил в хранилищах Тюменского областного музея и с группой своих коллег В. Чупиным, В. Темплингом, Н. Рогачевой подготовил и издал в трех томах богатейшие архивные записи Петра Алексеевича Городцова под общим названием «Были и небылицы Тавдинского края» (Тюмень. Из-во Ю. Мандрики, 2000 г.), оставшиеся почти не замеченными читателями и знатоками.

Личность Петра Алексеевича Городцова в сохранении русского сибирского фольклора настолько значительна, что о нем следует рассказать поподробнее.

Высокообразованный юрист, на тридцатом году жизни он покидает обжитую Рязань, чтобы принять назначение на должность судебного следователя Тобольской губернии, и поселяется в селе Покровском Тюменского уезда. Там исполняет сначала должность мирового судьи 5-го участка Тюменского округа, а в начале 1905 года переводится в ведомство МВД крестьянским начальником 3-го участка Тюменского уезда. За семь лет работы мировым судьей Городцов приобрел доверие местного населения и наладил контакты со «знаткими» людьми: сказителями, знахарями.

Общение с ними дало ему возможность собрать и записать обильный и уникальный по своему значению материал. Не исключено, что увлеченность сбором фольклорных материалов отвлекала П.А. Городцова от административной деятельности и исполнения служебных обязанностей, что стало известно Тобольскому губернатору Л.Н. Гондатти, который жестко

потребовал «прекратить общаться со сказителями, что непозволительно для крестьянского начальника».

Но Городцов предпочел оставить службу и подал прошение об отставке. После увольнения П.А. Городцов переезжает в Тюмень, но продолжает заниматься собирательской деятельностью, встречается с крестьянами, обрабатывает собранный материал, готовит его к печати. В 1919 году П.А. Городцов умер, оставив после себя уникальный архив, поступивший в распоряжение Тюменского областного общества научного изучения местного края, при котором была и библиотека П.А. Городцова. И оттуда архив попал в фонды областного краеведческого музея, где их обнаружил Ю.Л. Мандрика.

В изданном им наследии Городцова внимание привлекает былина об Илье Муромце, объединившая в один сюжет привнесенные на сибирскую землю выходцами из России предания о богатырских подвигах, но уже местными сказителями дополненная и завершенная на свой лад финалом несомненно сибирского происхождения. В заключительном эпизоде былины мы находим югорскую Ягу и ее родственников.

Известно, что былины, в отличие от сказок, корнями своими уходят в глубокое историческое прошлое народа и содержат отголоски реально происходивших событий и имена когда-то живших героев, вроде Ильи Муромца и Никиты Добрынича (сибирский вариант Добрыни Никитича). Во всяком случае, современные исследователи нас уверяют, что такие дружинники у князя Владимира действительно служили. Все это дела давно минувших дней и далеких от Сибири мест.

А наша былина была записана в 1907 году Городцовым в пересказе замечательного рассказчика, знахаря и колдуна Луки Леонтьевича Заякина, девяностолетнего малограмотного крестьянина из глухой деревни Артамоновой, что на реке Иске в Тюменском уезде. Заякин слышал ее в молодости от другого сказителя, а тот, в свою очередь, от предшественника. И так по цепочке, во глубину веков и территорий передавалась информация, в которой каждое слово на вес золота и утрачено быть не может.

Поскольку в былине объединены несколько сюжетов героического эпоса, известных по другим источникам, то на былине можно бы не останавливаться, если бы в ее конце не появились персонажи и герои к богатырским подвигам Ильи Муромца непричастные и по происхождению инородные.

Это сказание о сражении Алеши Поповича с бабой Горынккой за обладание ее прекрасной дочерью, волшебницей и богатыршей Ягой Ягиничной. Чтобы оправдать включение этого эпизода в былину, сказитель делает Илью Муромца случайным свидетелем битвы между Поповичем и Горынккой. Довольно неприглядным свидетелем и подстрекателем: «Бей ее по титькам, по белькам. Под гузно!».

В отличие от других супостатов, реально угрожавших спокойствию Руси и утихомиренных русскими богатырями, Горынка ничем не провинилась, никому не угрожала, не поджигала, никого не грабила, не убивала. И не было никакого основания для нападения на нее Алеши Поповича, кроме ее языческой сущности да ее замечательной дочери Яги Ягиничны.

Обратите внимание: в былине впервые названа мать Яги – баба Горынка и обозначен отец Яги, вероятно Яг, Ягу или Ягве.

Прозвище Горынка происходит от глагола гореть (жечь, палить), и баба получила его по тому же принципу, что и Змей-Горыныч – извергающий пламя. Языческая Горынка – волшебница, повелительница и душа огня, такая же, как «Огневушка-поскакушка» из уральского сказа П.П. Ба-

жова, явно вогульского происхождения. Иначе говоря, Горынка не кто иная, как героиня остяцкого эпоса женщина-пламя, золотой огонь – Сорни най, найне-одыр, най, Наина. Следовательно, совершенно точно можно утверждать, что Яга – одна из дочерей Наины. Попробуем определить ее мужа и отца семейства. По отчеству – Ягинична, можно заключить, что отцом Яги был некий Яг.

Хазарского бога Ягве придется из числа подозреваемых исключить, поскольку территориального обитания и в силу своей морали вряд ли он мог вступить в отношения с этой языческой богиней. И если бы такое все же случилось, Яга носила бы отчество Ягвинична. Гораздо вероятнее, что ее отцом мог стать ближайший сосед, отрицательный герой коми-пермяцкого мифа Яг-Морт или положительный герой остяцкого эпоса «О богатырях города Эмдера»: Яг-оленьи ноги (быстроногий).

В мифах коми-пермяков Яг-Морт – злодей, разбойник и разоритель. А в эпосе у сопредельных им остяков Яг-быстроногий – это герой, победитель и добытчик. Можно предположить, что Яг-Морт (лесной человек) и Яг-оленьи ноги – один и тот же воинственный югорский князь, реально когда-то существовавший и ставший со временем эпическим героем. Дело в том, что коми-пермяки и остяки на протяжении веков территориально были соседями и соперниками. Между ними случались стычки за территории и промыслы, поочередные набеги и войны.

Естественно, что удачливый предводитель остяков богатырь Яг-оленьи ноги в глазах пострадавших от его набега пермяков выглядел ужасным лесным разбойником и грабителем Яг-Мортом. Что, вероятно, не помешало ему заслужить благосклонность остяцкой богини и народить трех дочерей-ягушек. Однако то, что он из эпоса остяков постепенно исчез, наводит на мысль, что в очередном набеге на соседей ему не повезло, и Наина овдовела. Во всяком случае, к моменту появления Поповича мужа у нее уже не было, и вступить за Горыню оказалось некому.

Настала пора перейти к личности другого разбойника – Алеши Поповича. Да-да, я не оговорился, назвав его разбойником. Это в глазах некоторых русских сказителей он добрый молодец, борец с бабой Горынкой, по остяцки «Наиной-одыр». А с точки зрения хантов, почитателей Золотого огня, претендент на руку дочери Наины обыкновенный, нет, не обыкновенный, а особо опасный разбойник, хотя и Попович по прозвищу. За что он получил такое прозвище, не очень ясно. Илья Муромец – родом из Муромы, Никита Добрынич – родом из Дебрянска, а Попович откуда? Из попов?

Впрочем, кличка Попович вовсе не означает, что ее носитель происходит из сословия священнослужителей, которым запрещено носить оружие. Возможно, она означает его принадлежность к окружению, наемной охране или свите высокопоставленного священника. Для обывателя-старовера они все – попovichи. И удалец Алешка из их числа. Но отнюдь не из дружины князя, в которой он не замечен и не числится. Кстати, во времена князя Владимира на Руси попов еще почти не было. Преобладали волхвы-язычники. Следовательно, не могло быть и Поповичей. Но это допустимый для легенды огрех в хронологии.

А вот каким путем он, возможно, попал в противники сибирской языческой богини, попробуем разобраться.

В эпизоде противоборства Алеши Поповича и бабы Горынки мы встречаем глухой отголосок и мотивы реальных событий, происходивших в 17 веке на территории Тобольской губернии: миссионерский поход ратников

тобольского митрополита Филофея Лещинского на Север, в Югру, с целью обращения в православие поклонников Сорни-най, захвата и уничтожения остяцких идолов. В том числе легендарной Золотой бабы – Наины.

В свиту (поповское войско) сосланного в Тобольск из Киева Филофея Лещинского вошли и ссыльные украинские казаки, бывшие сторонники Мазепы, и в их числе полковник Григорий Новицкий, написавший впоследствии «Краткое описание о народе остяцком». Вполне вероятно, что в их числе находился дотоле безвестный казак Алешка, во время похода отличившийся в уничтожении языческих идолов, замеченный и облаканный митрополитом и за то получивший прозвище Попович.

В своей миссии Лещинский добился значительных успехов: большая часть изображений остяцких богов была уничтожена, а новообращаемые принудительно окрещены. После окончания похода часть казаков-поповичей была отпущена со службы митрополиту, и некоторые затем возвратились в Киев. И даже с женами. Во время похода некоторые поповичи, не церемонясь приличиями, брали в жены вновь окрещенных остячек: женский вопрос в то время стоял очень остро.

Большинство участников похода так и остались в Сибири. Их рассказы о событиях миссионерского противоязыческого похода поповской дружины Лещинского легли в основу легенд, былин и сказаний. Последовательно преломленные фантазией многочисленных сказителей, события того похода приобрели мифический окрас и былинный характер, утратили достоверность, но сохранили подлинную сюжетную канву. И вот как описаны злодейские подвиги Алешки Поповича в былине:

«...И убил Алеша бабу Горынку своею палицей боевою. После того Алеша Попович взял нечестно дочь бабы Горынки Ягу Ягиничну, и все трое поехали в город Киев к знаменитому распутнику и блудодею князю Владимиру затем, чтобы именно у него справить свадебный пир...» Справить пир не с родителями жениха и невесты, не с родней, не с соседями, как на Руси веками принято, а у князя, с его прислужниками, из его князей к тому милости.

Для сибирского сказителя с украинскими корнями было совершенно естественно в своей былине адресовать Поповича и Ягу именно в недосыгаемо-далекий священный город-Киев, где правит «Святой князь Владимир», окрестивший Русь и сбросивший в Днепр языческих идолов. Кому, как не ему, обратиться в православие урожденную язычницей Ягу, окрестить ее и выдать замуж за своего сторонника. Такая свадьба могла иметь и политическое значение: распространение православия на области, подвластные Яге Ягиничне.

Хранитель древней народной нравственности, сказитель явно неодобрительно отзывается о Поповиче, вся воинская доблесть которого состояла из убийства бабы ради овладения ее дочерью. Попович убил мать на глазах ее дочери, чтобы на дочери жениться, не соблюдая понятий о чести.

«Взял нечестно» означает: против воли невесты, силой, принуждением, без согласия и благословения родителей, без строгого обряда венчания. Далее по тексту былины: «Обвенчали Алешу Поповича с дочерью бабы Горынки и на славу справили брачный пир. Дочь же бабы Горынки была, как и ее мать, сильная богатырша и великая волшебница. Шибко она невзлюбила своего мужа Алешу Поповича и уже на подклети сказала ему: «Немного мы с тобою, Алешенька, наживем!». Понимала, несчастная, что с такими замашками и норовом, как у Алешки Поповича, на свете долго не живут. А может, и догадывалась, что языческие

злые духи не спустят Поповичу и расквитаются с ним за гибель своей приспешницы Горынки.

Так вскоре и случилось: гордое и хвастливое слово и разудалые замашки погубили богатыря. Нашлась и на него управа в виде волшебных сил, которые воздали ему по заслугам и превратили в каменного болвана – каменную бабу. Сказитель относит каменное изображение Алеши Поповича к числу нечисти, которая, возможно, оживет перед концом света. Прозвище Попович для сказителя-старовера беспоповца отнюдь не означает благочестия и не гарантирует спасения от высшей справедливости.

И осталась тогда Яга Ягинична вечной вдовой, вернулась на свою родину, вырастила дочку и состарилась в лесном уединении, но не ожесточилась против выходцев с Руси. Яга – вдова. В этом объяснение ее вечного одиночества. Отчество ее с годами забылось, и все стали называть ее просто баба Яга. И мы ее помним под этим именем.

Так пресекся род Яги. Но в сказках она продолжает здравствовать.

Вот такие открытия в родословной известной всем, но не очень знакомой Яги удалось сделать в архиве П.А. Городцова. Там еще много чего найдется интересного и неожиданного. О народных истоках сказок Ершова и Пушкина, например. Но об этом как-нибудь в другой раз. А может быть, вы сами в архив музея заглянете и поищете свою альтернативную версию?

Татьяна ГОРКУНОВА

АТАМАН ЕРМАК

Былина

I.

Стон Руси стоит до неба
Переполненной чашей
Бесконечного терпенья!
С юга саблями сверкают
Правнуки ордынских ханов.
С запада теснят ливонцы
Русских витязей отряды.
И накрыли черной тучей
Всю страну чума и голод...

Царь Иван, доньне Грозный,
Хочет вымолить у Бога
За грехи свои прощенье.
Да не с ним теперь удача...

А за камнем гор Рифейских,
Пролегающих за Пермью, –
Мир неведомый и дикий,
Чьи бесчисленны богатства.
В чаще леса – зверь пушистый,
В недрах дремлют самоцветы.
Но простерта над Сибирью
Властная рука Кучума.

Вдоль по Каме солеварни
Братья Строгановы ставят.
Царь пожаловал им земли
От Перми до Чусовой.
Соль на золото меняя,
Пустошь людом заселяют –
Строят беглые бродяги
Здесь то крепость, то острог.
Только от соседства с ханом
И в острогах беспокойно.

Во степях широкой Волги
Ходит вольница казачья.
Буйны головы – без страха,
Хоть поляков воевать
И отпор давать ногайцам,
Хоть разграбить караваны
Да татарские улусы...

До границ Руси бескрайней
Донеслась лихая слава...

Пишут Строгановы-братья
Разудалым атаманам:
«Полно жить во чистом поле,
Зря растрачивая силу!
Пермь Великую идите
Защищать от иноверцев!
Есть земля у нас без края,
Есть высокие остроги –
Нет лишь витязей могучих
Да проверенной дружины!
Призываем вас достойно
Послужить своей Отчизне
И в опасностях немалых
Постоять за христианство!»

Вышел в круг Ермак – всесильный
Атаман, сын Тимофеев,
И сказал: «Довольно, други,
Нам и бражничать без дела,
И скрываться здесь в опале!
Мы себе в походах ратных
Добрую добудем славу!
Кто со мной – рубите струги!
Мы в Сибирь идем походом!»

II.

Хан Кучум стоит в Искере
Под Чувашьею горою.
Ждет, когда Иртыш глубокий
Принесет казачьи лодки.
Здесь татарские батыры
Да сыны сибирских кланов
Наготове держат луки.
А в Искере – жены, дети
И невольницы Кучума,
Да муллы Аллаха молят
Ниспослать победу хану.

А Ермак по бурным водам,
Острые минуя скалы,
Через горы-перевалы
Держит путь к реке Тоболу.
С полутысячей казаков,
Давших волей атамана
Целомудрия обеты
Вместе с клятвами отваги.
Да три сотни пленных немцев,

Ищущих в боях свободу,
С ним отправлены купцами.
С лодок пушки и пищали
Мечут молнии и громы –
И бегут от них в священном
Страхе остяки-вогулы.

С Чусовой-реки прогнали
Сына ханского Алея.
Защитили от сожженья
Городок Орел на Каме.
На Тоболе разгромили
Юрты у мурзы Карачи.
И в отряде зароптали:
«Не довольно ли нам славы?
Не достаточно ли мести?
Не пора ли возвращаться?
Мало ли средь нас убитых?»
Атаман Ермак ответил:
«Как же нам нарушить слово,
Запятнав себя позором?
Жили мы с худою славой,
Так умрем же по-другому!
Слабому дает победу
Бог над сильным, если хочет!»

А ко Строгановым-братьям
Царское летит посланье:
«Самовольно вы решили
На Сибирь послать казаков,
По которым плачет плаха,
Без толку дразня Кучума!
Вам приказываю ныне
Выслать Ермака с дружиной
В Пермь и Камское Усолье
Усмирять сынов остяцких!
Коль над Пермскою землею
Учинит Кучум расправу,
То казаков мы повесим!
Да и вас найдет опала».

III.

«Пусть Аллах пошлет победу
Удалому Маметкулу!
Пусть нацелит наши стрелы
Разорвать сердца пришельцам!
Мы пришли на эту землю
Сеять веру Магомета!
Как в последний час – молитесь!» –
Призывает хан имамов.

Берег стрелы сыпет градом.
С Иртыша стреляют пушки.
Встретившись в кровавой сече
С вражеской бессчетной ратью,
Заглушая звук пищалей,
«С нами Бог!» – кричат казаки...

Маметкул настигнут пулей...
Разбегаются татары...
Хмуρο молвит хан батырам:
«Мы пришли в Сибирь когда-то
Дать ей веру Магомета.
Эту землю оставляем
Ермаку с его отребьем.
Но однажды мы вернемся
Для того, чтобы ответить».

А Ермак молебен служит,
Бога славя за победу,
И торжественно вступает
В город на краю обрыва,
Над водой реки парящий.

В обезлюдевшем Искере
Он во множестве находит
Золота, ковров бухарских,
Меха соболя пушного...
И с братьями своими
Поровну богатство делит...

Как пошли к нему с дарами,
Умоляя о защите,
Остяки, да и татары,
Он и молвил атаманам:
«Вас в бою не раз спасая,
В мирный час не пожалею,
Если у детей Сибири
С головы падет хоть волос!
Если женщину завидя,
Вы себе дадите волю,
То казнь, без промедленья!
Я добром вас призываю:
Будем на пути к победе
Мы безгрешны пред Богом!»

IV.

Хищными глазами волка
Прожигает из засады
Укрепления Искера
Раненый племянник хана...

Тенью стелются по снегу
Маметкуловы батыры.
Ждут удобного момента...

Как завыли в поле вьюги,
Мир окутывая снегом,
Так увидели казаки:
Средь великого богатства
Нет у них ни крошки хлеба.

Скованы морозом реки.
Под стеклом лежат озера.
Резво клев идет подледный
На замерзшем Абалаке...
Только стрелы Маметкула
Проруби залили кровью...

Атаман, не досчитавшись
Двадцати своих казаков,
Кинулся вдогон татарам
И разбил в неравной схватке
На просторах Абалака.

Но когда открылись реки,
За весенним половодьем
Маметкул неугомонный
Снова к Иртышу с Вагая
Рать бесчисленную двинул...

В предрассветный час казаки
Спящего в шатре скрутили
И могучего батыра
Проводили к атаману...
Тот врага радушно встретил:
«Жаль, что храбрый полководец
В бой ведет свои отряды
Не под флагами России!»

Старый волк в степи широкой
Воет голосом Кучума,
У которого осталось
Только лишь желанье мести...

V.

А Сибирь встречает воплем
Одержимого шамана,
Призывающего духов
От врагов послать защиту,
Платой взяв себе оленя...
Но заслышав звук пицали,

Возвещает он вогулам:
«Если духи так решили,
Пусть Ермак нам будет ханом!»
И от духов – в подтвержденье –
Гулкие удары бубна.

К северу плывут казаки –
С Иртыша к Оби широкой.
И торжественно заходят
В городки и поселенья,
Где добром иль поневоле
Жителей ведут к присяге.
И клянутся те, целуя
Окровавленную саблю,
В вечном подданстве России,
Да ясак несут пушниной.

Взят Назым и Белогорье,
Где ни идолам, ни людям
Не чинит Ермак обиды...
От неспешного Тобола
До югорской мерзлой тундры
Завоеванные земли
Атаман назвал Россией..

VI.

Царь Иван разбит недугом...
Душу жгут ему страданья
По загубленному сыну...
Ум терзает мысль-заноза -
Трон российских государей
Унаследует убогий...
С Федором настанет время
И Бориски Годунова...

Душит горькая досада:
Он, потомок Мономахов,
Проиграл в Ливонской распре!
Обескровлена Россия...
Всем бы рвать ее на части!
Англичане просят право
Исключительной торговли
По Оби и прочим рекам.
Чтоб сибирские богатства
Получили за бесценок
Иностранцы?! Нет уж, дудки!
Разве тут умрешь спокойно?!

А Ермак посланье пишет
Из Сибири государю:

«Верные твои казаки,
Удрученные опалой
И раскаявшись сердечно,
Смерти двинулись навстречу,
И отвагою добыли
Царство знатное в Сибири!
Богу и тебе во славу!
Пусть приедет воевода,
Примет новые владенья!
Мы без торга и условий
Сложим голову на плахе,
Или же в походах ратных –
Как угодно будет Богу
И тебе, Иван Васильич!»

А Ивану-атаману,
Званому Кольцом в народе,
Говорит: «Царю поведай,
Что скитается-кочует
По степи лишенный царства
Хан Кучум непобедимый,
И в плену у нас царевич.
Расскажи о наших братьях,
Что легли в суровых землях
На пути к великой цели...
Отвези в Москву пушнину,
Всю, что данью мы собрали, –
Пусть престольный град дивится
На сокровища Сибири!
Да проси стрельцов в подмогу!
Не удержим сами земли,
Завоеванные кровью!»

День и ночь Москва ликует,
Прошлые забыв печали!
И в палатах, и в трактирах
Что есть мочи веселится.
Славит доблестных казаков
И героя-атамана.
Колокольным перезвоном
Да торжественным молебном
Радостно вещает миру:
«Одарил Господь Россию
За страданья новым царством!»

Царь Иван, воспрянув духом,
Говорит послу Сибири:
«Мы признательны вам, други,
За бесценный ваш подарок!
И за подвиг ваш великий

Неустанно славим Бога!
Нет на вас былой опалы!
Как весна откроет реки,
Так поедет воевода
Со стрельцами вам на помощь.
И Святых Отцов отправим
Дикие спасти народы.
Ермаку пошлем в подарок
Превосходные кольчуги –
Уберечь его в сражениях,
Да с плеча царева шубу –
Как правителю Сибири!
Прочих жалует деньгами...»

VII.

Царь весной предстал пред Богом...
К власти рвущимся боярам
До Сибири мало дела...
Воевода князь Болховский
Вместе с царскими стрельцами
Наскоро в поход отправлен –
Без достаточных припасов
Да без шуб идут на север...

А в Искер рукой костлявой
Постучался лютый голод.
И беззубою старухой
Вслед за ним цинга прокралась...
Сколько оставалось хлеба –
Все поделено по-братски...
Как ударили морозы,
Голода не пережили
Ни стрельцы, ни воевода...

Хитрый лис мурза Карача,
Обманув лукавой дружбой
И стенаньем о защите,
Заманил к себе казаков
Безоружных – и зарезан
Был Иван Кольцо бесстрашный
Да отряд его собратьев,
Словно овцы на закланье.

А шаманы били в бубны.
А муллы надрывно пели.
Все татары из улусов
По окрестностям восстали,
Плотной окружив осадой
Укрепления Искера.
Ожидали, что без боя
Ермака возьмут измором...

Вновь в глаза голодной смерти
Заглянули атаманы...
Но сквозь сумерки прокрались
К стану подлого Карачи,
Землю заливая кровью...
За Ишим бежит Карача –
И закончена осада...

Маметкул в Москву отправлен
Встать под русские знамена.
Был батыром у Кучума –
Будет русским воеводой.
Дарит вотчины батыру
Трон наследовавший Федор...
А Ермак все не дожидется
От столицы подкрепленья...
Но идет вослед Карачи...

Беспощадный для восставших,
Милосердный к безоружным
Говорит: «Нас мало, братья,
Но победа будет с нами!
Отвоюем для России
Земли взятые ордою!
Царь и Бог нас не оставят!» –
И татарские владенья
Покоряет до Ишима.

Старый волк Кучум, почувяв,
Что измотан враг заклятый,
Лег в урочище Вагая,
Выжидая время мести...

Караван купцов бухарских
Не пускает он к Искеру –
И спешит Ермак с отрядом
Дать купцам освобожденье.
Но сбивают их со следа
Люди хитрого Кучума,
Выводя отряд к Вагаю.

Дождь потоком льется в струги...
Буря вырывает весла...
Не унять, не успокоить
Неба хмурого рыданье...
Изможденные казаки
К берегу прибились к ночи
И устроились ночлегом...
В сон тяжелый погрузились,
Не предвидевши опасность...

Но со спящих не спускают
Глаз Кучумовы волчата –
Тенями заходят в лагерь,
Унося с собой пищали...

Радостью взыграло сердце
Старого степного волка!
Для него настало время
Сладкой долгожданной мести –
Приказал он перерезать
Спящих под пологом бури
Обессиливших казаков...

Раненый Ермак, воспрянув
Ото сна, разящий саблей
Толпы озверевшей рати,
Закричал: «Спасайтесь, други!
Уходите, я прикрою!
Мы сегодня отступаем,
Но вернется к нам победа!
Не напрасно мы сражались
За Сибирский край суровый!
Не напрасно в эту землю
Наши полегли собратья!
Мы за этот край в ответе
Перед будущим и Богом!
Мы еще здесь повоюем!»...
Только на подходе к стругу,
Он упал в Иртыш глубокий,
Скрывшись от врагов под воду...

Вознесясь оттуда к свету
Вечной памяти народной...

Татьяна СОЛОДОВА

ЧЕЛОВЕК, УСТРЕМЛЁННЫЙ В БУДУЩЕЕ* (Б.П. Грабовский, 1901–1966)

*Он... желал людям счастья...
(Из письма Л.А. Грабовской)*

Жил в послевоенном городе Фрунзе (ныне Бишкек) странный человек невысокого роста, худощавый, со сгорбленной спиной и серыми глазами. Он ходил по улицам в вечной тюбетейке, погружённый в какие-то свои думы, и мало обращал внимания на окружающих. Иногда бормотал про себя какие-то стихи или странные, непонятные прохожим фразы. Этот человек напоминал волшебника из восточной сказки; не злого, а доброго, потому что у него были живые, ясные глаза и хорошая улыбка, очень украшающая его лицо. Звали странного человека Борисом Павловичем Грабовским. И он действительно был волшебником. Ведь только волшебник может опередить своё время и создать силой невероятного воображения удивительные, чудесные вещи: «зеркальце», отражающее то, что происходит далеко-далеко, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, очки, надев которые, слепые обретают зрение, жабры для пловцов и многое, многое другое.

Отец

Борис Павлович был единственным сыном украинского поэта-революционера Павла Арсеньевича Грабовского (1864–1902). Из тридцати восьми лет своей жизни двадцать лет Павел Грабовский провёл в тюрьмах и ссылках. Он родился в 1864-м году в Харьковской губернии в многодетной семье сельского пономаря, рано умершего от чахотки. Павла ждал жизненный путь, ведущий по стопам его отца: мальчик окончил духовное училище, потом поступил в Харьковскую духовную семинарию. Выросший в бедности, очень впечатлительный от природы, Павел остро воспринимал социальную несправедливость, царящую в жизни. Это привело его к революционерам-народникам. В 1882-м году во время обыска у молодого человека находят «бумаги противуправительственного содержания», а также стихи собственного сочинения, которые «доказывают озлобление и ненависть Грабовского к существующим порядкам или глумление над местной властью», – как было записано в протоколе обыска. Семинариста исключают из учебного заведения и отправляют в родное село под надзор полиции.

Через два года срок ссылки закончился, Грабовский снова уезжает в Харьков и становится одним из руководителей кружка революционеров-народников.

В 1886-м году он поступает на военную службу, но вскоре его вновь арестовывают за распространение революционной литературы. С тех пор для Павла Арсеньевича начинается многолетний период тюрем и ссылок, который заканчивается его смертью в 1902-м году: сначала город Балаганск Иркутской губернии (1888 г.), потом Иркутская тюрьма (1889–1891 гг.),

* Печатается с сокращениями.

город Вилюйск Якутской области (1894–1899 гг.). Наконец, он обретает своё последнее пристанище в городе Тобольске, куда был переведён по его просьбе (в связи с ухудшающимся здоровьем) в 1899-м году.

На Завальном кладбище города Тобольска поэт и похоронен.

Похоронили Грабовского рядом с могилами декабристов. При жизни он выражал желание, чтобы его могила была как можно ближе к могиле Кюхельбекера, которого он очень любил, но там не оказалось места. Надпись на простом железном кресте проста и лаконична: «Малорусский поэт Павел Арсеньевич Грабовский. Родился в 1864 г., умер в 1902 г.».

Начальник губернии, узнав о смерти Грабовского, немедленно распорядился о том, чтобы его вдове выдали пособие в 75 рублей.

Павел Арсеньевич очень хотел, чтобы его жена окончила фельдшерскую школу. Пока она училась, полтора года украинские товарищи поэта посылали ей деньги на житьё. Друзья поэта на Украине и в Тобольске стали беспокоиться и об обеспечении сына Павла Арсеньевича, маленького Бориса.

Мать и сын

Анастасия Николаевна Лукьянова (1874–1954) родилась в с. Соколовском Петропавловского округа Акмолинской области. Её отец был мелким чиновником (коллежским секретарём) – так сообщается в книге «Грабовские из Тобольска». Сама Анастасия Николаевна в своих воспоминаниях указывает, что «отец был учителем, мать из крепостных». Она училась в Ишимской прогимназии, но курса не закончила.

Прямых воспоминаний, написанных Анастасией Николаевной, почти не осталось. В основном они имеются в передаче её снохи Лидии Алексеевны. Воспоминаниями Анастасии Николаевны, письменно зафиксированными Лидией Алексеевной, мы и пользуемся.

О своём прошлом Анастасия Николаевна вспоминала так:

«Родителей не помню, так как рано осиротела и воспитывалась у тёток в Ишиме. Ещё учась в прогимназии, я задумывалась над своим будущим, которое казалось мне безрадостным, – ведь меня ждала судьба большинства девушек: замужество через сваху, зачастую без нашего согласия.

А я уже наслышалась от политических ссыльных, которых в Ишиме было немало, о другой, интересной и содержательной жизни.

И вот когда вспыхнула эпидемия холеры, я буквально сбежала к ссыльной фельдшерице, жившей при городской больнице, и прожила там до конца карантина. Конечно, этим поступком я сильно скомпрометировала себя в глазах тётушек и других обывателей городка, но зато научилась ухаживать за больными, а главное, ещё больше сблизилась с политическими ссыльными и поняла, что жить прежней жизнью не смогу. Получив от городской управы письменную благодарность за работу во время эпидемии в больнице и 10 рублей, я вместе с двумя юношами – якутом и русским, уехала из Ишима...

В Москве я поступила учиться в родовспомогательное заведение и поселилась в общежитии сибирского землячества. Правила в общежитии были строгие, не исполнявших их исключали. Жили по несколько человек в каждой комнате; спокойно заниматься было невозможно, тем более что ко многим приходили знакомые студенты. Но это имело и своё преимущество: большинство из нас были малоразвитыми, отставали по некоторым предметам, и студенты помогали нам заниматься. Конечно, они не ограничива-

лись только этой помощью, а старались просвещать нас и с политической стороны. Скоро я втянулась в революционную работу.

В 1895-м году я вместе со старшиной нашей пятёрки Богдановым-Малиновским (организовавшим впоследствии институт по переливанию крови) и тремя товарищами-кружковцами была арестована за участие в подготовке убийства цесаревича. Мы полагали, что этот террористический акт откроет многим глаза, но, к сожалению, о нашем намерении узнали и коронацию отложили.

Около года я просидела в одиночной камере Бутырской тюрьмы. Совершенно незнакомые люди передавали мне в тюрьму передачи, приносили тёплые вещи, и когда я вышла из тюрьмы, то оказалось, что на моём счёте есть небольшая сумма денег.

Едва я приехала в Тобольск, политические ссыльные сами пришли ко мне знакомиться, предложили помощь. Жили они между собой дружно; у меня же был необщительный характер, и я держалась особняком. С помощью ссыльных я поступила в больницу для бедных, где работала бесплатно, но благодаря этой работе у меня завелись знакомства с разными попечителями и благотворителями, а через них – и с местной «аристократией», и я зарабатывала деньги частной практикой как акушерка и массажистка».

Тобольск был для Анастасии Николаевны «тихой гаванью». Уехав из Сибири, она, убеждённая террористка и революционерка, склонная к авантюрным поступкам, несмотря на наличие маленького сына, ведёт жизнь, полную опасностей и приключений, подчас переходя на нелегальное положение. Недолго пробыв с сыном и тёткой, преданно сопровождающей её и заботящейся о маленьком Боре, в Одессе, Анастасия Николаевна переезжает с ними в Харьков, где поступает на работу в больницу при паровозостроительном заводе. Мать часто брала сына с собой на работу. Больные, видя в ней уверенную, хорошо знающую своё дело медсестру и заботливую мать, никак не могли даже заподозрить, что она прячет в их кроватях под матрацами нелегальную литературу.

«Борис рос болезненным мальчиком – около двух лет был закован в гипсовую повязку из-за искривления позвоночника, но, несмотря на это, оставался любознательным, неистощимым на фантазии», – читаем мы в книге «Грабовские из Тобольска».

Однако директор музея электронного телевидения им. Б.П. Грабовского, находящегося в Ташкенте, Н.П. Динько в письме директору Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Е.М. Акуличу (от 22 марта 2006 г.) передаёт иную версию причины искривления позвоночника Бориса. Она – в воспоминаниях Н.И. Корнилова, известного деятеля искусств, который в 1948-м году, будучи учеником фрунзенского училища, случайно познакомился с Борисом Павловичем. В беседе с подростком этот, уже пожилой в восприятии мальчика, эксцентричный человек, рассказал, как «в Киеве ещё совсем юным изобрёл крылья и с какой-то колокольни полетел, да крылья отвалились, и он стал вот таким – горбато-искажённым».

Всё детство Бориса Павловича прошло сквозь призму пристального всматривания в окружающий мир, в стремлении усовершенствовать его и помочь людям обрести счастье – счастье свободного полёта, видения на расстоянии, достижения иных планет. Он очень увлекался техникой и любил мастерить, внося в каждую свою поделку фантазию и усовершенствование: от самоходных корабликов до моделей аэропланов. А ещё его очень при-

влекали фейерверки. Красочное зрелище вспыхнувших в вечернем небе огней завораживало не только соседских детей, но и взрослых.

В Харькове, где одно время жили Грабовские, рядом с их домом находилась артель слепых, которые тоже приходили любоваться на чудо пиротехники, сопровождая вспышки огня восторженными криками. Мальчику казалось это невероятным: разве могут слепые наблюдать за фейерверком, или они только притворяются, что не видят? Однажды он провёл эксперимент: тихонько, сняв ботинки, зашёл в мастерскую к незрячим. Но ему не удалось остаться незамеченным. Артельщики повернули к нему свои головы. Оказалось, что они могут ощущать окружающее кожей лба. Это очень удивило и заинтересовало мальчика. И идея помочь слепым обрести зрение стала его мечтой на долгие годы.

Борис очень любил мечтать и читать, особенно приключенческую литературу и фантастику. Анастасия Николаевна отлично владела боевым оружием и научила своего сына искусно стрелять. Она же научила Бориса производству взрывчатых веществ для фейерверков. «Доходило до того, что сын помогал матери в изготовлении бомб, которые Анастасия Николаевна затем прятала по старинке – в Библию». Это – одно из немногих воспоминаний, которые сближали Бориса с матерью. Практически он жил с ней мало. Когда Анастасия Николаевна вышла замуж, то у мальчика не сложились отношения с отчимом. Да и мать была больше расположена к сыну второго мужа, Николаю, чем к собственному ребёнку.

Жена Бориса Павловича писала: «Отца, конечно, он не помнит. Детство до четырнадцати лет прожил с бабушкой – тёткой матери, которая много рассказывала ему о Павле Арсеньевиче. Этими воспоминаниями я и пользовалась в своих статьях...».

После смерти «бабушки» мальчик какое-то время живёт с матерью, но ни с ней, ни с отчимом его отношения не складываются. Его страсть к изобретательству не только не находит никакой поддержки в семье – мать и отчим, абсолютно не понимая устремлений подростка, считают его лентяем и эгоистом. Из письма Л.А. Грабовской А.К. Новопашину (15 апреля 1984 г.): «...Б.П. отчим ненавидел, тот жил с бабушкой, тёткой матери до её смерти. А потом... беспризорничал. Отчим считал его человеком бесполезным, фантазёром и мечтателем».

В годы Гражданской войны, несмотря на искривление позвоночника, Борис принимает активное участие в установлении советской власти в Средней Азии. Он пишет в автобиографии: «Я сразу же поступил в комсомол, пошёл добровольцем в Первую (затем в Четвёртую) лёгкую туркестанскую батарею, прослужил около года и был командирован в Ташкентскую совпартшколу, бывшую тогда боевой единицей. Даже ночью у каждой кровати стояли винтовки с патронами. По окончании школы служил рядовым в Пишкекском ЧОНе. После демобилизации уехал в Ташкент. Некоторое время работал в Таштраме обмотчиком проводов, затем поступил лаборантом в САГУ».

САГУ – это Среднеазиатский государственный университет, куда молодого человека, видя его склонность к технике, порекомендовало военное начальство. Работая лаборантом, Борис одновременно занимается на подготовительных курсах университета...

Шло время. Борис Павлович упорно идёт по выбранной для себя жизненной стезе, на которой его ждут открытия, удачи, поражения. Женитьба, переезды из города в город, рождение дочери...

Всё это, к сожалению, не меняет его отношений с матерью. Взрослый женатый сын кажется Анастасии Николаевне легкомысленным подрост-

ком. «...это человек несомненных дарований, – пишет она директору Тобольского музея А.И. Щербе 25 ноября 1940-го года, – умный, способности и память невероятные, он мог бы быть большим человеком и полезным для государства...». По её мнению, Борис Павлович занимается не тем, чем надо. «...к моему великому огорчению, у нас с ним нет никаких общих точек соприкосновения: как на мораль, так и на политику взгляды у нас совершенно разные».

С Борисом Павловичем у неё... довольно натянутые отношения – ведь он вырос почти без неё, его интересы, стремления, поиски нового, его неутомимое изобретательство кажутся ей бездельничаньем, хотя именно за 25-летнюю изобретательскую деятельность он получил персональную пенсию – 560 рублей ежемесячно. Но и обеспечив старость он не сдаётся, а, кажется, ещё больше с тех пор работает, если это возможно» (Из письма от 31 января 1954 г.).

Изобретение века

Ещё в 1923-м году, когда Борис Павлович был лаборантом физико-математического факультета САГУ в Ташкенте, он очень заинтересовался идеей передачи изображения на расстояние. Большое впечатление на него произвели публикации о работах петербургского профессора Б.Л. Розинга, занимающегося этой проблемой. Юноша делает первый шаг на пути работы над изобретением установки для видения на расстоянии. Он создаёт катодный коммутатор – прибор, в котором используется электронный луч, за что получает премию.

Мысль о создании прибора «дальневидения» давно волновала умы фантастов и учёных. Идея передачи изображения на расстояние появилась ещё в середине 19-го века. Учёные, занимающиеся проблемами того, что позднее будет называться телевидением, предлагали самые разные методы передачи и приёма изображения, вплоть до таких, в которых в качестве передатчика применялась система обычных зеркал. Однако уже в это время в основном выделялось два направления, по которым должно пойти создание прибора «дальневидения»: механический («по проводам») и электронный («без проводов»).

Но всё это были только идеи и предположения. Создать действующую телевизионную систему не получалось. В 1884-м году немецкому инженеру П. Нипкову (Нипкофф) удалось сконструировать простейшую механическую передающую систему – так называемый «диск Нипкова», – которая стала основой дальнейшего развития механического телевидения. Несколько десятилетий мировая техническая наука разрабатывала и совершенствовала оптико-механическое направление.

В начале 20-го века стали возникать различные, более конкретные идеи построения «чудо-глаза». Действительно, в восприятии людей того времени сам замысел механизма, преодолевающего пространство и открывающего неограниченное никакими рамками «окно», казался фантастикой. Это «окно» способно показать человеку, сидящему перед ним, горы и моря, прекрасные города, далёкие страны, жизнь людей, населяющих все стороны света. Разве это не чудо?! Изобретение такого прибора в полном смысле слова можно назвать открытием века. Изобретение – это великое дело. Но его необходимо воплотить в жизнь, что часто труднее всего.

Сам термин «телевидение» впервые прозвучал в 1900-м году в Париже на Всемирном конгрессе электротехников. На нём с докладом «Современное

состояние вопроса об электровидении на расстоянии. Телевизирующее выступил преподаватель артиллерийской Академии, военный инженер, капитан русской армии К.Д. Перский.

В начале 20-го века механический метод развития телевидения многим учёным казался более лёгким, дешёвым и доступным. Электроника как наука в это время ещё делала свои первые шаги и поэтому казалась чрезмерно сложной и даже бесперспективной.

Одним из самых известных учёных-физиков в области работ над «дальневидением» был петербургский профессор Борис Львович Розинг. Он первый высказал идею электронного телевидения: в 1907-м году предложил использовать для передачи изображений на расстояние электронно-лучевую трубку – «электрический телескоп». Именно за электронной техникой учёный видел огромное будущее. В 1911-м году он провёл небывалый эксперимент: передачу изображения объекта на расстояние. Приём был основан на принципах электронного телевидения: при помощи электронно-лучевой трубки, которую в прошлом называли катодной, а сейчас – всем известным кинескопом. Но для передачи изображения Розинг не мог найти электронного решения и поэтому использовал механическую систему.

Именно Розинг по праву считается «отцом» электронного телевидения.

Годы революции и Гражданской войны затормозили развитие телевидения в России. Розинг вернулся к своим работам, которые он успешно осуществлял до революции, только в 1924-м году.

В 20-е годы 20-го века механическое телевидение делало большие успехи. Но Розинг продолжал отстаивать идею «электронной телескопии». Однако ему не удавалось пойти далее в развитии электронного телевидения. Он не мог «оживить» изображение на экране – передать его в движении, создать электронный передатчик изображения.

Бориса Грабовского, человека, не имеющего даже среднего специального образования, но от природы наделённого талантом к изобретательству и точной интуицией учёного, захватила мысль об электронном будущем «дальневидения». Позже он писал: «Изучая труды изобретателей, работавших в области передачи изображения на расстояние, я пришёл к выводу, что попытки создать механические установки не сулят успеха и что самый верный метод – это идея ленинградского профессора Розинга – катодная телескопия».

Но Розинг добился только неподвижного и нечёткого изображения. Грабовскому хотелось большего: его изобретение должно передавать движение объекта и использовать электронику не только в приёмнике, но и в передатчике. Как этого добиться?

Замыслов было много, но образования не хватало. В 1925-м году он приезжает к тётке (со стороны матери) в Саратов и поступает в индустриальный техникум. Тётя Сусанна не только приветливо встретила племянника, но и, в отличие от сестры Анастасии – матери изобретателя, прониклась грандиозными техническими замыслами Бориса.

И тётя Сусанна договорилась со знакомым университетским преподавателем физики Н.Г. Пискуновым о репетиторстве для племянника.

Молодой изобретатель увлекает своим замыслом не только Пискунова, но и инженера-электрика трамвайного управления В. Попова (в будущем профессора, заведующего кафедрой Саратовского института механизации сельского хозяйства).

В результате долгих поисков, проб, неудач и успехов появился прибор, названный Грабовским «Телефотом», или «Радиотелефотом». Само назва-

ние «телефот» («теле – «далеко», «фот» – «свет») впервые применительно к системам «дальневидения» использовал инженер-электрик А.А. Полумордвинов, который с конца 19-го века пытался создать механический прибор для передачи движущегося цветного изображения на расстояние.

В основу телефота Грабовского был положен принцип применения электронно-лучевых трубок и в передающем, и в приёмном устройстве. «Именно Саратов был родиной телевидения», – писал Грабовский. Жаль только, что, отдавая все свои силы и время работе над изобретением, Борис забросил учёбу в техникуме...

В.И. Попов вспоминал: «Мы познакомили с нашей работой профессора Саратовского гос. университета К.А. Леонтьева и инженера-электрика В.Н. Харькова. Они дали настолько хорошее заключение, что Исполком Совета депутатов трудящихся Саратовской губернии без промедления выделил нам средства для поездки в Ленинград, к профессору Розингу».

Профессор К.А. Леонтьев выразил общее мнение комиссии так: «Проект заслуживает того, чтобы его теоретическую разработку направить на практическое исследование, которое в наших условиях невозможно. Изобретателей необходимо откомандировать в Москву или Ленинград».

Осенью 1925-го года изобретатели приезжают в Москву. Они делают доклад в военно-морском ведомстве. Их прибор получает одобрение, встаёт вопрос о закреплении права на открытие телефота. Молодые люди едут в Ленинград, где в то время находился Комитет по делам изобретений. Но прежде всего они встречаются с Розингом.

Борис Львович встретил саратовских изобретателей приветливо. Учёный сразу понял, какие огромные возможности для будущего развития «дальневидения» имеет их прибор.

– Дорогие вы мои! Да сами-то вы понимаете, до какого гениального способа додумались?!

Обычно суховатый и сдержанный профессор по очереди обнимал смущающихся провинциалов и всё жал и жал им руки. Удивлённая такой вспышкой чувств мужа, жена Бориса Львовича только молча смотрела на эту сцену.

– Завтра же патентовать! – вынес своё заключение Розинг.

Так и сделали. В Комитет по делам изобретений и открытий СССР поступили описание и схема предложенной Грабовским конструкции. Но до выдачи патента было ещё далеко: целых два года.

В Ленинградском тресте заводов слабых токов «Связьэлектро» по инициативе Розинга состоялось обсуждение открытия телефота. На нём присутствовало более 30 больших учёных: академиков и профессоров. Среди них оказалось много сторонников механического метода передачи изображения на расстояние. Между ними и приверженцами электронного развития телевидения, возглавляемыми Розингом, развернулась острая дискуссия.

«Это надо ещё доказать на практике. Будет ли телефот жизнеспособным, можно ли наладить его массовое производство? А не является ли он «мёртворождённым ребёнком»? – сомневались оппоненты Розинга. Его же сторонники дали изобретению очень высокую оценку.

«В результате, – вспоминал В.И. Попов, – было решено сдать заказ Ленинградскому заводу «Светлана» на изготовление электронных ламп передатчика и приёмника и испытать их в работе...».

Для тех лет телефот был очень сложным устройством, и требовалось изготовление оригинальной аппаратуры с использованием новейших до-

стижений в области радиотехники и электроники. По условиям договора, Б.П. Грабовский и Н.Г. Пискунов были приняты в штат электровакуумного завода «Светлана» для непосредственного наблюдения и контроля за изготовлением деталей и постройки телефота. А В.И. Попов вернулся в Саратов.

22-го ноября 1925-го года в саратовской газете «Известия» появилась его статья «Радиотелефот Грабовского, Попова и Пискунова», в которой он писал: «...идея изобретения принадлежит, несомненно, Б.П. Грабовскому, труд же по вложению её в материальную форму, воплощение его идеи в прибор, дающий возможность получения желаемого эффекта, принадлежит мне. Н.Г. Пискунов оказал нам также большую услугу, в частности по вычислению целого ряда математических формул...». В конце статьи Виктор Иванович утверждал, что результат конечного опыта зависит только от мастерства в изготовлении приборов, так как «ни сама идея, ни конструктивная сторона приборов не имеют никаких замечаний со стороны лиц, экспертирующих изобретение».

Заводу изготовление такой сложной и «штучной» аппаратуры было невыгодно. Администрация стала тянуть с заказом. «Конструктора нам не дали, – жалуется в письме к родным Борис, – вместо него выделили лишь чертёжника. Администрация завода относится к нам как к содержанцам. Экспериментировать очень трудно. Но это и понятно: на «Светлане» вводится хозрасчет, а мы путаемся под ногами. Администрация завода очень недовольна нашим прикомандированием». Вскоре был издан приказ о запрещении изобретателям находиться в цехах завода и осуществлять контроль над изготовлением приборов.

Грабовский и Пискунов не падали духом. Они продолжали совершенствовать свой телефот, параллельно работали над другими изобретениями. Приходилось заниматься составлением промежуточных отчётов и различных справок. Очень часто в них выражалась неудовлетворённость темпами работы над телефотом и её качеством. Иногда приходилось обращаться к прямым жалобам в вышестоящие инстанции, но воздействовать на руководство завода не удавалось.

В чём-то руководителей «Светланы» можно было понять: на всю работу по изготовлению ещё невиданного аппарата комиссия отвела всего три месяца – срок совершенно не реальный, а выделенная сумма – около 2000 рублей – была поразительно мала. Тем более что в неё входили и расходы на осуществление проекта телефота, и зарплата изобретателей.

В отчёте, написанном 31 декабря 1925-го года, когда прошла уже половина договорного срока, изобретатели сообщали: «... категорический отказ технической администрации треста и завода от помощи нам при разработке конструкции ламп имеет в своём результате: во-первых, чрезвычайно медленный темп нашей работы, и, во-вторых, некоторые изготовленные по нашим чертежам лампы представляются совершенно негодными... Кроме того, запрещение входа в цеха завода для непосредственного руководства работами, в корне противоречащее смыслу договора, поставило нас в еще более тяжёлые условия. Всё это и некоторые другие вопросы, не получившие своего разрешения в тресте и на заводе, заставили нас обратиться за разъяснениями в соответствующие органы Центра...».

Изобретатели боялись, что к установленному для испытания телефота сроку устройство не будет полностью собрано. Так оно и получилось. Ровно через три месяца все работы были прекращены. Несмотря на то, что Розинг и некоторые другие учёные просили предоставить на изготовление прибора дополнительное время, трест отказался это сделать, мотивируя тем, что

телефот должен сначала пройти проработку в научно-исследовательских лабораториях.

Испытание аппарата находилось под угрозой. Приёмная трубка была сделана, но она оказалась бракованной и при эксперименте не приняла сигнал. Изобретатели не растерялись: вместо трубки они подключили телефонные наушники. «Нам очень не повезло! – вспоминал позже Борис Грабовский. – Трубки оказались не очень удачными и работали плохо. И мы не могли принимать изображение, а только передавали его и получали движущееся изображение... на телефон: мы его не видели, только слышали шорох».

Этот шорох не убедил членов оценочной комиссии: они признали испытания неудачными, решили приостановить опыты и прекратить выпуск оборудования, более того – считать нецелесообразным применение телефота.

Сохранилась стенограмма выступления Б.Л. Розинга на заключительном заседании правления треста заводов слабого тока: «Я должен обратить внимание на то, что изобретатели имели в своём распоряжении только три месяца. Между тем мы знаем, что работы по электровидению ведут 10–20 лет и даже более. ...Мне кажется, что три месяца – это малый срок и требуется больше времени». Но присутствующие не прислушались к мнению видного учёного и отказались от продления договора с изобретателями.

Изобретатели возвратились в Саратов. Борис Павлович привёз с собой жену Лидию Алексеевну, с которой познакомился благодаря Розингу. Лидия Алексеевна служила у профессора машинисткой.

Неудача не сломила Грабовского. Он решил продолжить работу над изобретением и популяризировать его в своих выступлениях. Борис Павлович был прекрасным лектором. Это отмечала даже его мать, не склонная к похвалам своему сыну: «...у него дар речи замечательный, говорит хорошо – литературно», – писала она А.И. Щербе 25 ноября 1940-го года.

В своих лекциях Грабовский красочно и горячо описывал огромные возможности телефота: «...заклучив его в стальной футляр и присоединив к нему прожектор, мы сможем увидеть тайны морских глубин. Поскольку «телефот» может видеть невидимое излучение, то не исключено его применение и в горном деле для поисков полезных ископаемых. Один из самых интересных вопросов – применение «телефота» в астрономии. Представим телескопическую трубку, где несколько объективов, зеркальных или оптических (всё равно), собирают лучи от светила, скажем, далёкой звезды, в одно яркое изображение, отклоняя его призмой. Поставив в фокус лучей такого телескопа «телефот», получим увеличенное изображение звезды... Мечта видеть на большие расстояния, несмотря на леса, горы и другие естественные препятствия, есть заветная мечта всего человечества».

В автобиографии Борис Павлович пишет: «По приезде в Саратов я прочитал около 40 лекций о телефоте и аппарате для слепых. Но с работой и квартирой в Саратове устроиться было трудно, и мы осенью 1926 года уехали в Ташкент». Об отъезде из Саратова вспоминает и Лидия Алексеевна: «В Саратове Боря закончил техникум. Мы переехали в Ташкент. Работы машинистки не было. Продали всё, что можно. Боря стал занимать деньги у знакомых. Борис вскоре устроился работать электриком, но получал мало».

«Главное достигнуто! Наша взяла!»

В Ташкенте Борис Павлович снова стал работать лаборантом физико-математического факультета Среднеазиатского государственного

университета. Он прилагает огромные усилия для реализации своего изобретения. Его энергия, настойчивость, работоспособность были поистине титаническими. Нашёлся и помощник, такой же энтузиаст и смелый экспериментатор, молодой человек Иван Филиппович Белянский, лаборант научно-испытательной станции округа связи. «Мой Санчо Панса от науки», – шутя звал его Грабовский.

Изобретатели обращаются за поддержкой к руководству Узбекской республики. Им выделяются некоторые суммы, по «тем деньгам» небольшие, тем не менее недоброжелатели, которые нашлись и в Ташкенте, пытаются обвинить Грабовского и Белянского в расточительстве государственных средств.

Были недоброжелатели, но были и доброжелатели. Среди них – председатель ЦИК Узбекистана Ю. Ахунбабаев; он оказывал «команде» Грабовского большую организационную помощь. Поддерживаемые Ахунбабаевым и ВСНХ УзССР, изобретатели не обращали на «укусы» внимания и долгие часы проводили в работе над аппаратом, пытаюсь добиться желаемых результатов.

Всё это время Розинг из Ленинграда старался помочь ташкентским изобретателям. Именно он поспособствовал тому, чтобы на заводе «Светлана» всё-таки были изготовлены новые, более качественные передающие электронные трубки.

Усилия изобретателей стали приближаться к цели, когда в 1927-м году Белянский привёз из Ленинграда новое оборудование. Иван Филиппович вспоминал: «Помню, какая радость была у Грабовского, когда я привёз трубки и лампы. Он, как маленький ребёнок, был зачарован всеми трубками и лампами...».

Наступила пора провести смелый эксперимент. Вот как об этом пишет Борис Павлович: «В силу различных организационно-технических и материальных причин окончательный монтаж электронных установок и их испытание удалось провести только в июле 1928 года в гор. Ташкенте, на испытательной станции Среднеазиатского округа связи. Передающая аппаратура была установлена в главном здании Управления Средазокруга связи, а приёмная аппаратура была установлена во дворе Управления, во флигеле, где помещалась научно-испытательная станция, примерно метрах в 20 друг от друга. Я находился у приёмника, мой помощник И.Ф. Белянский – у передатчика.

Ровно в 12 часов дня 26 июля 1928 года по ташкентскому времени были включены передатчик и приемник. Перед объективом передатчика стоял мой лаборант И.Ф. Белянский. Его движимое изображение появилось на экране электронно-лучевой трубки приёмника. Изображение было некачественным, но всё же можно было временами различить, что это был мой лаборант Белянский.

Через несколько дней, а именно: 4 августа 1928 года, наши приборы были установлены на улице, и во время удачных моментов работы установок был схвачен кинокамерой движущийся трамвай. Конечно, изображения были некачественными, установки были кустарные, самодельные, но все же первые опыты были проделаны мною с Белянским у нас, в СССР, в частности, в Ташкенте, в 1928 г.

В этом же году был выдан советский патент № 5592, и в том же году испытана установка, о чем свидетельствуют живые люди и подтверждают документы.

Мне лично неизвестно такого юридического факта, который бы свидетельствовал об опытах по электронному телевидению до 26 июля 1928

года, поэтому я и заявляю о первенстве за СССР вообще и, в частности, за мной и моими коллегами».

Перед этим официальным экспериментом испытания носили, так сказать, домашний характер и проводились в домике, где жили Грабовские. Если первым в мире мужчиной, появившимся на экране телефота, был Иван Филиппович Бемянский, то первой женщиной – жена Бориса Павловича Лидия Алексеевна.

Борис Павлович умел быть очень убедительным и заражать всех вокруг своими идеями и верой в их воплощение. Изобретателям помогали ташкентские инженеры-техники. Они устанавливали антенны, делали заземление, противовесы на станции Среднеазиатского округа связи, где проходили официальные испытания телефота. Часть деталей была изготовлена специалистами в мастерских физико-математического факультета Ташкентского университета, в лаборатории Среднеазиатского округа связи и в других организациях.

Профессор Среднеазиатского университета Златовратский, увлечённый замыслом испытания аппарата, принял активное участие в оценке его работы. Именно он возглавил комиссию по проведению испытаний, созданную из шести специалистов. Комиссия составила акт, в котором указывалось: «видимость изображения была некачественной, туманной, трудна была регулировка, но всё же можно было разобрать, что это подвижное, живое изображение было именно Бемянского, а не кого-либо другого ...проделанные работы Грабовского и Бемянского являются ценными как с научной, так и с практической стороны, так как они доказали на опыте правильность и бесспорность теории, заложенной в основу электронной телескопии, разработанной известным ленинградским профессором Б.Л. Розингом».

Это была победа! Потому что вполне понятно: качество изображения – это лишь вопрос времени. Главное – впервые в мире состоялась электронная телепередача движущихся живых изображений. К этому времени телефот был запатентован приоритетом от 9 ноября 1925-го года.

Телефот в действии засняли на киноплёнку, которая в 1928–1929-м годах показывалась в Ташкенте, Фрунзе, Алма-Ате, Москве; её демонстрировал во время своих лекций об изобретении им «дальневидения» электронным методом Б.П. Грабовский.

Ташкентская кинохроника сняла и изображение движущегося по улице трамвая. После удачи в помещении 4 августа 1929-го года изобретатели перенесли испытание телефота на улицу. Приёмник был установлен на крыльце кинотеатра. И это испытание прошло успешно.

«Никто из проходивших по улицам Ташкента и не подозревал, что именно в те минуты родился первый в мире телевизор», – писала газета «Ташкентская правда», вспоминая это событие. Грабовскому в 1928-м году исполнилось 27 лет, а Бемянскому – 21 год.

Но и здесь не обошлось без «ложки дёгтя». Некоторые ташкентские учёные считали, что телефот Грабовского не работоспособен, так как даёт очень расплывчатое изображение. Но всё-таки главной была справка от 6 ноября 1928-го года, выданная Постоянным представительством УзССР при Среднеазиатском экономическом совете: «Комиссия по рассмотрению изобретения «Телефота» в составе инженеров и техников признала изобретение тт. Бемянского и Грабовского годным и превосходящим лучшие американские изобретения (протоколы опытов и диаграммы находятся в Узпостпредстве)».

Вскоре в Москву было отправлено ходатайство: «Всероссийскому совету Народного Хозяйства. Совнархоз Узбекской ССР просит оказать содействие в отношении скорейшего изготовления катодных приборов, употребляемых в «Телефотах». Март. 1929 г.». Ходатайствовала и испытательная комиссия, возглавляемая Златовратским, – перед ЦБРИЗом и ВСНХ СССР: «Об оказании всяческой поддержки Грабовскому и Белянскому в части отработки окончательной конструкции, пригодной для практических целей в широком масштабе».

Работа над получением движущегося изображения электронным путём велась многими учёными разных стран. Самым успешным из них был русский эмигрант, поселившийся в США, Владимир Козьмич Зворыкин. Он работал параллельно с Грабовским и ещё в 1923-м году подал заявку на получение патента на передатчик изображения с электронно-лучевой трубкой, который он назвал «иконоскоп» (от греческих слов «икон» – «образ» и «скоп» – «видеть»).

В.К. Зворыкин, родом из г. Муром, сын богатого купца, пароходовладельца и хлеботорговца. Он занимался в Петербургском технологическом институте, проводил опыты по видению на расстоянии. Позже учился в Париже. В годы I Мировой войны Зворыкин окончил Высшую военно-техническую школу в Петрограде и служил в армии офицером связи. В 1919-м году эмигрировал в США.

Ученик Розинга, Зворыкин всегда подчёркивал, что сама идея передачи и получения телевизионного изображения чисто электронным путём принадлежала Борису Львовичу. В 1925-м году Владимир Козьмич подал заявку на патентование проекта, связанного с цветной системой телевидения, а в 1929-м году он продемонстрировал телевизионный приёмник, основанный на работе созданного им кинескопа.

Таким образом, именно Б.П. Грабовский первый за год до Зворыкина провёл испытание полностью электронного телевизионного оборудования, которое большинство экспертов признало успешным. Это подтверждается имеющимися в личном архиве Грабовского документами и отзывами известных специалистов в области телевидения того и нашего времени. Например, цитата из предисловия В.А. Урвалова к сборнику «Б.П. Грабовский – изобретатель «Телефота»»: «В патентной заявке Б.П. Грабовского и его соавторов впервые в истории дано подробное описание всего комплекса электронной системы телевидения».

Вдохновлённая успехом «команда» продолжила работу по усовершенствованию телефота. 12 мая 1929-го года была послана телеграмма в ВСНХ Уз ССР: «Аппарат изготовлен. Изображение передано удачно». Борис Павлович стал читать в разных городах Средней Азии лекции о «видении на расстоянии».

Изобретатели постоянно испытывали материальные затруднения, и им приходилось обращаться в официальные органы за помощью. 5 июня 1929-го года Грабовский и Белянский пишут заявление в СНК УзССР: «Нами изобретен аппарат, который передаёт изображение на любое расстояние. Опыты дали блестящие результаты. Остаётся раздобыть 300 руб., и мы окончательно закончим всю работу. Также просим выдать нам по 200 руб. каждому, так как мы работаем больше года и не получаем за свой труд жалованья. Мы изнашиваемся, и сейчас в таком положении работать больше невозможно. Нет сил. Просим или удовлетворить нашу просьбу, или отказать наотрез. Тогда мы бросим изобретать».

Белянский. Грабовский».

Резолюция 1: т. Насырбаеву. Прошу самым внимательным образом сегодня же рассмотреть ходатайство тт. Грабовского и Белинского и выдать им необходимую сумму.

Резолюция 2: т. Музыкантскому. Выдать дополнительно под отчет 300 руб. и проверить представленный отчет. Насырбаев Помета: 5/VI – Выдано 300 рублей».

Москва заинтересовалась испытанием, прошедшим в Ташкенте. В 1929-м году в столице состоялось представительное совещание для обсуждения изобретения Грабовского. Присутствовавший на нём кандидат экономических наук, доцент А.И. Баранцев вспоминал: «...мы присутствовали на этом межведомственном совещании при обсуждении вопроса об изобретении Б.П. Грабовского «Телефот – прибор для передачи движущихся изображений на расстояние», мы видели киноплёнку, передающую движимые изображения (трамвай и идущих по улице людей). Мы рассматривали протоколы опытов первого изображения движущихся предметов и другие материалы, относящиеся к изобретению телефота Грабовского Б.П. (чертежи, схемы и др.). Я помню, что этот вопрос и все материалы были переданы в ЦБ РИС ВСНХ СССР для дальнейшей реализации этого изобретения...».

Москва затребовала привезти и сам телефот. С большой осторожностью, буквально пеленая каждую деталь, как грудного младенца, Грабовский, его жена и Белянский упаковали несколько ящиков и погрузили в товарный вагон, умоляя сопровождающих тщательно проследить за их сохранностью. Но почему-то произошла путаница, и ценный груз вместо Москвы попал во Владивосток. Понадобилось более двух месяцев, чтобы он всё-таки добрался до места назначения.

Как только изобретатели получили известие о прибытии груза в Москву, они выехали в столицу, чтобы самим получить и вытащить из ящиков детали телефота. Ехали налегке, взяв с собой минимум вещей. Настроение было приподнятое, все с нетерпением ждали минуты, когда аппарат будет собран и его действие продемонстрировано столичным учёным.

Наконец, ящики получены. Но когда их открыли, там обнаружили только осколки стекла и искорёженные железные корпуса деталей. Потрясение было очень сильным...

Но изобретатели не сдались. Они обратились за помощью к властям Узбекистана и Москвы для того, чтобы получить деньги для заказа нового оборудования. Столичные заводы за него не взялись. Но благодаря помощи администрации Узбекистана была достигнута договорённость с Германией, с заводом «Телефункен», который брался изготовить новую, совершенную электронную трубку. И уже выделены деньги, но... не получилось. Командировку в Германию изобретателям не разрешили, а без их присутствия и участия изготовление аппаратуры было невозможно.

В журнале «Урал» (№ 7, 1978 г.) публиковались воспоминания Л.А. Грабовской об этой тяжёлой для изобретателей ситуации:

«...Изобретатели с нетерпением ждали известия о прибытии груза на место, сами же, готовясь к докладам, приводили в порядок документы, делали дополнительные чертежи. Только на третий месяц груз дошел до Москвы. Как оказалось, вначале он был заслан куда-то не по назначению.

Грабовский и Белянский с первым же поездом помчались в Москву. Поехала с ними и я. Ехали с небольшим багажом: шесть папок с документами и чертежами, три тома рукописи «Энциклопедия телефотии» да по смене белья, денег почти не было. И, несмотря на это, настроение у всех было

праздничное. Никто не сомневался в победе. В Москве, наспех устроившись в гостинице, спешим в технический отдел ЦБРИЗ.

То, что мы увидели там, потрясло: в ящиках, где должны быть отправленные нами приборы, был только... стеклянный бой и покоробленные каркасы!.. Грабовский, бледный, с трясущимися губами, громко застонал.

– Что же теперь делать? – воскликнула я.

– Будем просить... чтобы восстановили аппаратуру, – пытался успокоить нас Иван.

– Разумеется, разумеется, – поспешно обрадовался Грабовский.

Мы старались ободрить друг друга, но всех терзала мысль: как могло так получиться? Кто мог это сделать? Почему?.. И что делать?

– Напишите объяснение, – потребовали у нас.

– Напишем.

К счастью, вскоре после приезда в Москву друзья встретились с Ю. Ахунбабаевым, приехавшим по служебным делам в ЦИК. Они рассказали ему о своей беде. Председатель УзЦИК глубоко задумался. Как помочь этим молодым и смелым энтузиастам? Сняв трубку телефона, он долго с кем-то разговаривал на узбекском языке, которого не понимали ни Иван, ни Борис.

– Сейчас я звонил в наше постпредство, – сказал Ахунбабаев. – Там займутся вашим делом. Узбекское правительство возьмет на себя любые расходы, связанные с изготовлением телефота. Если возникнут какие-либо трудности, обращайтесь лично ко мне.

Радости изобретателей не было границ. В Узбекском постоянном представительстве им сказали:

– Наша промышленность не столь хорошо развита, чтобы изготовить такой аппарат. Специалисты рекомендуют направить вас за границу.

– Если это только от нас зависит, – заявил Грабовский, – то мы готовы хоть на край света.

– Заказ телефота будет сделан через наше торгпредство в Берлине на фирме «Телефункен». Заграничные паспорта вы получите в иностранном отделе АОМСА Моссовета, все остальные документы – ордер на валюту и железнодорожные билеты – в Наркомвнешторге СССР. Соответствующее письмо туда уже направлено.

Счастливые, Грабовский и Белянский поспешили в Моссовет. Но там их ожидало новое разочарование: для того, чтобы получить паспорта, требовались рекомендации от соответствующих организаций о целесообразности командировки.

– Но у нас есть такие рекомендации от специалистов Узбекской республики, – и Грабовский извлёк из портфеля отзывы разных лиц и Узгостпредства. Но всего этого оказалось недостаточно. Потребовалось заключение ЦБРИЗа ВСНХ СССР...

Через несколько дней Грабовский и Белянский действительно получили заключение ЦБРИЗа, который, ссылаясь на мнение какого-то научного института, писал, что в настоящее время работа над телефотом бесперспективна, возможность воздействия термоэлектронов катодного луча в предполагаемой схеме сомнительна... А в Ташкент полетело письмо, в котором изобретатели характеризовались аферистами и жуликами; давался совет – прекратить всякую возню вокруг электроники и больше не соваться с подобной чепухой в Москву.

Это был последний тяжелый удар. И если Белянский, в силу своего характера, перенёс его сравнительно легко, то Грабовский ушёл в себя, замкнулся, забыл о сне и еде. В Ташкент Грабовский вернулся растерянный

и опустошенный. В Москве не вернули ему папки с чертежами, схемами и расчётами, не возвратили и рукопись «Энциклопедия телефотии». И это окончательно убило его. Борис Павлович серьёзно заболел. Поднялся на ноги он только через два с лишним месяца...».

В личном фонде Б.П. Грабовского (ЦГУ УзССР, ф. Р-2562) имеется очень много материалов: телеграммы, письма, обращения создателей телефота в государственные органы и общественные организации, отражающие их борьбу за своё детище.

Но ни ВСНХ СССР, ни другие учреждения реально не помогли отстоять телефот. Единственное, что изобретатели могли сделать в такой ситуации, – это закрепить приоритет своего аппарата. 30 сентября 1930-го года Грабовский и Белянский получили дополнительный патент № 16733 на изобретение устройства для электрической телескопии.

И.Ф. Белянский в своих воспоминаниях (18 декабря 1968 г.) писал: «...в 1930 году, когда изобретательством заниматься было (в силу создавшихся условий) трудно и невозможно, Грабовский и я решили покинуть Ташкент».

Белянский уехал в Ленинград, а Борис Павлович – в Сочи, где он какое-то время продолжал работать над чертежами нового варианта телефота. Зимой 1931–1932 годов декан электротехнического факультета связи Ленинградской Военно-технической Академии РККА пригласил его в Ленинград. Несмотря на отсутствие высшего образования, Грабовского зачислили инженером в штат Академии. Он должен был руководить работами по изготовлению действующих установок механической системы телевидения. Таким образом, изобретатель обязывался заниматься тем, что сам категорически отвергал. Борис Павлович пытался убедить начальство в перспективности электронной системы, показывая чертежи нового варианта телефота, привезённые им из Сочи. Для подтверждения правильности своих аргументов он решил обратиться к авторитету профессора Розинга. Но узнал, что Борис Львович был арестован ОГПУ якобы за участие в террористической антисоветской организации и сослан в Котлас. Это сообщение так потрясло Грабовского, что он серьёзно заболел и был освобождён от занимаемой должности по состоянию здоровья.

В 1931-м году Грабовский делает ещё одну попытку заинтересовать учёных и руководителей страны своим изобретением, но терпит неудачу: сторонники механической системы телевидения взяли верх. 1 октября 1931-го года в СССР начались регулярные телетрансляции на дальние расстояния при использовании механической системы телевидения. Телефот Грабовского был признан неперспективным, хотя качество изображения, которое он давал, было выше, чем при передаче механическим способом.

Напрасно Борис Павлович обращался в разные инстанции, читал лекции об огромных возможностях телефота, он нигде не находил ни понимания, ни ощутимой помощи. Наоборот, изобретателей обвиняли в перерасходе государственных средств, хотя Грабовский и Белянский многое делали своими руками и за свой счёт. Главный сторонник электронного телевидения Б.Л. Розинг в 1933-м году скончался в Архангельской ссылке от инсульта.

Электронное телевидение в СССР осталось непонятым, хотя передовые учёные видели его преимущества. И вплоть до первой половины 1930-х годов в СССР превалировала идея механической системы передачи и приёма изображения. Только в 1940-м году столичное телевидение перешло на электронику, а регионы СССР – лишь в середине 50-х годов.

На родине Б.П. Грабовского, в Тобольске, телевизионный сигнал впервые был получен в 1935-м году. Это было механическое телевидение. Электронное началось лишь в 60-е годы...

«Жить дальше в Ташкенте было бессмысленно. Решено уехать во Фрунзе. Там мать Бориса – Анастасия Николаевна. Отчим, Алексей Осипович, недавно умер, и она осталась одна с пасынком Николаем. Мать давно звала Бориса к себе. У неё свой дом, и одна комната предлагалась нам... Собрали всё своё богатство: два чемодана. Осенью 1932 года мы навсегда покинули Ташкент», – вспоминает Л.А. Грабовская.

В конце концов Борис Павлович отказался от дальнейшей работы над телефотом. Его изобретение со временем стало забываться.

А в это время в США над созданием электронного телевидения успешно работал В.К. Зворыкин, щедро финансируемый тоже выходцем из России, президентом одной из крупнейших в мире компаний, связанной с электротехникой, Д. Сарновым. Американцы потратили 50 миллионов долларов на исследования и испытания, прежде чем Зворыкиным была создана пригодная для эксплуатации электронная телевизионная система. Разве это сравнимо с теми «копейками», которые были в распоряжении «команды» Грабовского?

В итоге много десятилетий именно Зворыкин считался «отцом» электронного телевидения. А о ташкентских пионерах «дальневидения» забыли до начала 60-х годов 20-го века, так же, как и об основоположнике электронного телевидения Б.Л. Розинге, хотя именно его идея натолкнула сначала Грабовского, а потом Зворыкина на создание аппаратов «дальневидения»: «телефота» – у Грабовского и «икonosкопа» – у Зворыкина.

В Центральном музее связи находится электронно-лучевая трубка – всё, что осталось от телефота Грабовского. Да и та не подлинная, а её копия: настоящая была утеряна.

Детектив с телефотом

В истории телефота Грабовского имеются странные и загадочные ситуации; её сопровождают детективные обстоятельства, которые до сих пор не имеют однозначного объяснения.

Непонятно, почему изобретателям не вернули материалы, связанные с телефотом, которые они привезли в Москву: документы, схемы, расчёты, чертежи и даже рукопись «Энциклопедии телефотии». Лидия Алексеевна не раз пишет об этом в своих воспоминаниях. Об изъятии документов пишет и Белянский: когда Москва закрыла работу над телефотом и Грабовский с помощником стали бегать по инстанциям, «спрашивать было не с кого, а руководство ЦБСИ и ЦБРИЗ на наши претензии и жалобы очень на всё обиделось, и дело дошло до того, что создали межведомственную комиссию и после неё отобрали все шесть папок, и мы еле живые вернулись в Ташкент. Техническая лаборатория ЦБСИ ВСНХ РСФСР находилась в то время на Никольской улице... Помню, вышел я из этого помещения грустный, неселый, ведь все было разбито и, главное, неизвестно кем».

Конец процитированной фразы Белянского «неизвестно кем» вызывает вопрос о том, а действительно, почему столь тщательно упакованные в Ташкенте детали прибыли в Москву в виде лома? Не вмешалась ли в это какая-то сознательная сила? Кому было невыгодно изобретение Грабовского?

Думается, что дело здесь не только в стечении обстоятельств, а в сознательном противодействии.

Грабовский всю оставшуюся жизнь мучился вопросом: почему так получилось, что его аппарат оказался полностью разбитым при транспортировке? Случайность это или акт чьей-то злой воли?

В 2006-м году телерадиокомпания «Регион-Тюмень» создала документальный фильм «Сага о потерянном гении» режиссёра И. Трацевского. Фильм посвящён жизни и изобретательской деятельности Б.П. Грабовского и основан на архивных материалах, а также на письмах Л.А. Грабовской. Кроме того, в фильме показан «живой» Грабовский, отвечающий на вопросы журналиста.

Фильм получил несколько премий и наград: на XI международном фестивале телевизионных программ и фильмов «Золотой бубен»-2007 – Гран-при «Золотая богиня»; на V Всероссийском телефестивале научно-образовательных и просветительных программ «Разум. XXI век» – лучшая сценарная разработка научно-документального фильма (Иван Трацевский); премию Союза журналистов России «За профессиональное мастерство» и др.

В фильме с большим сочувствием и уважением к изобретателю, с гордостью за него рассказывается о его нелёгкой судьбе, о препятствиях, встретившихся на его пути, и утверждается приоритет телефота в истории мирового телевидения. Фильм проникнут искренними чувствами. Желание его создателей – восстановить историческую справедливость и сделать имя Б.П. Грабовского как первооткрывателя и создателя современного телевидения широко известным нашим современникам.

Однако, на наш взгляд, фильм несколько тенденциозен и категоричен в ответах на некоторые, до сих пор загадочные ситуации, связанные с телефотом. Так, например, авторы фильма категорически утверждают, что все документы и записи, связанные с телефотом, выкрала тайная агентура США. Её же сотрудники уничтожили саму аппаратуру. Зачем? США видели в успехах Грабовского сильную и успешную конкуренцию исследованиям, проводимым американцами, в частности, В.К. Зворыкиным. Новый свет не хотел развития электронного телевидения в СССР, чтобы не лишаться выгодного и огромного рынка сбыта.

Действительно, Зворыкин в 1933-м году приезжал в Москву, видимо, по приглашению советского правительства. Позже он ещё несколько раз бывал в СССР. Владимир Козьмич читал лекции об электронном телевидении, помогал своей родине переходить с механического «дальневидения» на электронное. К тому времени преимущества электронной системы стали очевидны и для советских руководителей.

Об изобретении Грабовского забывают и в разработках отечественного электронного телевидения ориентируются именно на Зворыкина.

Авторы фильма утверждают, что приезд Зворыкина в Москву – заранее подготовленная информаторами и агентами США акция, направленная на дискредитацию работ отечественных учёных в области электронного телевидения. Якобы после его визитов вся аппаратура для электронного телевидения (к тому времени работы над развитием механического телевидения в нашей стране были прекращены) стала вывозиться из США, в частности, приборы для нового телецентра на Шаболовке. Однако это не соответствует фактам. Цитируем предисловие В.А. Урвалова к сборнику «Б.П. Грабовский – изобретатель Телефота» – «Телефот Б.П. Грабовского и его место в истории развития телевизионной техники»:

«Разработку передающей трубки, которую он назвал иконоскопом, Зворыкин закончил в начале 1933 года, а в конце того же года при Ленинградском НИИ телемеханики была организована специальная лаборатория

передающих телевизионных трубок во главе с талантливым специалистом Б.В. Круссером. Уже в 1934 году в этой лаборатории были разработаны первые отечественные образцы иконоскопов. На базе этих приборов в феврале 1935 года коллективом инженеров и техников под руководством Я.А. Рыфтина была изготовлена и продемонстрирована полностью электронная система с чёткостью 180 строк. Отечественная телевизионная техника достигла новой качественной ступени.

А в 1938 году вступил в эксплуатацию Опытный Ленинградский телевизионный центр на 240 строк, сооруженный из деталей и электронных приборов отечественного производства».

Воспоминаниями Л.А. Грабовской и Белянского подтверждается то, что документы, связанные с телефотом, не пропали, как не раз акцентируется в фильме, – их изъяли и не вернули изобретателям сотрудники ЦБРИЗ (Центрального бюро рационализации и изобретательства). А вот почему их изъяли, где они после этого хранились, почему никогда не использовались и не переданы в личный фонд Б.Г. Грабовского – это большие вопросы, на которые ответа нет.

Если документы нужны были для отчётности или архивного хранения, то можно было бы сделать копии и отдать авторам.

Как приключенческо-детективный разворот событий можно предположить, что они были сознательно уничтожены или выкрадены. Но это только предположение. Воспользовался ли ими Зворыкин? Авторы фильма вполне прозрачно намекают на это. Мы считаем, что – нет, не воспользовался. Во-первых, Зворыкин самостоятельно шёл по тому же пути, что и Грабовский, и отстал от него только на один год. Во-вторых, знакомство с его личностью даёт право предположить, что такой поступок для него невозможен. Он был высокообразованным человеком, видным учёным, в прошлом офицером русской армии, человеком рискованным, склонным к авантюрным поступкам, но человеком чести и достоинства.

Удивляет и исчезновение киноплёнки, на которую было снято изображение с экрана во время ташкентских испытаний телефота; причём существовало несколько её копий. Об этом рассказывают воспоминания многочисленных свидетелей и старожилов среднеазиатских городов, видевших кинохронику с показом телефота Грабовского в действии. В 30-е годы киноплёнка исчезла полностью, и обнаружить её не удалось до сих пор.

В.А. Урвалов в предисловии к сборнику «Б.П. Грабовский – изобретатель телефота» пишет: «Возникает вопрос, а что было бы при более счастливом стечении обстоятельств при попытках осуществить электронное телевидение в конце 20-х годов? Скорее всего, передающая трубка, предложенная Грабовским, из-за низкой чувствительности не смогла бы удовлетворить высоким требованиям вещательного телевидения. Но точно так же не вызывает сомнения, что остановка работ по электронному телевидению в 1929 году вызвала паузу в подготовке специалистов, формировании общественного мнения в пользу высококачественных телевизионных систем и объективно затормозила наступление «телевизионной эры».

Какое-то время, приехав во Фрунзе, Грабовский пытался восстановить документы, связанные с созданием телефота, но вскоре совсем отказался от работы над аппаратом, позволяющим «видеть на расстоянии». Почему?

В. Сулимов и О. Сидоренко в книге «Грабовские из Тобольска» пишут: «существует также версия том, что в Москве Грабовского вызывали в НКВД и... категорически приказали больше никогда в жизни не вспоминать о том, что он изобрёл. Если он этого не поймёт, то просто погибнет. Это был удар!

Отчаяние подкреплялось ещё и тем, что папки с чертежами и документами так и не были возвращены изобретателю. Борис Павлович вернулся домой в состоянии сильного нервного расстройства. По мнению его внучки Инессы, ему даже пришлось симулировать сумасшествие – только чтобы уцелеть».

Но это тоже только предположение, не подкреплённое никакими доказательствами в виде документов...

Шли годы. Борис Павлович занимался другими изобретениями. О телефоте, казалось, все забыли. И вдруг...

Обратимся к воспоминаниям Лидии Алексеевны:

«Прошло тридцать пять лет. Шел 1961 год...

Однажды произошло неожиданное. В руки Бориса Павловича попала книга американского писателя Митчелла Уилсона «Брат мой, враг мой», выпущенная советским издательством иностранной литературы в 1956 году. Грабовский прочел её, не отрываясь, и сразу же крикнул мне:

– Лидия! Ты и вообразить не можешь, что я тебе сейчас сообщу!

Я привыкла за долгую совместную жизнь к разным «чудачествам» мужа, поэтому спокойно спросила:

– Опять что-нибудь придумал сверхъестественное?

– Я прочел книгу!..

– Ну и что же?

– Необычную... В ней содержится точное описание наших опытов по дальновидению в Ташкенте.

– Не может быть!

– Не может? Прочти сама. Вот здесь,— и он протянул мне раскрытую книгу. Я прочла:

«...На экране появились очертания человеческой руки; пальцы на ней были чуть пригнуты к ладони, потом быстро распрямились, и движение это было бесконечно женственным. Рука на экране повернулась, секунду помедлила и исчезла из виду. И снова перед его глазами мерцал пустой экран...»

Да, в действительности так и было. Это я тогда протянула руку перед передатчиком, стала сгибать пальцы, а на экране в другой комнате было получено отражение этого изображения. Но совпадал не только прочитанный мною эпизод. Всё дальнейшее описание аппарата в романе точно соответствовало записям Грабовского, произведённым им в своих дневниках в те годы и в патентном описании. Я поняла, что Борис Павлович не зря был так взволнован.

– Откуда американский писатель мог узнать о наших ташкентских опытах?

– Этого я не берусь объяснить,— ответил Борис Павлович.— Но не в этом главное. Уилсон в своей книге далее утверждает, что никто раньше до американских учёных не занимался успешно вопросами дальновидения. Заметь, никто! Даже русский учёный Розинг ничего не мог добиться, так как тогда не было электронных ламп, что электронную лампу разработали американцы, а на этой основе была построена их новая система вместо механической... Ты понимаешь, что все это значит?!

– Кажется, понимаю. В России Розинг, Грабовский и другие ничего не достигли, так как шли к решению проблемы неверным путем, а только американцы достигли успеха.

– Ты поняла правильно. А из всего этого следует, что приоритет в изобретении телевидения принадлежит не русским, а американским ученым!

– Но это же чудовищно! А ваши работы по электронике?

– О них совсем не упоминается.

– Что ты намерен делать?
– Пока ничего не знаю. Но так оставить это невозможно.
– Напиши издательству, выпустившему роман, – посоветовала я.
– А чему это поможет? Ты пойми: речь идёт не обо мне и моих товарищах, а о приоритете Родины...».

Но всё-таки Борис Павлович написал письмо и через три месяца получил следующий ответ:

«Уважаемый товарищ Грабовский! Мы получили Ваше письмо, в котором вы обвиняете американского писателя Митчелла Уилсона в приписывании героям романа «Брат мой, враг мой» изобретения, сделанного, опубликованного и запатентованного в Советском Союзе советскими изобретателями. Ваше письмо и приложенная к нему копия патента изучались специалистами (чем объясняется наш несколько запоздалый ответ), которые пришли к выводу, что Ваше заявление вполне справедливо, однако Вы, конечно, понимаете, что писатели, создающие художественные произведения, имеют право изменять факты. Кроме того, автор и не называет свой роман историческим. Предъявлять какие-либо претензии автору, нам кажется, было бы нецелесообразно. Это наша точка зрения, с которой Вы можете согласиться или не согласиться...».

Продолжаем цитировать воспоминания Лидии Алексеевны:

«– Конечно, не согласен! – воскликнул Грабовский. – Искажать историю никому не дозволено. Эдак кому-то придёт фантазия в художественном произведении написать, что не мы, скажем, прогнали Наполеона из России или не мы победили Гитлера. Буду бороться изо всех сил! И не один!

На следующий день Грабовский отправился в ЦК КП Киргизии. Его принял секретарь по пропаганде. Борис Павлович рассказал всё, что относилось к созданию аппарата по дальновидению, то есть историю, уже известную читателю. Показал патент на телефот, захватил с собой и роман «Брат мой, враг мой».

– Вы утверждаете, что американский писатель Ваши опыты и исследования по дальновидению приписал своим героям? – спросил секретарь.
– Но откуда же он мог узнать об этих опытах?

– Во-первых, из патентной литературы, во-вторых, о наших работах тогда много писалось в газетах и журналах.

– Какие имеются документы?

Борис Павлович сперва показал заявочное свидетельство Комитета по делам изобретений от 9 ноября 1925 года, затем – патент, составленный на основании подробного описания схемы телефота, подтверждающий, что не Америке, а Советскому Союзу принадлежит приоритет на создание катодной системы телевидения. Сомнений в том, что рассказал Грабовский, теперь не было.

– Но почему же вы до сих пор молчали? Не боролись за свои права? – с удивлением спросил секретарь. – Ведь вы совершили удивительное открытие!

– Тогда, в Москве, нас обвинили чуть ли не в шарлатанстве.

– Вас обидели несправедливо. Вы обязаны были протестовать, пойти в партийные органы. Они обязательно бы Вас защитили. А Вы ушли в сторону.

– Мы тогда потеряли всякую надежду...

– Напрасно... Ну что ж, давайте теперь решать, что делать дальше.

– Думаю, что мне нужно немедленно ехать в Москву и доказывать, – предложил Грабовский.

– И я так думаю, – согласился секретарь. – Но мы еще здесь посоветуемся.

Шесть дней спустя Грабовский мчался скорым поездом в Москву, дав предварительную телеграмму Белянскому в Ленинград – с просьбой также приехать в столицу. Прошла неделя, другая и больше месяца, а Борис Павлович не возвращался. Письма писал редко, коротенькие. А на дворе стоял уже апрель. И вот однажды утром, когда мы в своём домике ещё спали, раздался стук в окно... Борис?!

Увидев его просветлённые глаза, я сразу поняла, что его поездка в Москву не была напрасной» ...

Несколько слов о книге и её авторе. Точнее, были написаны две книги: «Брат мой, враг мой» и её продолжение «Деви Меллори». Они посвящены рассказу о первых шагах телевидения в США, о том, как два американца, братья Меллори: Кен и Дэвид (Деви) – жители провинциального городка Уикершем на севере США изобрели электронное телевидение. Действие романа охватывает пять лет: с 1924-го по 1929-й годы. Автор очень точно и последовательно передаёт техническую сторону исследований братьев Меллори, поскольку сам был физиком по полученному образованию и профессии.

По поводу произведения Уилсона Грабовский писал: «Напрасно думают, что эта книга – художественный роман. Это голая правда об изобретении телевидения: ни в описании прибора, ни в опытах с ним нет ни одного процента фантазии. Абсолютно точны и даты. Ложь лишь в месте действия и в именах: США – СССР, Кен – Грабовский. Дэвид – Попов-Пискунов».

Совпадения событий и действий, описываемых в романе Уилсона, и тех, что происходили во время работы «команды» Грабовского над телефотом, были потрясающими. Описывались одни и те же проблемы, ситуации, даже выражения героев поражали своей одинаковостью. Например, эфирные помехи опытам, использование газокалильных ацетиловых ламп, которые давали такую высокую температуру, что рука, держащая лампу, долго не выдерживала.

Гораздо позднее К. Сливицкий писал: «...я был поражён колоссальным сходством последовательности работ тт. Грабовского и Белянского в 1927-1928 гг. У меня создалось впечатление, что автор имел и читал технические дневники тт. Грабовского и Белянского».

Книга М. Уилсона явилась большим и неожиданным ударом для Грабовского и Белянского. Но, с другой стороны, она вызвала из небытия их изобретение и привлекла к нему интерес общества.

Первая серьёзная статья об изобретении Грабовского и его товарищей появилась в 1961-м году в «Экономической газете», её автором был А. Пресняков. Она называлась «Правда о телевидении». Пресняков писал: «Автор этого произведения американский писатель Митчелл Уилсон искажил историческую правду о создании электронного телевидения. Можно было бы, конечно, не заострять на этом произведении внимания, если бы концепция, которой придерживается автор, не приобрела официальный характер в научном мире США. ... Но, уважая писательский талант Уилсона, мы не можем согласиться с его завуалированным утверждением, что телевидение изобретено в США».

В 1964-м году Борис Павлович обратился с прямым письмом к Уилсону, но ответа не получил. В 60-е годы этот американский писатель был в фаворе у советских властей. Его книги переводились на русский язык и постоянно издавались в СССР, а сам он неоднократно приезжал в Москву.

Белянский несколько раз пытался встретиться с Уилсоном. Однако власти запретили ему это делать, объяснив, что разговор с Белянским может расстроить очень обидчивого писателя и даже ухудшить американо-русские отношения...

После истории с книгой Уилсона Грабовский стал подозрительным и нелюдимым. Он терзался вопросом: было ли украдено его изобретение и если было, то кем? Каким образом документы, касающиеся телефота, могли попасть в Америку? Ответа на этот вопрос пока не находится. Хотя сама мысль о том, что материалы, касающиеся телефота, украдены и «выплыли» за границей, посещала не только Бориса Павловича.

Позже в письме к К.К. Сливицкому И.Ф. Белянский писал, что впоследствии многие служащие ВСНХ СССР, которые были причастны к изъятию у изобретателей документов, связанных с телефотом, были осуждены за вредительство и проходили по делу «Промпартии», а документы «ушли на запад». В личном архиве Грабовского и Белянского имеются воспоминания Ивана Филипповича, в которых он пишет: «...наш основной материал (6 папок) ЦБРИЗ ВСНХ СССР при своем расформировании в архив СССР не сдал (видимо, всё ушло за границу)...».

В наше время высказываются разные версии. Главная из них – среди окружения Грабовского был «шпион». Кто и чей? Американской разведки или же «наш», из НКВД?

В.С. Самелюк в киевском журнале «Радиоматер» (№ 7, 2004 г.) пишет: «Талантливого изобретателя взяли под контроль и чекисты. К Грабовскому и Белянскому «подселили» своего человека. Это был Константин Сливицкий, который тогда работал на первой Среднеазиатской радиовещательной станции».

Идею с «подсадкой» К. Сливицкого подхватили и другие. Но это не доказано никакими документами, устными воспоминаниями, прямыми или косвенными свидетельствами. В такой ситуации обвинения в адрес Сливицкого являются голой клеветой, особенно страшной, поскольку нападкам подвергается честное имя умершего человека, который не может ответить на них. Существует масса доказательств совершенно обратного. Цитируем статью Ю.А. Рубченко «Грабовский Борис Павлович и его «Телефот». Мифы и реальность»:

«Многие радиолюбители Узбекистана, да и других стран, прекрасно помнят К.К. Сливицкого. Это первый радиолюбитель Туркестана и один из первых радиолюбителей СССР, и о нём написана отдельная статья. В беседах со старыми радиолюбителями Ташкента версия о Сливицком вызвала только улыбку и знакомый всем жест с вращением пальца у виска. Например, Георгий Александрович Боряев, проработавший почти 15 лет с К.К. Сливицким в республиканском отделении ТАСС, был просто удивлён такой версией. «Наоборот, – вспоминал он, – они были хорошими друзьями и всегда помогали друг другу».

Не подтверждается эта версия и ни в одном документе в архиве Грабовского – Сливицкого. В архиве ЦГА хранится немало писем Грабовского и Сливицкого друг другу, письма Лидии Грабовской – Сливицкому. Они всегда были друзьями. В 60-х годах, по инициативе К.К. Сливицкого, был открыт (в районе Сергели, Ташкент) музей Б.П. Грабовского. Из письма Б.П. Грабовского – Сливицкому: «Для меня, как и для Вас, совершенно очевидно, что мои труды неразрывно связаны с Вашими трудами, так как если бы не Ваша техническая помощь, я бы не добился этих успехов, Ваш друг Борис Грабовский».

Б.П. Грабовский так и не узнал, каким образом у американского романиста Митчелла Уилсона оказались его технические дневники. Не знаем мы этого и сейчас.

«Так проходит земная слава»

В 1951-м году Борису Павловичу назначили персональную пенсию, но не как изобретателю, создателю телефота, а как сыну поэта.

Статья А. Преснякова «Правда о телевидении» в «Экономической газете» (1961 г.) явилась первой публикацией после нескольких десятилетий молчания, которая подняла вопрос о приоритете Грабовского и его коллег в появлении электронного телевидения.

Если длительное время создатели телефота молча сносили незаслуженное забвение, то роман Уилсона и статья А. Преснякова 1961-го года очень всколыхнула их. Грабовскому уже исполнилось шестьдесят лет, но он, немолодой, отягчённый болезнями, без колебаний вступил в бой. Рядом с ним, плечом к плечу, стояли его ближайшие помощники и единомышленники: И.Ф. Белянский и В. И. Попов. Они стали искать документы, газетные и журнальные статьи, свидетельствующие о значимости их эксперимента, а также участников испытаний телефота. Особенно активен был Иван Филиппович Белянский, который в то время жил в Ленинграде. Он специально поехал в Ташкент, чтобы там, в городе, где впервые была испробована работа телефота, собрать материал, связанный с ним.

В 1962-м году по постановлению комиссии Технического управления Госкомитета Совмина СССР по радиоэлектронике Борис Павлович получил единовременное вознаграждение за «изобретательскую инициативу в 20-30-х годах» – 200 рублей.

В 1963-м году Грабовскому и Белянскому пришло письмо из Технического управления Государственного Комитета по радиоэлектронике СССР: «Уважаемые тов. Грабовский и тов. Белянский! Ваш приоритет на получение движущегося изображения с помощью «аппарата электрической телескопии» не оспаривается, а факт выдачи патента юридически закрепляет приоритет изобретения за Советским Союзом в целом».

В 1964-м году Узбекский республиканский совет ВОИР наградил Бориса Павловича Почётной грамотой, в которой утверждалось, что инженер-физик Грабовский Б.П. «практически создал в 1928 г. в Ташкенте первую телевизионную электронную установку «радиотелефот», который лёг в основу развития телевидения».

В мае 1965-го года Министерство связи СССР отправляет Киргизскому республиканскому совету ВОИР письмо с предложением отметить заслуги Грабовского: «...Работы тов. Грабовского Б.П. по созданию опытной установки для передачи движущегося изображения расцениваются как начальные шаги по пути практической реализации идеи электронного телевидения, основоположником которого является Б.Л. Розинг. Учитывая прогрессивность работ тов. Грабовского Б.П. для периода только ещё зарождавшегося электронного телевидения и в свете этого их историческое значение, Министерство связи считало бы целесообразным отметить заслуги тов. Грабовского Б.П. и готово поддержать мероприятия, которые будут проводиться местными организациями по этому вопросу».

21 октября 1965-го года Б.П. Грабовскому было присвоено почётное звание «Заслуженный изобретатель УзССР». В то время он был единственным человеком в Узбекистане, имеющим такую награду. Бюро Отделения общей

и прикладной физики АН СССР вынесло специальное постановление «О работе Б. Грабовского и И. Бемянского в области электронного телевидения», где отмечалось, что их изобретения «оказали благотворное влияние на развитие телевизионной техники и содействовали закреплению отечественного приоритета в этой области. Специализированная организация ООН по вопросам науки, образования, культуры – ЮНЕСКО также высоко оценила их вклад в развитие электронного телевидения в его начальной стадии».

Таким образом, изобретение Грабовского, наконец-то, заметили и за рубежом. Почти одновременно с известием о присвоении Борису Павловичу звания «Заслуженный изобретатель УзССР» в парижском журнале «Телевизион» появляется статья Президента Международной ассоциации прессы по радиотехнике и электронике Э. Айсберга, в которой говорится:

«Фактически 100% электронная телевизионная система, использующая трубки с катодным лучом, как для передачи, так и для приёма, была предложена ещё в 1925 г. тремя русскими изобретателями: Б.П. Грабовским, Н.Г. Пискуновым и В.И. Поповым под названием «телефот». Они описали в своём патенте за № 5592, заявленном 9 ноября 1925 года, очень совершенную систему... В.П. Грабовскому с помощью И.Ф. Бемянского удалось смонтировать и окончательно доделать телефот. В Ташкентской лаборатории в 1928 году они окончательно завершили свои опыты с успехом... К несчастью, это замечательное изобретение не было оценено по достоинству в годы, когда пользовалась успехом механическая система телевидения. По этой причине десятилетие позже её снова пришлось изобретать. Так проходит земная слава...».

Несмотря на серьёзные документальные доказательства мирового приоритета телефота Грабовского, до сих пор некоторые современные историки науки ставят это под сомнение. Заслуги Бориса Павловича не закрепились в общественном сознании, как в России, так и за рубежом. Поэтому до сих пор прав Э. Айсберг, написавший ещё 50 лет тому назад: «Так проходит земная слава». Слава обошла Грабовского стороной. А ведь он по праву достоин её, пусть даже и посмертно.

Великая сила энтузиазма

Жизнь продолжала испытывать Грабовского трудностями и после неудачи с телефотом. Но ни безденежье, ни болезни, ни насмешки и отношение к нему как к не совсем нормальному человеку, что тоже имело место быть, не могли отвратить его от труда по приближению будущего. Он служил будущему. И это служение видел в изобретательстве, в стремлении разглядеть человека и мир, какими они будут через века, в желании сделать людей здоровее, наделить их способностями, расширяющими пространство и время: чтобы они могли отправиться в космос и встретить там братьев по разуму, чтобы могли плавать, как рыбы, летать, как птицы.

Его продолжала вести по жизни великая сила энтузиазма.

Во Фрунзе (Бишкеке) Борис Павлович работает на механическом заводе заведующим электроцехом и продолжает изобретать. По свидетельству Лидии Алексеевны, он «во время работы на Фрунзенском механическом заводе вскрыл вредительство (что отмечено в газете «Советская Киргизия» за 1933 г. и на судебном процессе)».

В 1937-м году он поступает на физико-математический факультет Киргизского государственного университета (заочно). В годы войны был инструктором в школе противовоздушной и противохимической оборо-

ны. Лидия Алексеевна вспоминала: Борис Павлович «во время Великой Отечественной войны окончил школу ПВХО отличником и был назначен преподавателем ПВХО».

Хоть и далеко находился среднеазиатский город Фрунзе от фронтов войны, но жилось и в нём очень тяжело. «...голод и холод испытали настоящий: жили пайками, не умея приработать сельхозяйством, я даже попала в больницу с... дистрофией... Хорошо, что война заканчивалась, иначе не выжила бы. Долго помогали вещи – я любила хорошо одеваться (осталась ленинградская привычка)... К примеру: когда стакан муки на рынке стоил 5 рублей, свою шубку я сменяла на целый мешок! Но и запас нарядов был невелик», – вспоминала Лидия Алексеевна.

В годы войны Грабовского, естественно, привлекало изобретательство, связанное с боевыми задачами. «Мой Боря опять что-то изобретает. Придумал гранату с крыльями, летит до 100 метров, а ещё пиротехническую пулю: пробивает толстый металл, может пробить танк... Военные посмотрели и пока к его идеям равнодушны», – сообщает Лидия Алексеевна в одном из писем того времени.

В 1945-м году Грабовский оканчивает университет по специальности «физика». Он планировал защитить кандидатскую диссертацию. В автобиографии Борис Павлович пишет: «...решением Высшей аттестационной комиссии освобожден от сдачи кандидатских экзаменов за изобретательские заслуги (английский сдал на хорошо)». Однако защита всё откладывалась. Грабовский был очень увлечённым человеком, желающим успеть как можно больше. Это бросало его от одной идеи к другой, от одного изобретательства – к другому. На подготовку диссертации времени не хватало. Зато на его счету 12 авторских свидетельств, выданных Комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР, и более 50 заявочных свидетельств.

В маленьком сарае во дворе небольшого дома, где жили Грабовские во Фрунзе, Борис Павлович оборудовал себе исследовательскую лабораторию. Всё её пространство было заставлено столами, моторами, какими-то странными аппаратами. На столах теснились спиртовки, инструменты, приборы, весы.

Грабовский изобрёл оригинальную конструкцию летательного аппарата, который назвал «орнитоавтожир», действующего при помощи «хлопающих крыльев»; «жабры» для человека, экономичную электробатарейку, скоростную винтовку, малолитражный вертолёт; катер, который плывёт против течения за счёт энергии воды; сконструировал прибор для ориентирования слепых и аппарат для глухонемых.

Трёхкрылый планер, который он придумал, сам же бесстрашно испробовал в полёте. Существовала даже фотография, на которой Грабовский с лопастями-крыльями над головой. Крыло этого аппарата как бы загребает воздух и таким образом отталкивается от него. Аэродинамическая сила, возникающая при этом, поднимает планер в воздух и даёт возможность передвигаться как птица.

«Главнейшими моими изобретениями и открытиями считаю: 1 – телефот, 2 – открытие светочувствительности кожи человека – фосфен; 3 – слепецкий виброфосфенный аппарат «Гном», он же камертонный «телефот», 4 – открытие нового принципа хлопающих крыльев и постройку модели «орнитоавтожира»; 5 – изобретение винтовки, дающей первоначальную скорость пули 4000 м/сек.», – писал Грабовский в автобиографии.

Одно изобретение, сделанное им ещё в 20-е годы, заинтересовало Институт электросварки им. Е. О. Патона академии наук Украинской ССР. «Мы

с большим интересом и удовлетворением ознакомились с Вашим патентом вакуумного приспособления для получения катодного луча (№5771). Очень вероятно, что, идя этим путем, мы будем использовать Вашу схему выведения электронов в атмосферу...», – написали ему сотрудники этого института. А вскоре Грабовский получил благодарность от директора: идею Бориса Павловича стали использовать при плавлении и сваривании металлов.

Диапазон интересов Грабовского был бесконечен: секрет конструкции плотов древних перуанцев, инопланетяне и таинственные существа, которые якобы скрываются в глубине озера Иссык-Куль, варианты аквалангов и бесколлекторное динамо... Он думает о том, как использовать энергию электронов. Его волнуют вопросы эволюции разума на Земле и появление на ней инопланетян, а также возможность передвижения человека в космосе.

Грабовскому принадлежат патенты на зеркальные и простые очки для людей, страдающих помутнением роговицы глаз. Он разработал несколько типов аккумуляторов и гальванических элементов, проводил опасные опыты по кумулятивным (направленным) взрывам.

К сожалению, подчас его смелые и оригинальные изобретения либо очень быстро устаревали, либо не могли быть в то время «запущены» в массовое производство, либо не доводились до конца. Но чаще они намного обгоняли своё время, не были понятны, а поэтому казались ненужными. Грабовского принимали за чудака, человека «не от мира сего» и на его изобретения смотрели, как на детскую забаву. Отсюда – его одиночество, нахождение в вакууме как исследователя и изобретателя.

В 50-е годы Борис Павлович вспомнил, как в детстве его поразила способность слепых различать свет кожей, ему захотелось помочь этим людям обрести зрение. В то время уже делались операции на глазах, но они были мало успешны. Чтобы вникнуть в суть проблемы, изобретатель некоторое время работал в школе слепых.

С помощью И.Ф. Бемянского он конструирует аппарат, похожий на фотокамеру. Открытием заинтересовался врач-офтальмолог В.Я. Федотов. Под его руководством на кафедре глазных болезней медицинского института провели эксперимент. Трое из десяти слепых видели хорошо, трое – смутно, у четверых зрение осталось без изменения.

Изобретателя вызвали в Ленинградский научно-исследовательский институт. Однако оказалось, что он со своим аппаратом опоздал: в институте давно уже успешно работали в этой области и создали прибор, который в ближайшее время должен был производиться массово. Но и это устройство для видения слепых вскоре устарело, поскольку медики научились делать операции на глазах. Оперативный способ лечения оказался более эффективным.

Часть своих идей Грабовский просто не довёл до конца, увлечённый новыми грандиозными замыслами. Лидия Алексеевна писала в воспоминаниях: «Ему нужна была мощная уздечка, чтобы довести до конца начатую идею, а не кидаться из крайности в крайность. И может, лучше бы было, если бы он не делал столько открытий, а серьезно занялся одним».

Обстоятельства жизни, интенсивная изобретательская деятельность не позволяли Б.П. Грабовскому посетить места, где встретились и поженились его родители, где он родился. Но тоболяки всё равно считают его своим земляком и гордятся тем, что один из главных изобретателей современного телевидения родом из Тобольска.

У НАС В ГОСТЯХ

«БИЙСКИЙ ВЕСТНИК»

Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал. Издаётся с 2013 года издательским домом «Бия» Алтайского края. Выходит четыре раза в год.

Главный редактор Виктор Буланичев.

Журнал издаётся в Бийске, но публикует авторов из разных городов и всей России. Нередко в журнале появляются материалы и авторов Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа.

Анатолий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ

* * *

Время быстро идет.
Осыпаются дни
Нашей жизни – легко, незаметно.
Словно листья с рябин
Опадают они
И теряются где-то бесследно
Среди скучных полей,
Одиноких холмов,
Среди этой бескрайней равнины,
Под извечным течением –
Вдоль облаков,
На висках оставляя седины.
Мы не знаем, как скоро
Закончатся дни,
На какой оборвутся дороге...
Но сегодня, сейчас,
Мы подумать должны
О себе, о судьбе, и о Боге.

Скрипач

Владимиру Казакову

На пяточке,
вблизи вокзала,
под смех и раздраженный плач
нередко музыка звучала,
которую творил скрипач.
Худые старческие руки,
глаза не зрячи,
нос крючком...
Но, Бог ты мой!..
Какие звуки
рождались под его смычком!
В них –
гнев и боль,
печаль и ласка,
мечтаний юношеских взлет;
невольная тоска по сказкам,
что в каждом
с детских лет живет.
Не выдержат, казалось, нервы.
Нет,
он не клял свою страну,
хотя, – узнал я, –

в сорок первом
ушел на фронт...
И был в плену
немецком...
А потом – советском
с клеймом «врага»
свой срок волок
за то,
что где-то под Елецком
не до конца исполнил долг...
А срок отбыв,
лишился света
за то,
что свет в душе хранил
и виртуозом стать при этом
надежд своих не хоронил...
... И стал...
И нищ, и неухожен,
привыкший слышать плач и мат,
он дарит музыку прохожим,
как будто в чем-то виноват.

* * *

Сыплет снег. Засыпает калитку.
Колеи полустанка в снегу...
Не твою ли, как месяц, улыбку
До сих пор я забыть не могу...
Были встречи, да кончились скоро.
Было счастье, а вышла печаль...
Не тебя ли в осеннюю пору
Подхватил пролетающий скорый
И в рассветную дымку умчал...
Ночь на ветках еще угасала,
В жухлых травах качались цветы,
Когда в поздние двери вокзала
Скрикошетила боль пустоты.
Мне бы – вслед. А тебе бы – вернуться...
Но мы молоды были, вольны.
В нас еще не успело проснуться
Запоздалое чувство вины.
И теперь, только память окликнет
Эту боль, что в душе берегу,
Выйду в степь, от отчаяния вскрикну,
Вдаль рванусь. И замру на бегу.

* * *

В стороне моей простуженной,
В непроглядной стороне
День и ночь печально кружится
Небо зябкое в окне.
Подойду к окну промерзшему
Поглядеть на стынть реки,
И сожмется сердце, съежится,
Потускнеет свет строки.
Не рвануться, не отважиться
К берегам наискосок!..
И судьба на миг покажется
Птицей, раненной в висок.

* * *

Осень стелет узоры, Вяжет дней невода. Ветры желтые скоро Принесут холода. Задымится осока В тихом шелесте снов. Заскучает протока, Загрустит рыболов. Поздний луч, угасая, Будет стыть на волне...	Эта грусть вековая Передастся и мне. Эту грусть понимая, Буду ветренным днем, Сердцем к Богу взывая, Тихо ладить жилье. А чуть позже, под вечер, На великий Покров, Буду слушать у речки Белый шорох снегов.
--	---

* * *

Не всем легко о детстве вспоминать...
И у меня оно нелегким было.
В разгар страды моя больная мать
По целым дням домой не приходила.
Она была в колхозе звеньевой.
Ее звено трудилось за поселком.
И часто-часто колкою тропой
Я уходил к ней босым на прополку.
Пололи мы там зелень-коноплю,
Точнее, посконь дергали руками.
А отдыхали только на краю
За пройденными долгими рядами.
Звенела высь. Кружилась голова
От дымчато-прогорклой едкой пыли,
И от порезов посконью всегда
Так нестерпимо больно руки ныли...
С тех пор прошло немало дней и лет,
И я уже не чувствую той боли.
Но до сих пор хранят мои ладони,
Как и душа, поры военной след.

* * *

Ах, какие были яблоки!
И какой приятный хруст...
Не в саду, а в диких зарослях,
Брали первые – на вкус.
Ударяло кислым в голову,
Рот кривился до ушей.
Как же это было здорово –
Быть в ватаге малышей!
Возвращались поздно вечером,
Узкой тропкою пыли,
Босоногими, беспечными...
Голод был. И шла война.

* * *

Земля и кров – всему первооснова.
Душой мы с детства помним свой исток.
Я долго жил оторванным от дома,
С надеждою ступить на свой порог.
И вот я вижу в солнечном мерцании,
Среди еще не скошенных полей,
Село мое, как центр мироздания,
В зеленом окруженьи тополей.
И вот мой дом. Спешу в объятья мамы,
Но нет ее. Грустят о ней цветы.
И я стою с туманными глазами,
Вобрав в себя всю горечь пустоты.
Над томной грядкой легкий пар струится –
Дыхание вчерашнего дождя.
На тонкой ветке брюшко золотится
Невысохшего, сонного шмеля...
Не думал я, пока меня носило,
Что этот мир все время жил во мне,
Когда искал и находил чернила,
Чтоб рассказать об отчей стороне.

Людмила КОЗЛОВА

Аннотация к роману «Мга»: На просторах счастливой жизни российских граждан в далёкой провинции – такой далёкой, что впору назвать её какой-нибудь Альфой-Центаврой, на рубеже 20 и 21 веков и происходят удивительные приключения Ивана Ивановича, бывшего инженера-изобретателя, который, как колобок из русской сказки, и от «волка» ушёл, и от «лисы» убежал, но в конце концов обрёл своё капиталистическое счастье.

Отрывок из романа «Мга» (Часть 4-я – последняя)

Удачная рыбалка

Однажды в пасмурный денёк, начитавшись до одури экзотических газетных предложений об эфемерной работе, Иван Иванович вдруг по зову организма вспомнил о телескопической удочке, приютившейся в дальнем углу прихожей.

– А не пойти ли на рыбалку, дорогой друг Иван Иванович! – сказал сам себе наш герой, да тут же и ответил: – Отчего же не пойти! Ухи что-то хочется!

Отправился изобретатель на берег, где в прежние времена проводил выходные дни наедине с природой. Расположился на привычном месте. Закинул удочку и с азартом принялся ожидать добычи. Надежды оказались не напрасны! За два часа Иван Иванович поселил в своём зелёном рыбацком ведёрке трёх лещей, нескольких чебачков да пескариков. Уха из перспективной мечты стремительно превращалась в реальность.

Иван Иванович уже собирался отбыть домой, как вдруг из-за кустистых зарослей ивняка появился собрат в рыбацкой экипировке.

– Ну, как? Клюёт? – поинтересовался прихожанин.

– Нормально! Уха будет! – отозвался наш герой. – Слушай, брат, а ты, случайно, не работал в НИИ в лаборатории физхимии?

– Точно! А ты откуда знаешь? Постой-ка, кажется, твоё имя Иван Иванович?

– Ну, да! А ты Сергей Сергеевич?

– Вот так и встретились два одиночества! – рассмеялся Сергей Сергеевич. – Ну, рассказывай, где ты, как ты?

– Рассказывать особенно-то нечего. Безработный я.

– Да ты что! Так приходи к нам – как раз хозяин производство расширять собрался.

– Что за производство? – с опаской спросил изобретатель.

– Фирма «Окна, двери». Слышал?

– Как не слышать! Реклама по радио день и ночь идёт.

– Ну, так приходи! Рабочие руки нужны. Завтра и приходи – улица Митрофанова, офис 01. Это в районе бывшего кирпичного завода.

– Ну, брат! Тебя просто Бог послал! Я уж и забыл, что такое настоящая работа! Приду, конечно!

– Бог не бог, но чем чёрт не шутит – вдруг да понравится! Будешь спецом, оконных дел мастером!

* * *

Домой Иван Иванович не бежал, а летел. На крыльях надежды! Сварил уху, поужинал ароматным варевом и, улыбаясь, отбыл ко сну. До самого утра счастливому перспективному столяру-слесарю-монтажнику снились белоснежные окна и сказочной красоты двойные двери с никелированными фигурными ручками.

А к обеду следующего дня наш герой уже был зачислен в бригаду из трёх человек и на практике принялся осваивать технологию оконного и дверного дизайна.

Окно в Европу

Бригада при участии Ивана Ивановича ежедневно получала материал для исполнения заказов и два-три адреса, по которым проживали желающие осчастливить себя немецкими пластиковыми окнами и прочными противоугонными дверными коробками. Ну, конечно, друг мой, слово «противоугонные» – это арго. На самом деле, двери были повышенной прочности и снабжены хитроумным крепежом. Такую дверь не вынесешь ломиком вместе с косяками. Замки тоже не позволили бы всякому прохожему легко проникнуть в жилище.

Наш изобретатель самозабвенно и озабоченно трудился, вникая в мельчайшие детали на первый взгляд простого трудового процесса. Но на второй взгляд становилось ясно, что всякое дело имеет свои секреты. Довольно скоро Иван Иванович овладел тончайшими нюансами профессии и даже предложил новый способ крепления оконных блоков. Хозяин фирмы уже пообещал сообразительному и умелому работнику должность бригадира. «А там и до мастера недалеко», – обнадёжил бизнесмен.

Душа Ивана Ивановича пела! Тейтаро Судзуки как-то невольно ушёл на второй план, хотя изобретатель не забывал о любимом учителе. Кто знает, что там впереди! Ведь не однажды выручал бедствующего ученика великий дзен-буддист с проповедью вечной нирваны.

Наш герой теперь радовался сам по себе – без внутреннего принуждения к радости. И то – почему бы не радоваться, когда аккуратные белоснежные пакеты один за другим украшают фасады многоэтажек. А дверные коробки производства Германии делают жизнь людей безопасной и приятной. И всё это благодаря Ивану Ивановичу!

Однако со временем стал замечать изобретатель некий навязчивый аромат, навевающий странные ассоциации с отхожими местами, типа тлеющих свалок или фекальных рек, текущих в недрах канализации. Сгоряча, от радости, поначалу и внимания не обращал на сопутствующий фон. Но чем дольше работал Иван Иванович, тем более назойлив становился этот смердящий серный дух. И решил наш герой поинтересоваться источником этого благоухания.

– А что это так мерзко воняет каждый раз, когда мы подъезжаем к очередному заказчику? – спросил как-то Иван Иванович у одного из соратников.

– Тебе что, работа надоела? – не очень приветливо отозвался товарищ по работе.

– Отчего же? Работать я всегда готов! Но вот как-то странно всё это. Что за амбре такое? И, кажется, накрывает эта штука именно те районы, в которых мы работаем. Никак это происки конкурентов?

– Да ничего подобного! Это двигатель нашего бизнеса! Но я тебе ничего не говорил.

– Интересно! Как-то не могу себе представить такой двигатель, который бы серой питался? Разве что сатана?

– Ну, ты почти угадал! Никогда не задумывался о том, почему люди так резво бегут делать заказы на окна-двери?

– Так удобно же и красиво иметь такие окна! Опять же, наверное, зимой теплее.

– Красиво да ведь и накладно! Недешёвое удовольствие!

– Ну, да! И что ты хочешь сказать?

– А то, что если бы не это амбре, кто бы стал деньги на ветер выбрасывать! Чтобы отгородиться от ядовитой вони, люди идут на всё. Здоровье дороже. А ты – красиво да тепло! Не настолько тепло, чтобы выбрасывать такие деньги. Наш бизнес процветает только благодаря умному подходу к делу.

– Так ты хочешь сказать, кто-то специально создаёт подходящую атмосферу?

– А то!

– Но ведь это безобразия! Люди же болеют. А дети? Дети-то как в такой атмосфере живут?

– У тебя что, семеро по лавкам?

– Да нет у меня детей.

– Ну, так и молчи! А то и тебе дадут подышать чем-нибудь. И неизвестно, как оно тебе придётся.

– Однако! – только и сумел выдавить из себя Иван Иванович. А подумал и совсем непотребное.

* * *

Дома после рабочего дня крепко задумался наш герой. Думы его были просты, но довольно мрачны. Опять эта капиталистическая среда, до отказа набитая мошенниками, жаждущими прибыли (а тем паче, дармового дохода), поставила его перед выбором. Надо что-то решать. Либо продолжать работать в дверном людоедском бизнесе, либо вновь остаться без работы.

– Содом! Это называется именно так! – бормотал наш герой. – А мне в этом содоме жить! И детишкам тоже.

Оранжевый закат погас, день закончился. Но уснуть Ивану Ивановичу не удалось. Так и бродил до утра по квартире, так и вздыхал тихонько: «Содом. Содом повсюду!»

Стратегическое решение

Ночное шептание, похоже, помогло Ивану Ивановичу принять кардинальное решение. Шептал, шептал да и вышептал. Придумал наш изобретатель покинуть вонючий бизнес – уж если остановить не мыслится людоедский коток, так хотя бы отойти в сторону и не иметь к нему никакого отношения. Поймут люди, что происходит, как потом дальше жить!

О том, что этих бизнес-двигателей кто-то накажет, тут и думать нечего. Сделать это не удастся никому. Дело давно поставлено так, что имеющий денюжки легко может откупиться от любых обвинений. А тут ещё – попробуй, докажи. Мало ли, откуда химикаты? Может, самолёт пролетел,

да и выхлоп оставил. Был, и нет его! Иди туда, не знаю, куда. Найди то, не знаю, что.

Так что Ивану Ивановичу надеяться не на кого, только уйти тихо. Не уйти, отползти незаметно. Авось «Окна-двери» и не станут преследовать совестливого старателя. Но осведомлённость в некоторых делах, мой друг, вещь опасная. Знание может тебе дорого обойтись. Лучше бы придерживаться народной мудрости – меньше знаешь, крепче спишь. Да вот оплошал Иван Иванович со своим любопытством.

– Ну, бог не выдаст, свинья не съест, – решил наш герой да и принялся писать заявление об уходе.

Долго думал, какую же причину прописать в злополучной бумажке. Остановился на форс-мажорных обстоятельствах – дескать, тётя болеет, ухода требует. Работать больше возможности нет и не будет, так как тётя помирать не собирается, но и ходить не в силах. Лежит-де бедная старушка одна-одинёшенька. Без Ивана Ивановича ни за хлебом сходить, ни горшок ночной вынести.

Дескать, и рад бы всю оставшуюся жизнь окна-двери людям монтировать, да теперь уже никак невозможно. Тётя – родной человек, на произвол судьбы не бросишь. Так правдиво изобразил Иван Иванович эту несуществующую тётю, что сам прослезился, читая только что написанное заявление.

«Должно сработать! – думал наш герой. – Ну, не изверги же, в конце концов, эти «окна-двери».

«Ох, изверги, изверги, – шепнул тут вдруг некто из закорюченного переулка. – Да ты и сам, поди, знаешь».

– Мало что знаю, а верить в хорошее надо! – твёрдо стоял на своём Иван Иванович.

Да и то, друг мой, что ещё ему оставалось! Верить и надеяться!

– Так-так, – одобрил эту лучезарную мысль виртуальный мудрец Тейтаро Судзуки. – Молодец, Иван Иванович! Ты почти уже стал настоящим дзен-буддистом. Не горюй! Бог испытания даёт, значит, любит. Будда тоже многие ступени обучения проходил. И ничего – святым стал!

– Эх, друг Тейтаро! – с горечью воскликнул изобретатель. – Я бы рад любые испытания пережить, если бы они меня одного касались. Люблю я дзен! Но вот детишки, они-то тут при чём? Они от таких испытаний, пожалуй, и того...

Но промолчал мудрый Тейтаро. Не дал ответа. Да и нет, скорее всего, ответа на этот вопрос.

Светлые очи хозяина

Пред светлые очи хозяина явился Иван Иванович, готовый стоять до конца, не отступать от задуманного. Понимал: лёгкой победы ждать не приходится.

– Вот, – протянул изобретатель свежееиспечённый листочек с заявлением.

– Что это? – грозно рыкнул хозяин.

– Заявление об уходе.

– Ну-ка, ну-ка, что это ты там сочинил?

– Тётя у меня...

– У всех тётя.

– Так болеет моя...

– И что?

– Так я её люблю.
– Ну, ты извращенец!
– Я не в том смысле.
– В каком ещё смысле? Какой может быть смысл!
– Помогать ей надо.
– Ну, так это недолго. Помоги!
– Да нет! Не в этом смысле...
– Опять какой-то смысл! Слушай, осмысленный ты мой, говори, что задумал? Решил наши коммерческие секреты продать конкурентам?
– Боже упаси! Да и какие секреты?
– Ну, ты дуру-то не гони! Обучили тебя всему, а теперь, значит, побежал на большие деньги? Кто тебя переманил?
– Клянусь тётей, никто!
– Тётей он клянётся. А я дядей клянусь, что жизнь – копейка. Понимаешь, не мёд, а всего лишь копейка!
– Да оно так! Но тётя...
– Ладно, чёрт с тобой! Отработаешь две недели и вали к тёте!
Хозяин резко начертал что-то на бумажке, кинул её Ивану Ивановичу и сделал недвусмысленный жест – мол, пошёл вон!

Изобретатель отнёс заявление с царской резолюцией бухгалтеру и отправился отбывать срок. Так и хочется, дорогой друг, сказать – пошёл, дескать, Иван Иванович срок тянуть. Оно ведь так и есть. Когда уйти хочется, а тебя пригвождают к оконной раме с дверной коробкой, это уже тот самый срок и есть.

Как-то разом почувствовал Иван Иванович враждебность оставшейся за стеной фирмы, где в своих кабинетах сидели оцетинившийся хозяин и шипящая, как змея, бухгалтер Крыся Ферапонтовна, которая заставляла всех называть её Марысей. Да и коллеги, оконных дел мастера, поглядывали осуждающе, хотя и сочувствующе тоже: дескать, дурак ты, брат. Счастья своего не понимаешь.

И стал Иван Иванович замечать с этих пор, что как только вечер опустится на грешную землю (говоря высоким слогом), так начинает в его квартире вонять – то сероводородом, то крематорием. Да так воняет, что и проветривание не помогает.

«Вот это и есть – жизнь копейка, – горестно думал изобретатель. – Бывшие оконные коллеги теперь не отстанут, пока не отправят меня к тётке... Уж, наверное, у них не только свалки горящие в ходу, но и баллончики какие-нибудь газовые. Вот это называется поработал!».

Вот так и стал жить-поживать наш герой – без работы и в не располагающей к жизни атмосфере. Лишь незабвенный Тейтаро Судзуки и помогал как-то выжить. Верить ли, друг мой, бывшие коллеги продолжали травить бедного Ивана Ивановича до тех пор, пока фирма не разорилась – конкуренты таки руку приложили!

Тут уже и совсем праздник наступил. А как же – пусть и без работы, без денег, с пошатнувшимся здоровьем, но живой! Значит, празднуй победу в борьбе с исчадиями ада. Они его измором взять хотели, да вот их и самих выморили. Жизнь, конечно, копейка, но и справедливость иногда случается в этой самой копеечной жизни.

Правда, вот со здоровьем у Ивана Ивановича совсем худо – лечиться не на что да и некогда. Запасы, заработанные вонючими окнами, давно закончились. Остатки муки, крупы и макарон съедены. А новой работы нет и, похоже, не будет уже.

Тейтаро Судзуки один пока ободряюще посматривал на Ивана Ивановича с обложки любимой книги. Все прочие оптимистические причины для оправдания жизни давно закончились.

Осталась ещё рыбалка, которая, худо-бедно, служила подспорьем голодающему изобретателю. И вот наступил-таки однажды момент, когда наш герой, вспомнив, как решительно и повсеместно подростки уходят в мир иной от неразрешимой благодати жизни, принялся думать в том же направлении.

– Эх, друг, Иван Иванович, – вклинился тут Тейтаро Судзуки. – Ты это брось! Знаешь ведь: сегодня горе – а завтра праздник. Надо до завтра дотерпеть!

– Хорошо, – согласился изобретатель. – До завтра дотерплю. А уж послезавтра...

– Вот-вот! Там видно будет!

Ловись, рыбка, большая и маленькая!

С утра пораньше отправился Иван Иванович на рыбалку. Однако лето давно уже закончилось. Да и осень почти прошла. Неуютно на берегу. Клюёт плохо, редко. Но если глупая рыба не попадётся на крючок, то и обеда у Ивана Ивановича не будет. Про ужин уж и говорить нечего!

Сидит изобретатель над рекой, дрожит и думает: «Обманул друг Тейтаро. Нет праздника, да и не будет теперь уже никогда».

Тут из-за кустов вдруг вываливается всё тот же Сергей Сергеевич – рыбачья душа.

– Что, – говорит, – окна-двери не понравились, пахнут плохо. На берегу-то оно лучше? Воздух свежий, а?

– Ну, да, – смущённо пробормотал Иван Иванович.

– Воздухом сыт не будешь.

– В «Окна-двери» больше не пойду! – твёрдо сообщил изобретатель.

– Да я и не приглашаю. Фирма приказала долго жить. Я теперь в другом месте работаю. Хочешь, присоединяйся.

– И что это? – с опаской спросил Иван Иванович.

– В киоске будешь мелочёвкой торговать.

– Киоск твой?

– Да куда там! Один кент с юга приехал. Его киоск.

– И что за мелочёвка?

– Да там гирлянды цветочные, цветы в корзинках пластмассовые для украшения интерьера.

– И всё?

– Ну, да. Заработок – процент от продаж.

– И как?

– Не густо, но на хлеб хватает. Ты вон, смотрю, совсем плохой, кожа да кости. А тут всё же – хлеб. Иногда и на молоко остаётся. Ну, что?

Помялся, помялся бедный изобретатель, к тому времени окончательно заледеневший на ветру, да и согласился. Хотя предыдущее предложение знакомого и бывшего коллеги Сергея Сергеевича не принесло долгожданного благополучия, но раз на раз не приходится. В одно и то же место два раза бомба не падает. Так подумал Иван Иванович, смаывая удочку.

Продавец гирлянд

На следующий день наш изобретатель уже бодро осваивал торговый процесс. На первый взгляд, ничего сложного не обнаружил. Всё просто и даже примитивно. Принял товар по списку, записал то, что продал, сдал остатки товара опять же по записям. Получил заработанный за день процент – и свободен!

То, что выдача заработка полагалась в конце каждого дня, очень понравилось Ивану Ивановичу, потому что вечером он уже смог купить себе и хлеба, и молока, и даже колбасы кусок.

Работа, казалось бы, не требующая размышлений, давала богатую пищу для ума. Торговый киоск на базаре, что экран телевизора: сколько за день людей пройдёт мимо, какие типажи попадаются – просто песня! Иван Иванович – любитель физиогномики – был ошеломлён:

– Кино, просто кино! Хоть сейчас садись писать роман под названием «Люди или...»

Однако писать роман пока не представлялось возможным. Торговля шла довольно бойко. Многие с интересом поглядывали на новый товар – до приезда южной экзотики, в виде гирлянд цветущих лиан, белоснежных лотосов, корзинок ромашек и васильков, пластмассовых пальмовых деревьев и прочих украшалок для квартир, в городе не водилось подобного товара.

Особенно надолго возле киоска задерживались женщины. Какой бы ни была хозяйкой в доме женщина, но устоять перед красивыми предметами интерьера трудно – очень уж изделия из необычной импортной пластмассы похожи на натуральные, природные. Букет васильков в жёлтой плетёной корзинке, казалось, только что прибыл с поля, где на краю пшеничных просторов ютились эти синеглазые цветы. Неувядающие ромашки, сияя белизной и солнечными серединками, хотели поселиться в руках каждого, кто бросал на них заинтересованный взгляд.

Через неделю Иван Иванович отъехал, стал спокоен и философичен, а также и терпим ко всякого рода вывертам жизни. Даже несколько расслабился в отношении женского пола, к которому обычно относился с большой осторожностью, ведь главными потребителями эксклюзивного товара как раз выступали любительницы прекрасного.

– Чего уж тут! – добродушно рассуждал наш герой. – Пусть себе вьются у киоска, пчёлки мои! Им же надо улей свой украсить!

И так ему понравилось это своё новое состояние, что ко всем милым дамам он теперь обращался исключительно сказочным образом:

– Что бы тебе предложить хорошего, пчёлка моя? – спрашивал он у очередной покупательницы.

И заметил, что вот это доверительное «ты» очень помогает увеличить доход. Как-то так дамы, все без исключения, расцветали, когда слышали вот такую замечательную домашнюю речь.

«Вот, – думал изобретатель. – Скоро я стану хорошим психологом. Тоже пригодится! Мало ли что!».

И ведь как в воду глядел! Вот они, эти черти из закорюченного переулочка, из дальнего уголка замученного жизнью сознания, всегда подбросят что-нибудь непотребное.

«Мало ли что!» – только подумал Иван Иванович, а оно уже тут как тут! Вот так, друг мой, мысль имеет свойство материализовываться!

Катастрофа

Закончился месяц вполне успешной торговли, как считал наш герой. Впервые за это время пред очи Ивана Ивановича явился хозяин.

– Вот, привёл контролёра, – сказал круглый, вальяжный гость. – Ревизия будет.

– Пожалуйста, – спокойно отозвался изобретатель.

Он был уверен, что в его киоске всё в полном порядке – комар носа не подточит. Однако некое неприятное чувство откуда-то сбоку коварно вгрызлось в мозг. Получалось, что ему не верят. А ведь Иван Иванович как раз и страдал всегда из-за своей подружки – назойливой и настойчивой совести.

– Надо так надо! – пригласил он контролёра в киоск, а на фасад вывесил табличку «Перерыв».

Хозяин быстро куда-то ретировался. Контролёр же принялся ревизовать, перечитывать и пересчитывать всё и вся – накладные, записи Ивана Ивановича, гирлянды и пальмы, ромашки и васильки. Шорох стоял в киоске, бормотание смутное – атмосфера как-то сама собою сгущалась и становилась грозовой. Иван Иванович чувствовал это по недовольно выгнутой, словно у выпуганной кошки, спине контролёра.

Уверенное спокойствие изобретателя постепенно переросло в противную серую тревогу.

«И что роет! Там и рыть-то нечего!» – думал наш герой, с досадой и неприязнью поглядывая на суету контролирующей особы.

Наконец, аудитор распрямился и строго посмотрел прямо в глаза Ивану Ивановичу.

– Ну, что? Сознаваться будем?

– В чём? – поразился изобретатель.

– А то мы не знаем! – лучезарно улыбнулся ревизор.

– Конечно, не знаю!

– Недостача у тебя, дорогой мой!

– Какая недостача?! – воскликнул Иван Иванович, хватаясь за косяк, чтобы не упасть.

– Так, должен ты, друг сердечный, пятьдесят тысяч хозяину.

– Не может быть! – только и выдохнул бедный торговец гирляндами.

– Не может, но есть! Именно пятьдесят! Смотри сам, я всё записал.

– Что? Что ты мог записать? Если я каждый день сам записывал всё до последней копейки!

– Копеечки на месте, а товара нет – ровно на пятьдесят тысяч!

– Какого товара? Всё же учтено, всё посчитано было!

– А вот тут в накладной написано, что дополнительно поставлена для продажи в твой киоск композиция из натурального рубина, стоимостью в пятьдесят тысяч рубликов.

– Где? Где написано?

– Так смотри лучше. Вот – мелким шрифтом на обороте накладной.

– Не было никакого рубина, одна пластмасса приходила.

– Ну, если бы я проторговался, тоже так сказал бы, – доверительно улыбнулся ревизор.

По этой вышколенной улыбке Иван Иванович понял – его подставили ловко и просто. Доказать ничего не удастся. Свидетелей нет и не будет, а накладная есть. Поставщик товара каждый раз присылал новых грузчиков – всё парнишки молодые. Подмахнул накладную, и след простыл.

Кто это был, куда улетучился, где его искать? Ни имени, ни фамилии, ни места жительства.

Сел Иван Иванович на свой стульчик в киоске, пригорюнился.

– Где я возьму такую сумму? Никогда и в руках не держал столько! Что теперь будет?

И мерещилась уже нашему изобретателю тюрьма с решётчатыми окнами. Но тут вдруг, откуда ни возьмись, вновь явился хозяин.

– Ну что – платить будем или отрабатывать?

– Как же отрабатывать, если непонятно откуда растраты появляются? Поработаю ещё, уж тогда и вовсе худо будет – на всю жизнь должен останусь.

– Ну, не всё так плохо. Вот поторгуешь дополнительным товаром – дорогим, быстро и рассчитаешься.

– Каким товаром?

– Да товар простой, много места не займёт. Вот порошочек такой, в бумажки упакованный. Будешь продавать тем, кто спросит. И все дела!

Пот прошиб бедного изобретателя – понял, что наторговать можно будет лет на десять. Однако вида не подал:

– Подумаю, – сказал.

– Ладно, думай до завтра, – согласился хозяин.

Куда уехал цирк?

Бежал домой Иван Иванович, на ходу бормотал горестно: «Вот это называется поработал!» В милицию идти бесполезно – видел однажды, как хозяин с ментами за ручку здоровался. Тут всё схвачено!

– В бега уходить придётся, – решил изобретатель. – Поеду немедля к однокласснице в деревню. Авось не выгонит. Там и схоронюсь. Помогу за скотиной ходить, а весна придёт – огородом займусь.

О том, что от женского пола подальше держаться надо, и не вспомнил, бедолага. Здесь следует отметить, дорогой друг, что Тейтаро Судзуки не остался в стороне от этой душераздирающей трагедии, а полностью одобрил действия Ивана Ивановича. Дескать, правильно решил – так держать! Оно и мудро! Деревня, она всегда спасала – приютить там, подкормить, душу поправить и прочее... Куда ещё податься бедному гражданину от притеснений и нищеты!

Сдал наш торговец свою квартиру первому попавшемуся студенту за символическую плату да и покинул родные стены. Так что изобретателя сегодня нашли мы уже за городом – на пути к природе. Стоял Иван Иванович на перекрёстке (так и хочется сказать – на перекрёстке жизни!), ловил попутку. На автобусе побоялся отправляться – у кента всё схвачено, мигом сообщат, «куда уехал цирк». Тут надо тихо действовать, незаметно, следов не оставлять. А вот и попутка – КамАЗ остановился на призывный жест.

Уселся Иван Иванович на сиденье рядом с водителем и наконец вздохнул облегчённо – кажется, всё получилось! И так хорошо стало, так разморило в мягком кресле, что постепенно задремал он, привалился к спинке сиденья плотнее да и уснул совсем. По обыкновению, как и всякий раз на крутых поворотах жизни, приснился изобретателю странный сон.

Видит Иван Иванович себя. Как будто идёт он полем-лугом. Вокруг цветочки, мотылёчки, солнце светит, птички поют. Хорош летний денёк! Но вот впереди ждёт его подъём на крутую гору. Подходит ближе и видит – трава на взгорье низкая, ухватиться не за что, скользко будет

подниматься. Но делать нечего – надо! И стал Иван Иванович одолевать подъём. Вдруг заметил, чуть выше стройными рядами движутся в гору змеи – великое множество! Видно, что, скорее всего, ужи. Но всё равно противно смотреть, как они извиваются, пытаются опередить друг друга.

«Это мне придётся через них переступить!» – подумал Иван Иванович.

И действительно, крупными шагами стал обгонять змеиное воинство. А потом и позади оставил. Вот уже и вершина рядом! Немного поднатужиться надо, и преодолет он этот крутяк. Но сил уже не хватает, а змеиное войско догоняет.

«Не скатиться ли мне обратно?» – подумал изобретатель.

Но чувство омерзения заставило его ухватиться за кустарник на вершине, упереться изо всех сил и выбраться наверх. Оглянулся назад, а змеи застряли на подходе к вершине да и забуксовали – не могут никак преодолеть уклон. Тут вмешался мудрец Тейтаро – дескать, молодец, Иван Иванович! Умеешь, когда захочешь!

Проснулся наш герой в хорошем настроении. Оказалось, пока сон смотрел, старательный КамАЗ большую часть пути уже и отмахал. Вот она, деревня-то, как на ладони. Километра три осталось. Возликовало сердце Ивана Ивановича – благодать кругом! Горы синие – грядой, небо высокое – жемчужное. Скоро в гостях у одноклассницы Варьки за столом сидеть будет. В этом не сомневался – знал Варьку с детства. Доброй души человек, хозяйка хорошая, а уж гостеприимная – слов нет!

Так и вышло, дорогой друг! Варька, рада не рада была, – встретила Ивана Ивановича как долгожданного родственника. Вошёл в избу, а там тепло, уютно, пирогами пахнет. На печи кот рыжий толстый сидит, на гостя вопросительно смотрит – дескать, кто ты такой, не пора ли мне убежать?

Погладил Иван Иванович кота по широкой спине. Тот выгнул её дугой, на гостя одобрительно глянул, да и разлёгся на теплом месте вольготно и беззаботно.

– Хорош у тебя котяра! – сказал изобретатель.

– О, это первый друг! Мы с ним все вечера коротаем! Разговариваем, беседы ведём. Сын в городе живёт. А мы тут – с котом. Кстати, Васькой зовут.

– Ну, вот, будем знакомы, – подмигнул Иван Иванович рыжему баловню.

Тот даже ухом не повёл.

– Рассказывай, Ванюшка, как житьё-бытьё? Вот, пирожки с капусткой кушай и рассказывай, – уселась напротив гостя Варька.

И поведал Иван Иванович давней подружке-однокласснице леденящую историю жизни своей городской. Всё без утайки! Варька только охать успевала. Смотрела жалостливо. Потом сказала:

– Живи тут, никуда не высывайся. Сын у меня молодой да шустрый, но и то спасается только тем, что в охране толстосума одного работает. Оружие при нём. Вот поэтому лишней какой-нибудь обдирала и не пристанет! А ты! Знаю я тебя! Разве твоё сейчас время! У тебя же мозги направлены всегда в науку были. А сейчас какая наука! Мародёры сплошные кругом. Здесь и то жизни нет, а в городе – и вовсе!

Благодарный Иван Иванович после сытного ужина отправился на скотный двор, накидал сена Бурёнке и тёлочке Пёструшке. Воды натаскал в дом, дров две охапки. Варька печь затопила на ночь. Умаявшись, уснул изобретатель на печи рядом с котом Васькой, как у мамы за пазухой.

Новое – хорошо забытое старое

И стали жить-поживать Иван Иванович и Варька в мире и согласии. С утра переделает новый жилец все дела по хозяйству да и усаживается читать журналы «Наука и техника», коих в кладовке у Варьки было великое множество – сыну выписывала, пока в школе учился. А для технаря такая библиотека – лучше всякого Интернета. Вот и принялся Иван Иванович привычным делом заниматься – читать, информацию извлекать, обрабатывать в мозговом компьютере и новые идеи рождать.

Россыпи интереснейших вещей обнаружил изобретатель в старых журналах. Однако остановился на одной неприметной статье, опубликованной мелким шрифтом в примечаниях. Варька оторвать не могла его от найденной жемчужины – и спал, и ел, не выпуская из рук журнала.

– Что ты там выискал? Можно подумать, рецепт вечной молодости.

– Ты почти угадала, – обрадовал её Иван Иванович. – Это просто бомба! находка для любого бизнесмена! Понимаешь, я нашёл статью о голубой глине.

– Так всем известно – она лечебная.

– Известно-то известно, но используют её либо для примочек-компрессов, либо внутрь. И то и другое – не самый лучший способ. Не каждый решится землю есть, то есть глину, или на рану её накладывать. Ванны из глины – это уж и вовсе экзотика – только для санаториев и годится.

– И что?

– А то, что придумать надо такой способ, чтобы действие глины было незаметным и постоянным – удобным, значит. Но глина должна быть необожжённой, например, отшлифованный браслет или медальон. А может быть, ожерелье.

– А что, такого способа нет?

– В том-то и дело, что для браслетов или бус используют только необожжённую глину. А после обжига она уже не отдаёт микроэлементы.

– И много их, этих микроэлементов?

– Да вся таблица Менделеева.

– Ого!

– А самый главный элемент – радий. Радиоактивный, но в малых количествах, как в глине, очень полезен человеку.

– Неужели так трудно придумать этот способ – из необожжённой глины бусы изготовить?

– Если бы просто было, так давно уже придумали бы. Здесь никакие склеивающие материалы не подойдут – все они вредны для здоровья. А без них глина после сушки легко рассыпается, обработке не поддаётся. Слышала такое выражение – колосс на глиняных ногах?

– Как не слышать! Скульптура, кажется, такая была – гигант на глиняных ногах. Камешек с горы скатился, ударил колосса по ногам, он и рухнул. Школьный курс древней истории.

– Точно так. А нам надо, чтобы из глины без обжига можно было бусы выточить и отшлифовать. У вас тут глина голубая, кембрийская, самая ценная. Заводик можно было бы открыть – бусы, браслеты, медальоны делать.

И что ты, друг мой, думаешь? Именно изобретением способа производства бус из необожжённой глины и занялся наш изобретатель. Его хлебом не корми – дай поизобретать что-нибудь. По обыкновению Иван Иванович даже и не думал о том, кто и как заводик построит. Для него это

было делом не первой важности. Азарт изобретателя, как всегда, толкал его. И знал, знал наш герой, что теперь и спать не сможет, пока не придумает, как решить эту глиняную задачу.

Варька не мешала однокласснику. Понимала – теперь его не остановить. Так что, друг мой, сообщаю: принялся Иван Иванович образцы глины в дом таскать, пробовать разные добавки, чтобы из рассыпчатой глины изготовить прочный материал, полезный для здоровья. Стол обеденный превратился в лабораторный. Десятки образцов уже стояли рядами, высыхая постепенно до нужной кондиции.

День и ночь колдовал наш герой. Высохшие заготовки пробовал на прочность – вручную пытался из них медальоны и бусы вытачивать и шлифовать. В ход пошли и тесто, и мука, и молоко, и закваска пивная, и белок куриного яйца. И порошки из трав – их у Варьки засушено было много, везде по углам рассованы пучками. В первую очередь пробовал Иван Иванович именно органические материалы, родственные живым тканям. Хотелось ему создать состав такой, чтобы бусы тёплыми были, как янтарь, например.

Всю зиму не отрывался изобретатель от работы. А к весне показал Варьке ниточку бус – голубовато-зелёные пирамидки, с округлёнными гранями, отшлифованные вручную.

– Вот, Варька, давай испытание начнём. Надевай бусы и носи, не снимая, с месяц. Потом расскажешь о своих ощущениях. А я вот медальон носить буду.

– Ну, Ваня, ты и молодец! – просияла Варька. – Теперь инвестора надо искать.

– Рано ещё. Сначала испытать надо. А вдруг никакого действия не обнаружится.

– Ну, это правильно! Проверить, конечно, надо.

– Вот я и говорю. Сегодня – первый день эксперимента. Так я и записываю в рабочий дневник.

Иван Иванович, как истинный профи, каждое своё действие фиксировал, описывал подробно, выводы делал, результаты обсуждал. Сам с собой обсуждал, конечно, но непременно делал это в письменном виде. Иногда, правда, Варька что-то подсказывала. К весне рабочий дневник нашего изобретателя уже был похож на рукопись объёмного романа. Да это и был роман – о мечте выброшенного из жизни умного, образованного и талантливого гражданина, которому не нашлось места в рыночной меркантильной суете.

Варька, как истинная женщина-селянка, ясен пень, выведала у Ивана Ивановича секрет изготовления бус. Главный компонент изобретатель указал любопытной однокласснице, но сообщил также, что есть и ноу-хау – мелочь, без которой бусы ни за что не получатся.

Так что ноу-хау на этот раз так и осталось секретом, не потому, что Иван Иванович Варьке не доверял, а потому, что мир – хищник недремлющий. Вот и сейчас у нашего героя что-то свербило внутри – предощущение какое-то. Дурное, конечно. Отмахнулся от этой мистики Иван Иванович, но осторожности не потерял.

Птица Удачи

Прошли, пролетели, прошуршали, как серые мышки, две недели. И вот, проснувшись утром, Иван Иванович, по обыкновению, отправился

сена задать Бурёнке да Пеструшке, накормить кур да поросю. Управившись с привычными делами, накачал два ведра воды из колонки да и понёс в дом. Открыл дверь и чуть не споткнулся о порог – перед ним стояла Варька. Её глаза, синее синего, полыхали из-под ресниц, просто светилась Варька:

– Смотри, Ваня, у меня прядка седая исчезла.

– А разве она была? Не замечал. Тебе же всего-то...

– До старости далеко, но седина была. А теперь нет.

– Так-так, – раздумчиво сказал изобретатель. – Как считаешь, это бусы?

– Даже и думать нечего – они! И морщинки у глаз разгладились. Да ты на себя, на себя посмотри!

Иван Иванович кинулся к зеркалу.

– Ну, так ты ничего не увидишь. Вот второе зеркало – смотри.

– Да, Варька, ты права! Моя седина тоже исчезла – волосы как в семнадцать лет.

– А я о чём говорю! Время вспять пошло.

– Это не время, это клетки восстанавливаться начали. Значит, ноу-хау моё работает!

– Ну, что? Теперь будем инвесторов искать?

– Погоди немного, пусть ещё две недели пройдут. Тогда эффект будет заметнее. Нам же надо действие бус описать подробно. Хотя бижутерия – это не лекарство, тут документы проще оформить.

Варька крутилась перед зеркалом, разглядывая себя.

– Ваня, тебе цены нет! – бормотала барышня-крестьянка.

– Да ладно! – скромно отмахивался Иван Иванович.

Он-то понимал, что путь от изобретения до товара долог и хитромудр. А уж до прибыли – и тем паче. Однако радость удачи всё равно не оставляла его – труд был не напрасен, а это главное!

* * *

Через две недели стало ясно – ноу-хау не только работает на оздоровление и омоложение, но и новые способности открывает в человеке. Варька вдруг стала стихи писать, чего раньше никогда делать не помышляла. Иван Иванович научился сам собой английские тексты в учебнике читать, хотя в школе когда-то обучен был лишь с немецкого переводы делать со словарём.

Подъём духа у обоих достиг небывалых высот – настроение только хорошее! Казалось, вся жизнь впереди – точно как в семнадцать лет. Варька больше ждать не хотела, решила инвесторов искать:

– Всё, Ваня, пошла я к местному богатею Тимофею Хватову, предлагать твоё изобретение. Ему заводик открыть, что чихнуть. А уж о доходах твоих, думаю, договоритесь.

Ивану Ивановичу хоть и не хотелось расставаться с новым изобретением (у него всегда возникало вот такое нежелание), но куда ж деваться! Ведь затем и бусы придумал, чтобы они к людям пошли.

Понимал наш герой – как только Варька обнародует бусы, так суета нагрянет. Очень этого не хотелось Ивану Ивановичу. Однако жизнь есть жизнь.

Привет от кента

Ушла Варька к местному капиталисту. Иван Иванович, пригорюнившись, остался сидеть за столом. Подпёр ладошкой умную головушку и загоревал. Ничего с этим поделать не мог.

Варька прибежала радостная – Тимофей, дескать, согласился на сотрудничество.

– Ладно, – сказал Иван Иванович. – Завтра пойду договариваться.

Время между тем уже подкатило своё солнечное колесо к весне. Грянул март – на улице благодать. Птицы щебетали, радовались, ветерок тёплый с юга прилетел. Выглянул в окно Иван Иванович, а там напротив Варькиного дома на дороге мужик стоит. Так-то бы и внимания не обратил наш герой, но уж очень мужик приметен оказался. Штаны на нём ярко-красные, а куртка – цветастая розовая, бабья какая-то.

«Каких только чудиков чёрт не подбросит!» – подумал Иван Иванович.

И тут же смутная тревога вползла в душу.

«Откуда такой в деревне взялся? Не видывал его ни разу».

А мужик рукой помахал, вроде как зовёт выйти.

– Не ходи! – шепнул умник из закорюченного переулка. – Нечего чертям потакать!

Иван Иванович с умником согласился, однако за ворота вышел.

– Привет! – сказал розовый. – Привет от кента. Говорит, должен ты ему. Говорит, есть у тебя то, чем рассчитаться можно.

– Денег как не было, так и нет, – ответил изобретатель.

– Не всё то блестит, что деньги, – ухмыльнулся розовый. – Ты изобретение отдай, вот и в расчёте будешь.

– А если не отдам?

– Ну, вольному воля. Я сказал, ты услышал. А дальше, как знаешь.

Розовый снова рукой помахал, типа, честь отдал, и отправился восвояси вдоль по улочке. Иван Иванович же в глубоком раздумье в дом вернулся.

– Это с кем ты разговаривал? – спросила Варька.

– Вот, понимаешь, я так и знал – не дадут на себя работать. А на дядю, тем более на жулика кента, никаких изобретений не напасёшься. У них аппетиты не меряны, мощна бездонная. Это, Варька, был посланец с того света.

Варька только охнула.

– Что теперь делать-то?

– Что-что? Уходить придётся и отсюда.

– Ваня, прости. Это всё я виновата! Не ходила бы к Тимофею, никто ничего и не знал бы.

– Что ты, Варька! Они всё равно бы меня нашли. Может, и с самого начала знали, где я. Ждали только момента, когда им выгодно будет объявиться. Вот и дождались.

– Куда же ты подашься без денег-то?

– А подамся я, Варька, в горы. Потом через границу в Китай... Другого пути нет – только пешком по диким местам, иначе хвост будет.

– Ванечка, я с тобой!

– Что ты, Варька! Сейчас никак нельзя – только намыкаешься со мной. Вот устроюсь в Китае, вызову тебя. Приедешь?

– Я бы и сейчас с тобой пошла.

– Ты, Варька, можешь этим посланцам всё рассказать про глину. Всё равно без меня они бусы сделать не смогут. Пусть пробуют. Флаг им в

руки! А ты им скажи, вроде вот так и так делать надо. А если ещё что-то, то уж не обессудьте – значит, изобретатель секрет с собой унёс. Поверят. Они женщин за умных не держат. Так что с тебя и взятки гладки. Что знала, мол, то всё без утайки выложила. А чего не знаю, того придумать уж никак невозможно.

– Ваня, будь осторожен. Я сейчас соберу продукты и вещи в дорогу. Вот как раз бульонные кубики, их можно раскрошить, на язык класть по кусочку. В них и белок, и соль, и витамины. Вот сухарики, лапша китайская – её можно в холодной воде размочить. Сала солёного кусок. Две булки хлеба, яйца, пироги. Как-то можно продержаться. Где-то, может, пастухов встретишь или охотников. Расскажешь, почему в дорогу отправился. Помогут. Они люди хорошие.

Вот таким неприглядным ликом, дорогой друг, обернулось новое изобретение для умного и безобидного Ивана Ивановича. Да и то сказать, знал ведь, где живёт! Знал – высовываться нельзя. Никак нельзя! Но натура – природа, то есть страшнее доброго советчика. Никуда её не спрячешь, натуру свою. Что Бог дал, с тем и жить пришлось!

Припомнился тут Ивану Ивановичу и сон вещей, где его змеи догнали, а он перешагивал через них и в гору взбирался. Теперь сон почти точно претворился в жизнь. Отрадно было лишь то, что во сне удалось Ивану Ивановичу выбраться на вершину, а рептилии остались внизу. Одна надежда на счастливый пророческий сценарий и грела душу бедного изобретателя.

Табын-Богдо-Ула. Мга

Пужинал наш герой в последний раз с Варькой за любимым столом, прослушал свежие новости. Как всегда, не обрадовали деловитые радиоведущие. Наоборот, их вечерний рассказ о том, как в Туве двое пацанов взяли дома ружьё, открыли охоту на людей да и убили водителя автобуса, чтобы порулить, как-то совсем настроение испортил. Однако ждать улучшения новостей и настроения уже было некогда. Простился Иван Иванович с Варькой, кинул рюкзак на спину да и отправился в дальний путь.

Все эти события, если взглянуть на них со стороны, могли бы показаться полнейшей фантазмагорией. Но это со стороны. А изнутри жизни нашей, согласись, друг мой, выглядит судьба Ивана Ивановича чем-то обыкновенным, привычным. Погоняет она, эта жизнь-копейка, каждого, и не куда-нибудь, а куда подальше: кого – на кладбище, кого – в Китай, кого – на паперть милостыню просить. И никто – ни чиновники, ни полиция, ни суд – не защитит бедного человека. Так что не удивишь нас бессмысленными поворотами сюжета. Видали мы сюжеты и пострашнее!

Оглянулся изобретатель несколько раз, помахал Варьке рукой. Она всё так и стояла на высоком крыльце, всё смотрела вслед Ивану Ивановичу. Потом на цыпочки поднялась, но фигуру уходящего всё дальше друга постепенно размывала сизая дымка – не то от горных пожаров, не то от пыльных кулундинских ветров. Так и съела эта мга очертания ходока.

Пригорюнилась Варька. А как ты хотел, друг мой! Был в доме хороший человек, и вот нет его! И ничем пустоту, мигом образовавшуюся, не заполнить. Незаменим хороший человек!

Но знают об этом только такие же хорошие люди. Плохие всегда уверены – незаменимых нет. Дескать, ушёл один, придёт другой. А вот и не

так! Ушёл Иван Иванович, а другого такого уже не будет никогда! Потому и пригорюнилась Варька.

* * *

А Иван Иванович отмахивал в это время уже не первый километр своего неведомого пути. Курс держал на юг, где сходились друг с другом горные хребты Южный Алтай, Монгольский Алтай и Сайлюгем. Там находился горный узел Табын-Богдо-Ула.

Там проходила граница с Китаем, на которой пока не были выставлены пограничные посты с пропускными пунктами. Считалось, что в таких труднодоступных местах никто не ходит.

А вот жизнь-копейка отправила нашего героя именно туда. Надеялся Иван Иванович затеряться в горах, а где-нибудь в Урумчи, на китайской стороне, как-нибудь легализоваться.

Шёл изобретатель, отмахивая вёрсты, вспоминал жизнь свою неказистую, в которой не пригодился никому, кроме Варьки. Где-то на прилавках аптек остались россыпи фигуристых флакончиков с его изобретением «Духи сексуального маньяка». Остались кучи денежных знаков, которые отобрала у него красавица Дарья – фармацевт, акула и поэтесса.

Осталась квартира, в которой прижился студент. А где-то, уж и совсем далеко, продолжала гениальный бизнес-сатанизм гражданка Сергина Сергеевна. А в параллельном пространстве всё ещё жили сетевые маркетологи, мерчендайзеры и дистрибьютеры.

Но не было сожаления в душе Ивана Ивановича. Наоборот – светила там подобная «Зелёной лампе» надежда. А следом за ним смыкала свои объятия призрачная мгла, отделяя прежнее бессмысленное существование от сияющих впереди вершин Табын-Богдо-Ула.

ЭПИЛОГ

Вот так и затерялся след изобретателя Ивана Ивановича на этой грешной земле. Но спустя несколько лет прошёл слух, дескать, объявился в Китае новый магнат русского происхождения Ван-Ван-Ыч.

Говорили так – открыл этот магнат завод лечебной бижутерии. А при заводе – академию имени Тейтаро Судзуки.

А Варька уехала. Куда уехала, не скажу, друг мой. Но, кажется, догадываюсь.

Павел ЯВЕЦКИЙ

Рейс 3386

Я выпал из вихря – три взлётопосадки!
Как демон полночный носил меня Ту,
Крыла заноса плавниками касатки,
Пока не затих на бетонке в порту.
Подъехала лестница в инее белом –
Ступенька земли и гремящих высот...
Почувствовав землю душою и телом,
На выходе тронул тебя, самолёт.
Рукою провёл по заклёпкам округлым,
Так жалкует пахарь коня в борозде...
Мигнул стюардессе, не девушке – кукле,
За сервис – на должной он был высоте!
Терзая в буфете «подошвенный» шницель,
Морщины раздумий собирая на лбу,
Смотрел, как осунулись бледные лица
Людей, разделивших в полёте судьбу.

* * *

На Запад, на «край Ойкумены»,	Поветрие страшного года,
Самум изогнулся, горбат,	Скорлупки поверженных лат...
Когда Чингисхана тумены	Лишь русичи скифского рода –
Вскопытили дробно закат.	Трёхглавую тварь уязвят.
Стихия не знает препона...	Потрогаю ветхую книгу,
Тараны у самых дверей:	Строкой летописца ожгусь:
Не сдержит Европа дракона –	Какому подвержена игу
Замрёт у последних морей.	Ты ныне, Великая Русь?..

Тишина

...Вон за теми синими холмами,
От людей почти отрешена,
Тронет ухо мягкими губами
Пегая кобыла – тишина.

Тишина... Она бывает разной.
Непомерной – наши плечи гнет.
И бежит, её чураясь, праздный,
А уставший – долго сердцем пьёт.

Диалог цените с тишиною.
Как она, бездонная, нежна!..
Страшной, неоплатною ценою
На земле отмечена она!

Мэрилин Монро

Жила за океаном, Бесёнком мне в ребро Вошла, спорхнув с экрана, Вмиг – Мэрилин Монро, Волшебное создание. К чему я тут клоню? – Сибирской глухоманью Прошлась как авеню!	Красотка Голливуда Засела мне в мозги. Придумал злую пытку Для сердца и для глаз: Разглядывал открытку – На дню по сорок раз!
В дощатом сельском клубе Косятся на мужей, Да разве ей уступят: – Ишь, зыркает, злодей!..	Достала – вот зараза, Хоть сигани с моста – Проказница «из джаза» – Киношная звезда!
Дышал по ней неровно С тех пор в родном селе, Хоть и ворочал брёвна В опилках и смоле.	Не Зинку, не Иринку Домой не провожал, Маринку – Мэрилинкой, Соседку, называл...
Аж становилось худо, Кровь стучала в виски...	И, тешась тем обманом, Мечтал и думал про Ту, за океаном, Про Мэрилин Монро...

* * *

Не от мира – вкрадчивый, зовущий,
Этой ночью Голос разбудил.
Ухал филин – соглядатай пущи,
В перьях просо звёздное студил...
Гнев, Надежда, Боль и Сожаленье,
Рвали душу, близкое суля,
Но молчали Город и Селенье.
И в ознобе ёжились поля...

Сибиряк

Родился тут и рос,
Студило, зноем жгло:
С тепла – да на мороз,
С мороза – да в тепло!
Прижмёт – синё в глазах,
Деревья аж трещат!
Сосульки на усах
Не ломаны, звенят...
Одно у мужика –
Лишь ухмыльнётся, плут:
И – греют здесь снега,
И шило бреет тут!

Дмитрий ШАРАБАРИН

Кто я?

Кто я, себя не узнающий
И понимающий едва,
Как мир сегодняшней, насущный,
Его и мысли, и слова?

Кто я? Вопрос мой из вопросов,
Неразрешимых никогда –
По диким травам сенокосным
Бредущий тихо в никуда?

Кто я, плохой или хороший,
С часами – тикают в груди! –
Всегда меж будущим и прошлым –
На острой грани, посреди?

Судьба такая, не иная.
Опять прощальный крик грачей.
И может быть, кто я – узнаю,
А может быть, и знать зачем?

Забытая мелодия

На склонах солнечных весна
Рассыпалась осколками.
Помолодевшая сосна
Гудит, как медный колокол.

След самолёта над леском
Тропой дымитесь лыжнойю.
Так далеко и высоко
И видится, и слышится!

Литого звонкого ствола
Коснусь – в нём сила скрытая.
И запоёт во мне, светла,
Мелодия забытая.

* * *

Опять среди рассветной густой тишины
Какие-то звуки врываются в сны.

Из детства далёкого лошади мчат?
Небесные звёзды о землю стучат?

Прошедшие годы на вечном ветру,
Как льдистые звенья звенят поутру?

* * *

Над полем пустынным
Лишь ветер сквозной.
Здесь время застыло –
Волна за волной.

Синеет над снегом
Застывшая тишь.

Посмотришь на небо –
И взглядом скользишь.

Застыли тревога,
Застыла беда.

Застыли дороги,
Дороги – куда?

Сентябрь

Сентябрь поседевший
По берегу тихо бредёт,
По тропке в седых клеверах
И засохшей осоке.
И брызжут кузнечики
(Краток их поздний полёт!),
Как рыбная мелочь от хищников
В тёмно-зелёной протоке.

Я был здесь,
В лугах нараспашку,
Лет тридцать назад,
Совсем молодой,
Преисполненный
Жажды высокой!
То время навечно
Осталось в душе и глазах:
Костры, рюкзаки,
Перевалы, седые высоты.

И песни,
И женщины –
Самых отчаянных лет!
Альпийские звёзды,
Срываясь, не гасли,
А в росах горели.
Я понял тогда:
Ничего постоянного нет!
А годы и беды
Творили со мной,
Что хотели...

Бредёт мой сентябрь.
Под тяжестью лет
Седая берёза
Над яром подмытым согнулась.
Вдруг нежность нахлынула
К тихой уставшей земле –
Аж сбилось дыханье,
И сладко слеза навернулась.

На закате

Отзвенели золотые тополя.
Вон летит к закату
Солнечная нить!
На лугах, где стадом выбита земля,
Лишь бессмертника холодные огни.

Я люблю их одинокость и печаль,
Непокорность и живучий аромат.
Каждый в жухлых травах светит,
Как свеча.
Все погаснут в мире свечи,
Будет тьма.

А над рощицей горланит вороньё
И обсиживает гулкие столбы.
Далеко сквозит
Затихшее жнивье –
Ярко-жёлтое под красно-голубым.

Будто в песенную
Выстроюсь строку,
По обрывистому берегу реки
Понеслись в седую даль
По ветерку
Молодые, как заря, березняки.

* * *

За полосою полоса.
За песней – песня снова.
И неизбывны голоса,
И неизбывно Слово.

И за верстой сквозит верста,
А мы покуда живы –
Любовь и жизнь, и высота,
И Родина, и красота
Вовеки неизбывны!

Весеннее

Ступеньками теней
Иду по льдистой тропке.
Следы прошедших дней
Протаивают робко.

Проталина дымит,
Обуглены сугробы.
Под сапогом звенит
Хрусталь чистойшей пробы.

Остатние года,
Как этот день, растают,
От моего следа
Приметы не оставят.

Где ты, моя тропа?
Плывёт по лужам солнце.
И жалко наступать
В небесные оконца.

Идалия ШЕВЦОВА

Материнское сердце

Если много детей –
одно сердце на всех у матери,
что солнце на Божьей скатерти,
и душа, что метель,
мечется
между сыном и внуком,
между внучкой и дочерью
и, шепча «Отче наш»,
мать отводит житейские муки
от кровинок родных...
Если сердце одно, то оно,
что радар,
тонко ловит тревожные звуки.

* * *

Отцу Ф.И. Урсатий

Там над земною
холмистостью
стела бетонная высится –
свалены люди,
что листья,
под нею. И пишется:
«Это могила братская
в Наараярви (адской)
Саво-Карьяла округ...»
(Помни, друг).

Здесь тысячи
(даже не сотни!),
погибшие
в финском плену
советские
военнослужащие.
Вот они, лучшие,
генералами преданные
в Отечественную войну.

Хлеб войны

Когда за ржаною булкой
приходилось стоять ночами,
мнилось, будто не пал от пули
мой отец, а придёт нечаянно,
нас, троих, за столом усадит,
угостит привезённым сладким
и головки легонько погладит,
и вокруг мамы пройдёт вприсядку!
А потом – гордо выйдем на улицу:
впятером – мать с отцом – по краям,
а соседки, дивясь, будут щуриться,
невесёлое «здрате» ронять,
будут слёзы украдкой смахивать
и смотреть нам тоскливо вослед...
Станут ждать своё счастье махонькое
За военною поступью лет.

Яблочный Спас

Пожелала спокойной ночи,
а сама и уснуть не могла:
всё «таращила» чёрные очи
за окошко, где тёмная мгла.
Всё-то с боку ворочалась на бок,
уносились за звёзды мечтой,
а они, будто крупные яблоки,
укатились под гору с листвою –
мне оставили голые ветви
под летящим, тревожным дождём.
В эту ночь мне приснился ветер
и любимый,
что вёл меня в дом...

* * *

Сколько я огород ни полю,
а трава-то колыхнется.
Сколько милого ни молю,
а ему и не слышится:
так далече он от меня –
этот мир на другой сменял...

* * *

Искристые снега весна подмяла,
разворошила память прошлых лет,
и в пенье птичьем я ищу начало
того, что не найти – любви звенящей след!
Он там, где Финский скальвает волны
и чайкой носится души моей виток,
где парк старинный до свеченья вольный
и храм Катальной горки, что цветок!
Он там – в соединении проспектов
Дворцового и выше – флота Красного,
как двух эпох и совершенно разных!..
Там сочетались молодость и зрелость,
там обнялись Любовь – Разлука – Ревность.
Искристые снега их унесут в приволье
сердечных светлых мук Судьбы и Доли...

Портрет

Она стройна,
И взгляд – стрела.
Пронзит: виновный покорится,
Она – стремительная птица
И, что орлица,
Во всём смела.
Мила, естественна...
Но форма
Лишь дополнение к душе!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Август

– Заводоуковская библиотека получила имя видного тюменского писателя Зота Тоболкина.

Зот Тоболкин (1935 – 2014) родился в деревне Хорзово Заводоуковского района Тюменской области, в многодетной семье крестьянина-колхозника. Детство его, как и всего поколения, протянулось сквозь трагическое время войны, которая унесла старших братьев. Ему удалось окончить лишь четыре класса дневной школы: с одиннадцати лет он начал работать, перепробовал много профессий – прицепщика, тракториста, электрика, слесаря, каменотеса, кочегара, монтажника, геодезиста. С 1964 года, после окончания университета, трудился в газетах, на радио и телевидении Тюмени и Нижневартовска. По произведениям Зота Тоболкина снимались художественные фильмы, его пьесы ставили многие театры Советского Союза, в том числе – столичные. Большой популярностью пользуются его романы «Припади к земле», «Лебяжий», «Грустный шут», «Зодчий» и другие. Похоронен в Тюмени.

Сентябрь

– Книги тюменских писателей принимали участие в Международной книжной выставке на ВДНХ, одной из крупнейших книжных выставок мира.

– В областной научной библиотеке после летних каникул возобновил работу клуб любителей изящной словесности. На первой встрече прошла презентация нового номера альманаха «Врата Сибири», книги члена Союза писателей России Виталия Огородникова. Творческая студия Марины Косполовой осуществила театрализованную постановку одного из рассказов Зота Тоболкина.

Октябрь

– Один из филиалов Ишимской городской библиотеки получил имя тюменского писателя, уроженца Ишима Анатолия Васильева. Поэт и прозаик, заслуженный работник культуры РФ Анатолий Васильев был создателем и на протяжении полутора десятков лет бессменным редактором альманаха «Врата Сибири». Член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников и нескольких романов. Живёт в Тюмени.

– Омутинской районной библиотеке присвоено имя тюменского детского писателя Александра Шестакова. Александр Шестаков много лет работал в Омутинском районе, автор более десяти книг для детей, которые сам же иллюстрировал. Всего Александр Шестаков опубликовал в различных изданиях более полутора тысяч рисунков.

Коротко об авторах

Валге Алина, менеджер социально-культурной деятельности, менеджер образования, переводчик, окончила аспирантуру ТГАКИС по философии, работала в образовании, в настоящее время трудится в одном из детских развлекательных центров. Сказки для детей стали литературным дебютом.

Горкунова Татьяна, участник Международного совещания молодых авторов в Каменск-Уральске 2015 года. Пишет прозу, стихи и произведения для детей. Живёт и работает в Екатеринбурге. Член Союза российских писателей.

Ермаков Иван (1924–1974). Классик тюменской литературы. Родился в Тюменской области, в многодетной крестьянской семье. Окончив семилетку в родном селе Михайловка, уехал в Омск, где обучался в творческой студии при областном драматическом театре. Работал актером-кукловодом в Омском кукольном театре. Во время войны окончил пехотное училище в Омске, ушел на фронт, был дважды ранен, награжден орденом Красной Звезды. Первый сказ Ивана Ермакова «Соколкова бригада» был напечатан в областной газете «Тюменская правда», а потом перепечатан в журнале «Сибирские огни» (1956). В 1961 году вышел первый сборник И. Ермакова – «Богиня в шинели», который включал в себя семь сказов. В том же году в издательстве «Советская Россия» в Москве вышел его сказ «Голубая стрекоза». Член Союза писателей СССР. Похоронен в Тюмени.

Захаров Аркадий – неоднократно публиковался в альманахе «Врата Сибири», автор нескольких книг по краеведению, в том числе выпущенных в известных столичных издательствах. Член Пушкинского общества, член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

Карнаухов Игорь, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков Тюменского государственного нефтегазового университета. Один из победителей Второго областного конкурса молодых авторов в номинации «Проза».

Козлова Людмила. Автор 30 книг поэзии и прозы, изданных в Бийске, Барнауле, Санкт-Петербурге и Канаде. Повесть «В Бухенвальде» опубликована в Дании (журнал «Новый берег»). Лауреат краевых литературных премий им. В.М. Шукшина (1991), им. Л.С. Мерзликина (2003), премии Славянского общества в номинации «Литература» (2005), им. Н.М. Черкасова (2010). Лауреат литературной премии им. Сергея Михалкова (2008) – за книгу сказок для детей. Лауреат Международного литературного конкурса «Лучшая книга года» – 2014 (Берлин, Германия). Руководитель и издатель литературно-художественного и публицистического журнала «Огни над Бией» – издается в Бийске более десяти лет и по настоящее время. В 1994 году принята в Союз писателей СССР – ныне Союз писателей России. Место жительства – г. Бийск.

Кондауров Анатолий. Родился в самом начале войны, после школы перепробовал много профессий, работал и одновременно учился. Получив высшее образование, много лет служил в правоохранительных органах, занимая высокие должности. Затем был адвокатом, но однажды бросил всё и устроился охотником-промысловиком и провёл в тайге 17 сезонов. Автор нескольких книг прозы и персональных фотовыставок. Живёт в Тобольске.

Краснослободцев Анатолий. Родился в с. Сычевка Алтайского края. Учился в музыкальном училище, окончил Чимкентский университет. Публиковался в периодической печати, коллективных сборниках, в журналах «Алтай», «Барнаул», «Встреча», «Огни над Бией», «Бийский Вестник», «Огни Кузбасса». В антологиях: «Писатели Алтая», «Дыхание времени», «Русская сибирская поэзия», «Обратный Отсчет». Лауреат журнала «Огни над Бией» – 2014 г. Выпустил три самостоятельных сборника стихов: «В стороне моей простуженной...», «Свет зари на снегу», «Вернуться б снова к тополям...». Член Союза писателей России.

Оспанов Догалак. Родился и долгое время жил в Казахстане, работал в различных газетах. В 90-х переехал в Юргинский район Тюменской области, до пенсии работал в районной газете. Стихи публиковал в различных газетах и литературных альманахах, в том числе в альманахе «Врата Сибири». Некоторые из стихов положены на музыку. Член Союза журналистов России. Живёт в с. Юргинское.

Поплавский Роман, победитель Второго областного конкурса молодых авторов в номинации «Поэзия». Преподаёт в Тюменском государственном университете.

Радаева Светлана. Окончила Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова. Победитель второго областного конкурса молодых авторов в номинации «Литература для детей», участник Международного совещания молодых авторов в Каменск-Уральске 2015 года. Живёт в Ишиме.

Сезёва Наталья, доктор искусствоведения, член Союза художников России, член Ассоциации искусствоведов РФ (АИС), зав. отделом художественной культуры и искусства края Тюменского музея изобразительных искусств ГАУК ТО «Музейный комплекс им. И.Я. Словцова». Живёт в Тюмени.

Сильнягина Мария. Студентка отделения телевизионной журналистики Тюменского государственного университета. На Втором областном конкурсе молодых авторов заняла второе место в номинации «Публицистика».

Синюкова Мария. Родилась в г. Хабаровске. Окончила отделение журналистики Тюменского государственного университета. Преподаёт в Тюменском государственном университете. Живёт в г. Тюмени.

Сметанин Сергей. Родился в Башкирии. В 1976 г. окончил факультет иностранных языков Башкирского госуниверситета. Тридцать лет жил и работал в Сургуте, 12 лет возглавлял сургутское литобъединение «Северный огонек». Автор свыше десяти сборников поэзии. Член Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

Солодова Татьяна – унаследовала от своих предков не только педагогическую традицию, но и писательство, и публицистику. Имеет более сорока публикаций по темам истории культуры и образования в Западной Сибири в периодических изданиях и сборниках научных статей, является автором нескольких книг: «Сплетенье судеб и времен», «Подвижник искусства», «Заповедное слово», «Корабль из добрых дел», «Заложник времени», «Это нужно живым» и др.

Тоболкин Зот (1935 – 2014) родился в деревне Хорзово Заводоуковского района Тюменской области, в многодетной семье крестьянина-колхозника. Ему удалось окончить лишь четыре класса дневной школы: с одиннадцати лет он начал работать, перепробовал много профессий – прицепщика, тракториста, электрика, слесаря, каменотеса, кочегара, монтажника, геодезиста. С 1964 года, после окончания университета, трудился в газетах, на радио и телевидении Тюмени и Нижневартовска. В 1975 году окончил Высшие режиссерские курсы в Москве. В 1972 году публикуются первые рассказы в журналах «Современник», «Крестьянка». Тобольский драматический театр осуществил постановку драмы Тоболкина «Геологи». Позднее его драмы идут в Тюменском, Ульяновском, Горьковском, Тобольском, Армавирском театрах. В 1977 году Средне-Уральское книжное издательство выпустило сборник пьес «Самый главный народ». Несколько пьес получают премии на Всесоюзных конкурсах, пьесы «Братья» и «Про Татьяну» ставятся в театрах Москвы. Большой популярностью пользуются его романы «Припади к земле», «Лебяжий», «Грустный шут», «Зодчий» и другие. Член Союза писателей России. Похоронен в Тюмени.

Шамова Елена, журналист, работает в газете «Тюменский курьер», участник Второго областного конкурса молодых авторов (2015). Публиковалась в различных газетах и журналах. Живёт в Тюмени. Член Союза журналистов России.

Шарабарин Дмитрий. Родился в 1937 году в Томской области, школьное и профессиональное образование получил на Алтае. Выпускник историко-филологического факультета Бийского пединститута. Работал в системе начального, среднего и высшего профессионального образования, в основном преподавателем отечественной истории, политэкономии и теории рыночной экономики. С 1983 года – руководитель Бийского литературного объединения «Парус». Автор девятнадцати книг прозы, поэзии, публицистики. Лауреат нескольких литературных премий. Член Союза писателей России. Руководитель Бийского отделения Союза писателей России.

Шевцова Идалия. Публиковалась активно с 1973 года в России, а с 1995 года – в дальнем и ближнем зарубежье. Издано более двадцати брошюр и сборников стихов, прозы, статей. Лауреат Всесоюзного фестиваля народного творчества, Москва – 1987 год. Лауреат краевого конкурса к 50-летию Победы за сборник стихов «Соната военных лет». Отличник советской милиции. Член Союза писателей Приднестровья с 1995 года, член Международного сообщества писательских союзов – с 2000 года, член Союза писателей России – с 2006 года.

Явецкий Павел. Родился с. Белое Алтайского района Алтайского края. Стихи и проза публиковались в краевых, региональных, московских литературных журналах и за рубежом (Польша, «Современная литература мира» – Нью-Йорк). Автор нескольких поэтических книг, изданных в Москве, Барнауле, Бийске, в том числе двухтомника «Частушки». Лауреат журнала «Огни над Бией». Член Союза писателей России.

Ярков Александр, доктор исторических наук, культуролог, профессор ТюмГУ. Живёт и работает в Тюмени.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках:

из коллекции «Галерея тюменского ковра. От эскиза к ковру»

На обложке: В.И. Суриков (1848 – 1916)

«Взятие снежного городка», 1891 г. Холст, масло, 156 x 282

Из собрания Государственного Русского музея

Альманах зарегистрирован Западно-Сибирским
территориальным управлением Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 17-0413 от 23 мая 2006 г.

Адрес редакции:

625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6
тел./факс: (3452) 75-73-33, тел. 695-630
E-mail: vrata_sibiri@mail.ru

Электронная версия журнала: www.tid.ru

**ПРИМЕЧАНИЕ. Почтовое отправление и заявки на подписку
посылать по адресу:**

**625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6,
тел. 75-73-33.**

Издатель: ОАО «Тюменский издательский дом».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6,
тел. (3452) 75-78-88.

Подписано в печать и свет 20.10.2015 г.

Формат 70x108¹/₁₆. Бумага ВХИ.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.

Тираж 1000 экз. Заказ № 3154. Цена свободная.

Отпечатано в ОАО «Тюменский издательский дом».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера *С. Дерябин.*

Корректор *Т. Назырова.*

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора
рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л.,
публицистика – 3 а. л.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе и в электронной версии,
допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.